

**ФЭННИ
ФЛЭГГ**

Дейзи Фэй и чудеса

Annotation

Жила-была в американской глубинке девочка, и звали ее Дейзи Фэй. Родители у нее были непутевые, мама все больше переживала, а папа все больше выпивал. А бабушку хлебом не корми, дай в лото порезаться. И вокруг раскинулся странный и настолько интересный мир, что так и хочется рассказать о нем. И Дейзи Фэй начинает вести дневник. Записки у нее получаются веселые и печальные, трогательные и дерзкие. Про папу, который вечно носится со странными идеями: то открывает бар, то ловит самую большую в мире рыбу, то набивает чучела. Про папиного друга, который летает на самолете и опыляет поля. Про убийцу, живущего по соседству. Про маму, которая так несчастна, что готова убить папу. Про лысого мальчика, для которого надо украсть парик. Словом — про удивительный мир, полный чудес. «Дейзи Фэй и чудеса» — первый роман Фэнни Флэгг, сильно перекликающийся со знаменитыми «Жареными зелеными помидорами», но еще более светлый и щемящий.

- [Фэнни Флэгг](#)
 - [1952](#)
 - [1956](#)
 - [1958](#)
 - [Об авторе](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)

- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)

- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [116](#)

Фэнни Флэгг

Дейзи Фэй и Чудеса

Мэрион, Биллу и
Пэтси

То, о чем вы здесь
прочитаете, случилось
со мной на самом
деле... а может, и не
случилось... Не знаю.
Но это и неважно...
Потому что все здесь
правда.

Дейзи Фэй Харпер

1952

1 апреля 1952

Привет. Меня зовут Дейзи Фэй Харпер, и вчера мне стукнуло одиннадцать. Моя бабушка Петтибон выиграла главный приз в бинго — игру проводило общество ВИБ^[1] — и купила мне на день рождения пишущую машинку. Она хочет, чтобы я училась печатать, мол, когда вырасту, стану секретаршей, но мою кошку Феликс (она ждет котят) вырвало прямо на машинку, так что ей кранты, машинке-то, но я не сильно переживаю по этому поводу. Не знаю, о чем вообще думала бабушка. Я же сто раз говорила, что хочу стричь деревья или заправлять в кузне.

Еще мне подарили духовое ружье «Ред райдер» — это папин подарок — и какие-то костюмчики из разряда «верх и низ прелестно сочетаются» — это мама накупила в магазине «Смарт энд Сэси». ^[2] Брр! Бабушка Харпер прислала пару кожаных туфель, коричневые с белым (мама не разрешает мне ходить в мокасинах, говорит, ноги покорежу), и пластмассовый пропеллер на палочке, синего цвета, но для таких игрушек я уже старовата.

Мама взяла меня в город посмотреть кино «Женщина его мечты» с Робертом Митчумом и Джейн Расселл, их провозгласили самой страстной парой экрана. Я бы предпочла «Парни из Голден Уэст» с Роем Роджерсом и Дэйл Ивенс, где Рой охраняет границу от угонщиков скота. Но мама

злилась на папу за духовое ружье, и я не стала спорить. Мне особо и делать-то больше нечего. Торчу дома, жду школы — я пойду в шестой класс. Моя подружка Пэгги Бокс, которой тринадцать, больше со мной не играет. Ей бы только сидеть и слушать, как Джонни Рэй поет «Белое облачко слезы роняло».

Я единственная в семье. Мама даже не знала, что ждет ребенка. Папа лежал в постели с простудой, и к нему пришел врач, тут мама и сказала, что у нее в правом боку вздулась какая-то шишка. Она попросила: «Доктор, поглядите!» Тогда доктор велел папе встать с постели, а маме лечь. И сказал, что шишка — никакая не шишка, а ребенок, может даже двойня. Бог ты мой, ну и удивилась же мама. Но это оказалась не двойня, а всего лишь я. Мама долго мучилась от схваток, и папа потерял голову и принялся душить врача. Во время родов я так лягалась, что мама больше не может иметь детей. Я что-то не припомню, чтобы лягалась. К тому же я не виновата, что получилась такая большая, и если бы папа не начал душить врача и не отвлек его, меня бы, может, удачнее извлекли на свет. Каждый раз, когда мама рассказывает, как меня рожала, роды длятся все дольше и дольше. Папа говорит, что если верить ее рассказам, то я родилась уже трехлетним ребенком с волосами, зубами и всем прочим.

Я появилась на свет в городе Джексон, штат Миссисипи, и хорошо, что я получилась девочкой, потому что папа всегда хотел девочку. Он — по его словам — заранее знал, что я буду девочкой, и написал обо мне стихи, которые газета опубликовала в рубрике «Письма редактору» еще до моего появления.

Должна родить моя жена — спасибо ей за это!
Но если правду говорит народная примета,
То будет хрюшкой наша дочь, поскольку грезит мать
О барбекю! Лишь барбекю! И снова! И опять!

Я рада, что папа хотел дочку. Большинство мужчин мечтают о сыне. Папа же никогда не мечтал о каком-то вонючем мальчишке, который вырастет и превратится в футболиста с толстой шеей. Он понимает, что такие люди опасны. Наша игра — бейсбол. Джим Пирсалл — любимый игрок. Он орет, вопит, нарушает правила — в общем, знает толк в игре.

Папа говорит, что у каждого в истории есть двойник и что он вполне мог быть двойником мистера Гарри Трумэна. Папа и мистер Трумэн оба носят очки, у обоих есть дочери, и оба демократы. Поэтому, когда дело шло

к тому, что Томас Дьюи^[3] победит на выборах, папа прыгнул в Жемчужную реку и пытался утопиться. Понадобилось четверо друзей, чтобы его выудить, один из них — член Клуба лосей.

Мама уверяет, что он просто играл на публику, да к тому же перед этим выпил восемнадцать бутылок пива «Пабст Блю Риббон». И еще, говорит мама, он ни капли не похож на Гарри Трумэна. Дочку мистера Трумэна зовут Маргарет. А мне вот удружили — Дейзи Фэй... Многие зовут меня Фэй Маленькая, а маму называют Фэй Большая, хотя непонятно почему, она вовсе не такая уж и большая. Мама хотела назвать меня Миньон, в честь своей сестры, но папа закатил скандал: не желаю, мол, чтобы мою единственную дочь назвали в честь куска мяса.^[4] Он так расшумелся, а женщина, заполнявшая свидетельство о рождении, так устала ждать, что бабушка Петтибон положила конец спору, наградив меня именем Дейзи,^[5] поскольку на столе по чистой случайности оказалась ваза с маргаритками. Хотелось бы мне знать, кто подарил маме эти чертовы маргаритки. Мы с папой ненавидим это имя, потому что звучит оно по-деревенски, а мы не деревенщина. Джексон большой город, и живем мы в квартире, а не в доме. Мне нравится имя Дейл или Оливия, но не в честь оливкового масла, а в честь актрисы Оливии де Хэвилленд, сестры Джоан Фонтейн.

Сейчас мама с папой все время ссорятся. Папе позвонил его армейский друг Джимми Сноу и сказал, что если папа раздобудет пятьсот долларов, то сможет купить половинную долю в коктейль-баре в Шелл-Бич, Миссисипи, и разбогатеть. Бар находится прямо на пляже, местечко — точь-в-точь Флорида, не отличишь.

Джимми выиграл свою долю в покер, и теперь ему нужно еще 500 долларов, чтобы выкупить вторую половину бизнеса. Он — летчик самолета-опылителя, так что папа пусть ведет дело, а он будет пассивным компаньоном. Папа просто из себя выпрыгивал, пытаясь добыть деньги. Разозлил маму — хотел продать ее бриллиантовые кольца. Она сказала, что они пятисот долларов не стоят и как он смеет сдирать кольца с ее пальцев! Кроме того, она с ним никуда не поедет, потому что он слишком много пьет. И тогда папа придумал розыгрыш, который, по его убеждению, он сможет продать за 500 долларов. Его приятель держит бензоколонку, уборная там во дворе, и папа решил там испытать свое изобретение. Под стульчаком он спрятал динамик, а соединенный с ним микрофон находился на заправочной станции. Он совершил ошибку, проверяя изобретение на маме. Дождлся, пока она зайдет в кабинку, дал ей время усесться, а потом

чужим голосом сказал: «Не могли бы вы уйти в другое место, леди, мы здесь работаем!» Мама у меня страшно стеснительная — по ее словам, даже папа ни разу не видел ее полностью раздетой, — так что она с визгом выскочила из уборной и проплакала потом пять часов. Она заявила, что ничего более мерзкого с ней в жизни не случилось.

После папиного розыгрыша мама уехала к сестре в Виргинию — для того, мол, чтобы подумать о разводе, хотя она только о нем и думает. Мне пришлось ехать с ней. Ребенок всегда уезжает с матерью. У моей тети куча детей, они страшно раздражали маму во время еды, и мы быстренько вернулись домой.

Надеюсь, папа скоро раздобудет деньги. Если мы поедem в Шелл-Бич, может, я смогу завести пони и каждый день купаться. Папа пока трудится над новым изобретением. На заднем дворе он выращивает английского кормового червя, и как только черви подрастут, он их заморозит и будет продавать по всей стране.

Многие, включая его ближайших родственников, считают папу странным, но я не из их числа. Зовут его Уильям Харпер-младший. Мама рассказывает, что он мечтал уехать из Джексона еще в армии, где он учился любить янки.^[6] Хотя охотников папа до сих пор ненавидит. Прочитав в газете про несчастный случай на охоте, он радуется и ставит еще одну галочку в нашу пользу. Папа всех зверей любит, особенно кошек. Он утверждает, что все диктаторы ненавидят кошек за то, что не могут их приручить. Гитлер при виде кошки приходил в бешенство, уж кому об этом знать, как не папе, он ведь сражался с Гитлером на войне.

Папу забрали на службу в военно-воздушных силах, когда мне было всего два года. Армии он стоил недешево: из-за маленького роста ему пришлось отдельно пошить форму и сделать защитные очки с диоптриями, чтобы он мог видеть.

Но, как сказал папа, «когда страна воюет, она на все готова». Папа не уехал из Штатов, зато сломал большой палец на ноге, когда ударился о землю Луизианы перед тем, как раскрылся его парашют. Самолет успел сесть в болото, когда папа наконец прыгнул, так что мог бы уже и не прыгать, но он потерял очки и не заметил, что они приземлились. Там он и познакомился с Джимми Сноу. Джимми был пилотом и шутки ради вечно орал в наушники: «Прыгай!»

После Луизианы папу перевели в Калифорнию, и он попросил Маргарет О'Брайен^[7] поставить автограф на обратной стороне одного из моих рисунков. Папа сказал, что у нее искусственные зубы, как у бабушки.

Еще он сказал, что Ред Скелтон^[8] — отличный парень, он рассказывал ребятам неприличные анекдоты, чтобы их подбодрить. Все мои правдивые рассказы о Голливуде — это результат папиного пребывания там во время войны. Кларк Гейбл, по мнению папы, самый красивый человек на свете, несмотря на то что усы у него подстрижены неровно. А еще вы знали, что у Дороти Ламур^[9] были такие уродливые ступни, что ей надевали резиновые ноги, когда она играла дитя джунглей? Мама сказала, что это вранье, но я почему-то ни разу не видела фото босой Дороти. Я хотела, чтобы папа познакомился с Эдди Мерфи, но он не познакомился. Он говорит, что я, когда вырасту, буду копией Селесты Холм.^[10]

Папа считает, что если бы мама после войны переехала в Голливуд, как он и предлагал, то мы бы разбогатели, а я, может, уже была бы звездой. Я бы с удовольствием увидела Бомбу Джангл Боя и Джуди Канову.^[11] Но мама ни за что не уедет из Джексона.

Папе не нравилось быть солдатом, его шесть раз понижали в звании. После каждого отпуска он не желал возвращаться обратно, и на службу его водворяла военная полиция. Как-то раз я сидела на горшке в уборной, и тут они давай колотить в дверь и орать, чтобы папа немедленно выходил. Мама стала меня торопить, чтобы я могла попрощаться с отцом, но весь этот шум только напугал меня, и это, по мнению мамы, стало причиной того, что теперь мне так часто приходится прибегать к помощи клизмы. Мама говорит, это военная полиция помешала мне получить необходимые навыки в период привыкания к туалету.

Пока папа воевал, мы с мамой жили в большом белом доме с бабушкой и дедушкой Петтибон. Мы жили в одной части дома, они в другой. Дедушка был очень забавный. Однажды всю ночь не спал и соорудил во дворе грядку из сорока семи бутылок из-под виски, выстроенных в ряд. Он любил виски, умел задирать ноги за голову и делать колесо. Бабушка познакомилась с ним, когда училась в колледже. Она встречала возвращающихся с фронта солдат, и, когда дедушка остановился напротив нее, бабушка расхохоталась, поэтому они поженились и переехали в Виргинию. Он был очень богатый, так что бабушка перевезла в Виргинию почти всех своих сестер и выдала их замуж за богатых. Но потом дедушка пристрастился к выпивке, семья от него отказалась, и пришлось им с бабушкой вернуться в Джексон. Ох и злилась же она, покидая своих богатых сестричек!

Дедушка устроился работать дезинсектором, травил вредителей, а еще он разводил кур. Он был просто без ума от любой домашней птицы и со

своим старым петухом играл в шашки на кухонном столе. Бабушка говорит, они только притворялись, что играют, но я не верю.

Мне у бабушки с дедушкой нравилось все, кроме уток и кур, которые вечно клевали мне пальцы на ногах. Принимали их за кукурузные зерна. Вот дуры. Еще мне не слишком нравилось, что бабушка отрубает им головы. Однажды безголовая курица гонялась за мной по всему двору. Я так испугалась, что ворвалась в дом, не открыв дверь с москитной сеткой, и выломала ее.

Дедушка меня очень любил. Вечно прокрадывался с черного хода на мамину половину дома, воровал меня из кровати, приносил в пивнушку и сажал на стойку. Однажды он повез меня проведать своего приятеля в тюрьме. Мама с бабушкой просто взбесились, мол, я еще слишком мала, чтобы посещать тюрьмы.

Вернувшись насовсем из армии, папа привез мне кроличью шубу — прямо из Голливуда, — несколько жвачек и двадцать шоколадок «Херши». К тому времени он снова был разжалован в рядовые, но зато получил медаль «За долголетнюю и безупречную службу». Небось купил где-то, говорит мама.

С бабушкой и дедушкой мы прожили недолго. Они не любили папу, считали его тощим червяком. По крайней мере, бабушка его так называла. Когда дедушка напивался, он подбрасывал в папину комнату кур. А однажды послал маме телеграмму, что на ее половине дома живет большая крыса. Однажды вечером дедушка приволок свой аппарат для дезинфекции и набрызгал крысиного яда под нашу дверь, в общем, пришлось нам уехать. Сразу после этого дедушка отправился в пивнушку пропустить стаканчик и домой больше не вернулся. Кто-то говорил, что его видели за рулем такси в Тупело, штат Миссисипи, но мы не знаем, где он сейчас. Он оставил своих кур и все прочее. Мне его не хватает. Ладно, мне пора. Феликс уже рождает котят за холодильником, и мама с ума сходит...

2 апреля 1952

Представляете? Я видела рождение котенка... Не буду заводить детей. Неудивительно, что мама злилась на меня за то, что я родилась такой громадиной, весила целых девять фунтов.^[12]

Я много вам рассказывала про папу, но знаете, что в нем самое необычное? Он кинооператор, как и его отец. Я родом из семьи, занятой в

кинобизнесе, даже мама какое-то время продавала билеты в кино. Она работала в кинотеатре, потому что было время Великой депрессии и еще потому, что ее папа не волновался за нее, только когда видел сидящей в стеклянной будке.

Профессия моего папы делает и меня особенной. Некоторые называют это нахальством, но папе нравится в людях это качество, он как-то сказал, что я не должна говорить «Да, сэр» и «Да, мэм». Он не хочет, чтобы его дочь разговаривала как слуга. Я и не разговариваю так, если, конечно, не хочу произвести впечатление... или если мама не маячит поблизости.

Сразу после войны папа работал в «Лесном театре». Все субботы и воскресенья я просиживала под будкой кинотехника на балконе, где когда-то сидели цветные, пока не поумнели и не открыли собственные кинотеатры. После этого белые тоже туда не садились, что вполне меня устраивало: весь балкон был в моем распоряжении. Кресла в кинотеатре были красные, а на стенах зеленые лампы в виде лилий. Перевесившись через перила, я кидалась чем-нибудь в людей, которые мне не нравились.

Мама теперь твердит, что, глядя на людей сверху вниз с этого балкона, я обзавелась комплексом превосходства. Так-то оно так, но папа не хочет, чтобы я сидела внизу, где какой-нибудь растлитель малолетних может оказаться рядом со мной, и тогда папе придется его убить. Мне, однако, и самой выданы инструкции, как поступать с растлителями. Если кто-то позволит себе какие-то вольности со мной, я встану и громко заорю:

— Это растлитель! Арестуйте его.

Папа сказал, что если бы все так поступали, то в мире не осталось бы растлителей малолеток.

Он дал мне еще один ценный совет, как защитить себя в реальном мире. Если меня кто-нибудь ударит, я не должна давать сдачи. Надо дожидаться, когда враг повернется спиной, а потом врезать ему по башке кирпичом. У меня красивый, аристократический нос, и папа не хочет, чтобы по нему били. Сам он не раз спасался от жестоких драк с более сильными врагами тем, что грозил зарезать обидчика во сне. Единственное неприятное воспоминание об этом балконе — тот раз, когда я смотрела фильм «Могучий Джо Янг» с Терри Мур.^[13] Ту часть, где беднягу Могучего Джо Янга колотят, я просидела под сиденьем, так мне было его жалко. Некоторые люди считают в порядке вещей приклеивать жеваную жвачку под сиденьем. Папе в тот вечер пришлось срезать немало моих волос. Я считаю, что жвачку нужно приклеивать к коробке от попкорна или заворачивать в конфетный фантик. А мама заявила, что нечего под сиденья залезать.

«Лесной театр» показывал много разных фильмов. Став старше, я удивилась, узнав, что Патриция Медина^[14] — никакая не звезда. А я-то думала... Однако я до сих пор утверждаю, что «Мистер Гудбар» и «Рейзинет»^[15] — это лучшее, что можно достать за деньги. Леденцы «Зеро», «Загнат» и «Бат-терфингер» хороши, но «Бит-О-Хони» дольше сосет. У меня в ухе однажды застряла палочка от леденца «Джу-Джу», так что я стараюсь теперь держаться от них подальше. Мама говорит, что зубы у меня выпадают исключительно из-за всех этих сладостей, но зато я лучше всех надуваю жвачку.

В «Лесном театре» показывали еженедельные сериалы: «Краб Гулена», «Зеленый Шершень» и «Джим из джунглей». Мой любимый — «Ниока, девочка из джунглей», она мне нравится даже больше «Джима». Кого бы волновала судьба Джонни Вейсмюллера,^[16] если бы не Бой и Джейн? У некоторых людей напрочь отсутствует деловой нюх. Ниока могла мчаться сквозь джунгли, прыгая по лианам быстрее Тарзана.

Каждую неделю папа показывал мне очередную серию ночью, когда театр закрывался. Я всегда первой узнавала, что Ниоку не убили. Клянусь, я никому не рассказывала, ни разу.

Ниока сильно повлияла на мою внешность. Папа смастерил мне на заднем дворе веревочные качели, целый день потратил на это, но, к сожалению, допустил ошибку в расчетах, когда их вешал. Я крепко взялась за веревку, папа разогнался и изо всех сил качнул меня, и качели врезались прямо в дерево, так что теперь у меня передний правый зуб обломан. Папа говорит — зато я отличаюсь от других. А мама говорит — уродство.

У мамы есть теория о том, что папа несколько раз пытался меня убить. Однажды я уснула в гостиной, он понес меня в спальню и по дороге разбил мне голову. Еще он столкнул меня с пристани в Жемчужную реку, когда мне было три года, и долго не прыгал за мной — считал, что маленькие дети, как и молодые животные, умеют плавать, если достаточно испугаются. Но я испугалась недостаточно. Видели бы вы весь тот мусор на дне, который я успела разглядеть, пока ждала, что он нырнет и меня вытащит. Консервные банки, старая коробка от сигар «Рой-Тан» и кремь для высекания огня. Жемчужная река привлекает малокультурных людей, если хотите знать мое мнение.

А однажды папа подобрал на обочине доску, пристроил на переднем сиденье рядом со мной, а конец высунул в окно. Он велел мне держать ее, я так и сделала, но когда в доску на ходу ударил ветер, она вывернулась у меня из рук и врезала по лбу так, что я потеряла сознание. В другой раз,

когда папин дружок купил новенький «Бьюик», папа ткнул в какую-то кнопку, и мне зажало голову окошком. Но в тот раз, думаю, это случилось оттого, что он просто не разобрался с оборудованием.

Но мамина теория базируется на другом случае — когда папа, натура весьма артистическая, решил снять с меня маску. Он налепил на меня гипс, но позабыл сделать дырки для дыхания. Кроме того, он еще и забыл намазать мне лицо вазелином. Пришлось ему разбивать гипс молотком. Мама после этого не разговаривала с ним неделю. А мне лично было жалко, что ничего не вышло.

Еще мама говорит, что он губит мою нервную систему. Как-то раз я слушала по радио «Внутреннее святилище», папа неслышно подкрался ко мне, и, когда дверь в передаче медленно, со скрипом отворилась, он схватил меня и громко заорал в ухо: «Попалась!» — и я потеряла сознание. Еще маме не понравилось, что папа сказал мне, будто Санта-Клауса задавил автобус, и меня от этого стошнило.

У всех Петтибонов очень чувствительная нервная система. Нет, правда. Мама постоянно нервничает. Она протерла дыру в полу папиного автомобиля на месте пассажира, оттого что все время давит на тормоза. Такое ощущение, будто она вечно на грани нервного срыва, но это в основном из-за того, что в восемнадцать лет она сунула голову в духовку поглядеть, не готово ли печенье, и сожгла брови. Так что на их месте мама теперь рисует две черточки-полумесяцы. Люди любят поговорить с мамой, потому что у нее всегда заинтересованный вид, даже когда ей совсем не интересно.

Если папа представляет опасность для моего здоровья, то мама ничуть не лучше. Прошлой зимой она нас обеих чуть не угробила. Она наткнулась на афишу: «Каждая женщина захочет увидеть Джоан Кроуфорд — женщину, которая любит Джонни Гитару» — и, наверное, тут же захотела. Я же мечтала посмотреть фильм «Фрэнсис, говорящий мул», а потому была не в лучшем расположении духа. Когда мама берет меня в город, это на целый день. Она обожает покупать одежду в магазинах «для мам и дочерей» и напяливает на меня отвратные платья. Стоит нам выйти в город, она начинает глазеть на витрины. Гляди, гляди, гляди! Это сводит меня с ума.

Мы всегда заходим поесть в кафе «У Моррисонов». Я не против, потому что вместо овощей мне разрешают взять желе. После еды мама сидит, пьет кофе и курит. Я должна следить за ней, как ястреб. В мои обязанности входит подливать ей кофе. Это продолжается часами. Потом я должна отодвинуть ее кресло и помочь надеть пальто. Она помешана на

том, что дети должны иметь хорошие манеры. В тот день я выдержала восемь чашек кофе и Джоан Кроуфорд, и, чтобы доставить мне хоть немного радости, мама сказала, что я могу перед нашей остановкой дернуть за колокольчик в трамвае. Я не виновата, что с нами в трамвае ехала совершенно сумасшедшая тетка, которая разговаривала со своим бумажным пакетом. Я так на нее засмотрелась, что пропустила остановку. Мама пришла в ярость, ведь обратно топать два квартала по жуткой холодрыге. Одета мама была в большую шубу из серебристой лисы, а в руках она держала сумочку из кожи крокодила и с крокодильей головой.

Стояла такая темень, что пришлось идти по середине дороги. Мы одолели примерно квартал, когда она увидела машину — в миле от нас. Мама тут же впала в истерику, скакнула вбок и закричала, чтобы я убиралась с проезжей части на тротуар. А я стояла и наблюдала, как у нее сносит крышу. Мама прыгнула на тротуар, вот только на той стороне не было никакого тротуара, а сплошная вязкая грязюка. Высоченные мамини каблуки застряли в земле, и она шмякнулась обратно на середину дороги, при этом шуба задралась ей на голову. Так мама и лежала, выставив вперед сумочку.

Когда машина подъехала ближе, свет фар ударил прямо по глазам крокодильей головы. Машину вынесло на обочину. Меня от любопытства так и пригвоздило к месту. Шофер долго не выходил из машины. Нечасто посреди зимы в Джексоне, штат Миссисипи, увидишь крокодила, обросшего шерстью.

Потом я подошла к нему и объяснила, что это никакой не крокодил, а просто дама в шубе, у нее ноги застряли в земле. Он помог маме подняться, а я вытащила из грязюки ее каблуки. Ну и взбесилась же она! Хотя ударилась не сильно, только коленки ободрала и порвала чулки и еще потеряла сережку.

Весь оставшийся путь я шла сзади и всеми силами боролась со смехом. Я едва не задохнулась до смерти, потому что знала: мама бы меня убила, если бы я рассмеялась. Я все притворялась, будто кашляю. Лицо у меня было цвета свеклы, по щекам катились слезы. Вот забавная штука — ваша жизнь в опасности, а вы не можете перестать смеяться. Но когда мама обернулась, чтобы вышибить из меня дух или еще чего хуже, пришло внезапное спасение. Она сама начала смеяться. И тогда мы обе расхохотались так, что даже сели на дорогу, и я перепачкала вдрызг свое пальтишко из серии «для мам и дочерей».

Но теперь у меня с мамой большие проблемы из-за пьесы, которую я написала. На мой взгляд, пьеса удалась на славу. Мы поставили ее в школе.

Она называется «Беспечные девчонки». Две красивые деловые девушки живут в Нью-Йорке и ходят не иначе как в вечерних платьях. Когда служанка говорит им, что на ужин пожелует мистер Гарри Трумэн, они приглашают всех своих друзей, нанимают музыкантов и все такое. А потом оказывается, что мистер Трумэн — это страховой агент, просто его так же зовут. Ха-ха, бог ты мой, вот это им был сюрприз!

Я исполняла главную роль, а моя лучшая подруга, Дженнифер Мэй, играла вторую девушку. Сара Джейн Бреди была служанкой. Я дала ей роль только потому, что она высокая. Она чуть не заporола пьесу, потому что все свои реплики читала по тетрадке. Не считая этого, спектакль удался. Мы играли перед всей школой. Мама рассердилась, потому что мои девушки выпили двадцать семь стаканов джина с вермутом.

Я изо всех сил старалась ее убажить, но, по-моему, она во мне разочарована. Каждый раз, как мама злится на меня, она говорит, что я вся в отца. На Пасху я довела ее до слез. Она купила мне красивый пасхальный наряд с розовой соломенной шляпой, белыми оригинальными туфельками и такой же сумочкой, но за день до Пасхи я заработала синяк, когда Билл Шаса назвал моего папу пьяницей. Я попыталась дать ему кирпичом по затылку, но промазала. Ненавижу мальчишек, которые бьют девочек, а вы? Хотя ему мы Пасху тоже испортили. Папа дал мне леденцов от запора в пакетике от обычных конфет, и Билл их все сожрал.

Мама мечтала, чтобы я играла на арфе, потому что кто-то однажды ляпнул, будто я вылитый ангел. В Джексоне не нашлось ни одного учителя игре на арфе, и она решила записать меня на чечетку. Школа чечетки и балета госпожи Невы Джин обещала, что ваш ребенок затапцует через тридцать дней. Школа находилась на втором этаже аптеки Уотли, где готовят лучший в мире банановый сплит.^[17] Я играла лепесток в постановке под названием «Весна в Гринтайме», где гвоздем программы были тройняшки Гейнеры в роли трехлепесткового клевера. Скутеру Олгерсону досталась роль сорняка, но его мама не хотела, чтобы он был сорняком, и выдернула его из спектакля. У меня в постановке дела шли не очень-то. Я не попадала в ногу.

Мама позволила мне бросить танцы, когда я протерла весь паркет в доме, репетируя свой «скользящий шаг». Кроме того, Нева Джин заявила, что я весь класс тащу назад. Никакой радости у меня от этой танцшколы не было, не считая того раза, когда Бастер Сессион расстанцевался в балетных туфлях, которые ему велики. Он слабак и неженка, и, когда его мама пришла поглядеть на его успехи, он от старания отбивал чечетку с такой скоростью, что одна туфля слетела и угодила по спине пианистке, миссис

Велле Фьюссел. А мама Бастера даже не смотрела на него. Она сидела в складном кресле, лопала мармеладки «Джуйси фрут» — целый пакет сжевала — и читала «Тайны экрана».

Мы с папой купили запись Марио Ланца с песней «Из-за тебя», и я выучила ее на мамин день рождения. Когда к ней пришли подружки, папа напялил на меня пиджак и галстук и приклеил усы. Он объявил мой выход, и я вышла и спела «Из-за тебя» в полную громкость. Мама сказала: может, мне стоило лучше разучить какой-нибудь хит Патти Пэйдж.

Она ждала миксер на день рождения, но папа вместо этого купил ей дорогие кусачки для педикюра. Я подарила туалетную воду «Готи» и сухую пудру, два гигантских тюбика зубной пасты «Колгейт» и крем «Палмолив» для бритья ног. Она сделала вид, что ей понравились мои подарки, но я-то знаю, что нет. Я слишком мала, чтобы покупать миксер, и даже не представляю, где их продают.

А вот чего я понять не могу, так это почему у нашей трехцветной кошки котятка получились черные и белые, и притом такие уродики, брр.

12 апреля 1952

Ой, вы не поверите. Папа заморозил пять коробок английских красных червей, а когда разморозил, они были мертвей мертвого! Никто не купит сдохших английских червей. Черт! Теперь у папы остался только один способ раздобыть эти пятьсот долларов — попросить в долг у своего отца, но дедушка Харпер ни за что ему не даст, потому что злится на папу и не заговорит с ним до конца жизни.

Моего дедушку, Блонди Харпера, в Джексоне любой знает. Когда в театре «Пантейджес» давали концерты, он работал там осветителем. Дедушка Харпер славился своей придирчивостью, и, если ему кто из артистов не нравился, он освистывал его и вырубал свет. Народ шел в театр только ради того, чтобы послушать, как дедушка освистает какого-нибудь комика-северянина.

Решив создать в Миссисипи профсоюз рабочих сцены, дедушка ходил по театрам и там, где его встречали в штыки, оставлял бомбы-вонючки, вот почему он по сей день президент этого профсоюза.

Папу он невзлюбил с самого начала. Считал его малявкой и дистрофиком, к тому же папа носил очки и подражал птичьим голосам. Дедушка считал его маменькиным сынком, но это совсем не так.

Дедушка купил мне девчачий замшевый ковбойский костюм с бахромой из белой кожи и такими же ботинками, так что в дневнике я про него писать буду, но папу мне все равно жалко. Дедушка называет папу плохим мужем и отцом и прочие гадости про него говорит, и все потому, что однажды увидел, как папа разговаривает с другой женщиной в пивном баре доктора Газа. Папа объяснил, что это был просто деловой разговор по поводу профсоюза. А дедушка заявил, что в профсоюзе женщин нет. Папа же возразил, что как раз об этом они и разговаривали. Если бы дела не обстояли так плохо, папа наверняка подложил бы в дедушкину машину бомбу-вопилку.

Мне будет не хватать встреч с дедушкой и бабушкой Харпер. Мне нравилось ездить к бабушке Харпер, потому что они с тетей Хелен разрешали мне открывать для них бутылки пива и делать глоточек.

Тетя Хелен настоящая красавица. В детстве она спала, сложив руки, точно ангел, чтобы красиво выглядеть, если она умрет во сне. Она тоже недолюбливала папу, потому что однажды он приклеил портрет ее парня на внутреннюю сторону крышки от унитаза. Поднимаешь — а там лицо.

Мама упорно отказывается переезжать в Шелл-Бич, но папа говорит, что поскольку ни его, ни ее родные с ним не разговаривают, то в Джексоне он счастлив не будет.

Хорошего в последнее время случилось только то, что мой пес по кличке Лесси стащил со стола приготовленный мамой ростбиф, так что нам пришлось ужинать не дома, и я увиделась с тетей Бесс, у которой свое кафе «Айрондейл» на другом краю города. Ей шестьдесят пять, а замужем она ни разу не была. Она сказала мне, что на могиле придется перед ее именем выгравировать «Мисс», но она об этом не жалеет.

Она приходится сестрой бабушке Петтибон. Кафе у нее замечательное. Оно у самой станции, и большинство посетителей — железнодорожные рабочие. И еда отличная. На тетю Бесс работают пять цветных женщин, пекут бисквиты, жарят свиные отбивные с ботвой турнепса. У тети Бесс в меню есть даже опоссум. Мама говорит, что это шутка, по крайней мере, она на это надеется.

Когда тете Бесс было двадцать, ее папа поглядел на нее и понял, что замуж она не выйдет, как другие сестры, поэтому дал ей денег, чтобы начать свое дело. Она открыла парикмахерскую, но продала. Потом они с подругой Сью Лавеллс купили кафе «Айрондейл». И дело пошло.

Все Петтибоны — методисты и часто посещают церковь. Они расстраиваются, что тетя Бесс с ними не ходит. Она любит рыбачить, и один раз, когда бабушка устроила бинго-вечеринку, тетя Бесс в подпитии

подрулила к ее дому с торчащей из окна машины связкой мертвой форели. Джордж, цветной, которого она взяла с собой, сидел рядом с ней на переднем сиденье.

Тетя Бесс разбогатела, оттого что все старые железнодорожники перед смертью завещали ей деньги. Они все холостяки и по уши влюблены в тетю Бесс. Но она всех отвергает.

Пол и потолок кафе сплошь в дырах от выстрелов — это оттого, что тетя Бесс играет в покер с железнодорожниками после закрытия. Игроки напиваются и довольно скоро затевают драку. Тетя Бесс наблюдает, пока не решает, что довольно. И тогда дает залп из ружья.

Тетя Бесс хорошо относится к папе — хвала Господу! Вчера вечером она все подливала и подливала ему в бумажный стаканчик виски, чем вывела маму из себя. Мама у нас вся из себя правильная и ненавидит, когда папе весело. Она записала меня в католическую школу, думая, что я благодаря этому перестану смотреть на папу с обожанием. Все только и твердят, что он дурно влияет на меня.

Папа не позволяет крестить меня, но эти католические сестры упорны и не оставляют попыток. У меня куча открыток со святым содержанием, и все со мной нянчатся, поскольку считают, что я попаду в ад. Мне очень нравятся сестры — все, кроме сестры Пласиды.

У меня два парня, Дуэйн Кроуфорд и Лютер Уиллис. Лютер носит галстуки-бабочки. Когда у нас были танцы по случаю окончания пятого класса, мы с Лютером танцевали «Вальс Теннеси», а сестра Пласида вошла, утащила меня в коридор и попыталась стереть с меня помаду и румяна, притом я была даже не накрашена. Мама, она там тоже была, как член Ассоциации Родителей и Преподавателей, вышла вслед за нами и объяснила, что я просто покраснелась от волнения.

Еще мне не слишком нравится катехизис. Папа сказал мне, что эпистолы^[18] — это жены апостолов. Старый священник рассмеялся, когда я спросила, была ли Мария Магдалина подружкой Иисуса. Он вообще не любит, когда задают вопросы.

Я уже второй год как скаут. У меня есть значок первой помощи, который мне очень пригодился. Однажды после школы Джимми Ли сбила машина, и все вокруг было в крови. Я вспомнила, что надо делать. Села на землю, сгруппировалась и уткнулась головой в колени, чтобы не потерять сознание.

Однажды цветной мужчина попал в аварию напротив дома бабушки, и ему отрезало ухо. Когда прибыла «скорая», врач сказал бабушке: «Мы не можем его забрать, вы должны вызвать „скорую помощь“ для цветных».

Представляете, ему не стали помогать! Ох и разозлились мы. Папа сказал, что дуракам не место в медицине.

Я лично никому из докторов не верю и не подпускаю на расстояние брошенного фантика, особенно после того, как доктор Клайд сказал маме, что мне нужно удалить гланды и что это будет очень быстро, хлоп — и нету. Уговаривал меня, мол, я смогу есть мороженое когда захочу, и это будет так интересно, и мама повела меня в магазин «Рексалл» и купила куклу Искорку.

Мы пришли в больницу, и доктор Клайд пообещал, что мама и папа все время будут рядом. Потом меня положили на каталку и повезли по коридору. Все было нормально, пока мы не подъехали к широкой двойной двери, тут мама с папой сказали, что дальше им нельзя. Услышав это, я села на каталке. У мамы с папой был испуганный вид, но какие-то служащие в халатах втолкнули каталку в двери и быстро их закрыли.

Потом другие люди в масках начали суетиться вокруг меня и даже попытались отнять куклу Искорку. Они спросили, католичка ли я, и тут я занервничала, а потом они положили мне на лицо маску и попытались убить эфиром — ничего отвратней я в жизни не нюхала.

Услышав за дверью возню, я попыталась встать, но пятеро взрослых против одного ребенка — это нечестно. Это был самый ужасный опыт в моей жизни. Я слышала колокольный звон, сирены и видела кошмарные вещи. Мне приснилась история про врачиху с волшебной палочкой, и я до смерти напугалась.

Потом я узнала, что, когда меня завезли в операционную, мама повернулась что-то сказать папе, но папа убежал в конец коридора и заперся в телефонной будке, так он расстроился. Врачи вытащили его оттуда и сделали укол. Я люблю папу, но в чрезвычайной ситуации помощи от него немного.

Не позволяйте им заморочить вам голову мороженым. Я его даже лизнуть не могла, да и не хотела, кстати. Едва ко мне вернулись силы, я оторвала голову моей кукле Искорке и выковыряла ей глаза.

Бабушка Петтибон приходила в больницу и развлекала меня игрой в бинго, и еще я пропустила школу, но во всем остальном больница — это ад кромешный.

2 мая 1952

Позвонил Джимми Сноу и спросил у папы, как там насчет 500 долларов. Я с ним разговаривала, по голосу он очень милый. Папа решил попытаться счастья и принять участие в игре «У меня есть секрет», чтобы выиграть деньги. Господи, слышали бы вы эти секреты, до которых он додумался! Мама сказала, что секрет должен быть по правде, тогда он взялся тренировать меня для игры «Попади по часам». Он думает, что я смогу попасть по часам, потому что у меня хорошо развита координация. Никому не хватило духу сказать ему, что дети в шоу не участвуют.

Мама снова водила меня сегодня к врачу, но я просто перегрелась, потому что папа заставил меня два квартала толкать машину.

В жизни мало радости. Мама следит за мной, как ястреб. За прошлый месяц она водила меня к врачу четыре раза, думая, что я заболела полиомиелитом. Она не пускает меня плавать, не пускает в кино, не разрешает даже поесть мороженого, потому что кто-то сказал ей, будто цветные мальчишки снимают с мороженого обертки и облизывают их изнутри, прежде чем продать.

Папа тайком принес мне позавчера виноградное мороженое, но у меня покраснели губы, и мама нас раскусила. Вот цена за красивую кожу.

Малыш у соседей бабушки Петтибон заболел полиомиелитом и подключен к аппарату для искусственного дыхания. А его отцу японцы отрезали голову на войне. Лучше мне не болеть полиомиелитом. А то мама такое устроит.

После того как папа пришел на работу пьяный и запустил фильм задом наперед, ему пришлось пообещать маме сократиться со спиртным. Теперь он пьет только «Хадакол»,^[19] чтобы кровь лучше бежала. Пьет он его целый день. Не понимаю, как его можно в рот-то взять. На вкус — болотная вода.

Надеюсь, папа достанет 500 долларов, и мы тогда уедем.

Я ненавижу Роуз Мэри Салвадж. Она украла мою лучшую подругу Дженнифер Мэй, сказав ей, что владеет сведениями о половой жизни. Я вас спрашиваю, ну какими сведениями о половой жизни можно владеть, учась в пятом классе, даже если ты итальянка?

Что касается меня, то мама сказала, чтобы я не слушала никаких таких сведений, а если чего и услышу, то чтоб не верила. К тому же я этим уже не интересуюсь, после того как видела, как рождаются котята. Думаю, лучше поменьше знать про это.

Вчера наткнулась в городе на дедушку Харпера. Он стоял перед ломбардом и болтал с друзьями. Заметил меня, позвал, спросил, как я поживаю, и дал 5 долларов. Увидев папу, выходящего из переулочка, окатил

его презрительным взглядом и сказал: «А тебе шиш, малявка» — и пошел прочь.

Я накупила себе всякого: шапку Дэви Крокетта,^[20] книжку с картонной куклой и кучу побрякушек в «Вулворт».^[21]

Мама сказала, что у меня наверняка есть примесь индейской крови, раз мне так нравятся цветастые бусы, но я считаю, что это у меня от бабушки Петтибон. У нее просто тонны этих бус. Я бы что угодно отдала за ее желтые стеклянные бусы и сережки из разноцветных камушков.

У бабули Петтибон есть две зеленые бутылочки в форме женщин с нарисованными черными волосами и капитанская шляпа из желтого стекла, в которой она держит пудру, вот их я тоже хочу, и еще картинку с голой девушкой на качелях, она взлетает в синее небо над башнями замка.

Не знаю, почему я так хочу иметь эти вещицы. Хочу, и все тут.

6 мая 1952

Вчера была ночь самой крупной в городе игры в бинго. Организация ВИБ Ист-Лэйка выделила джекпот в 500 долларов. Мама весь день была на нервах. Папа пытался придумать, как сжульничать, и рисовал в подвале фальшивые карты. Она твердила ему, что в бинго сжульничать невозможно, а если бы и была возможность, она бы не стала это делать, поскольку у нее маленький ребенок и она не собирается позорно загреметь в тюрьму.

В конце концов мама отослала его в «Фургонное колесо» выпить пива. Впервые в жизни мама сама велела ему пойти выпить. Его, понятно, тут же след простыл. А мама схватила меня и так туго заплела косички, что у меня голова заболела.

Она не разрешила мне дернуть шнурок в трамвае, хотя мы приехали на час раньше. Повела меня в «Рексалл» и купила раскраски про Джун Эллисон и Вана Джонсона,^[22] комикс «Малышка Одри» и книгу «Каспер, дружелюбное привидение», чтобы я была при деле и к ней не приставала.

Зал для бинго организации «Ветераны иностранных войн» Ист-Лэйка украшен большими неоновыми буквами ВИБ на фасаде, на стенах развешаны сотни пожелтевших, выцветших картинок с солдатами и уйма флагов. Очень патриотично. Все пришли на игру пораньше, чтобы занять хорошие места.

Тут были и женщины-католички, и несколько участников бинго-вечеринок Американского легиона, хотя они не выносят людей из ВИБа.

Мы сели и заняли столик для бабушки. Все обсуждали, на что они потратят эти 500 долларов, если выиграют.

Снуки, самый знаменитый крупье бинго в Джексоне, был в своей «вшивой» униформе с дурацкой шляпой с кисточками и расхаживал по залу, пожимая людям руки. И хотя народ считает, что он слишком быстро называет номера, все были с ним очень милы и старались умастить.

Организация Снуки в ВИВе называется «Платяная вошь», потому что их работа во время войны заключалась в том, чтобы переезжать в товарных вагонах вместе с мулами и обирать с них вшей. Я бы лично вряд ли кому-то призналась, что занималась таким делом.

Когда открылся бар, все эти несчастные мужья, которых приволокли сюда жены, поспешили купить пива. Мама нарядилась в шерстяное платье цвета морской волны с рукавами гармошкой. Ужасный наряд для игры в бинго, на мой взгляд, — так я ей и сказала.

Она дала мне 50 центов, чтобы я пошла купить мистеру Биллу пива. Мистер Билл классный дядька. Каждую неделю он появляется в баре в своей бейсбольной кепке. Он ветеран трех войн: Испано-американской, Первой мировой и Второй мировой. Он очень старый и без зубов, и, если дашь ему денег, он в знак благодарности дотронется до козырька кепки. А как он ест картофельные чипсы! Так намусорит — любо-дорого посмотреть! Он как раз намеревался приступить к этому занятию, когда вошла бабушка Петтибон.

Весь зал ВИВа затих. Ее боялись, потому что она была сейчас на волне везения и могла играть сразу на семнадцати карточках. Бабушка явилась в своем «везучем» синем платье в белый горошек и сережках с разноцветными камнями.

Видимо, она побывала сегодня в салоне красоты «Ботье», потому что волосы у нее были ярко-лиловые. За ней следовали ее подруги Олли Микс и Перл Татум. Эта троица игроков в бинго внушает страх всему штату Миссисипи, они играют даже днем на крошечных ставках — просто чтобы поддерживать форму. Я знаю, потому что сама видела. Это одна из причин, почему дедушка Петтибон ушел из дома, — по его словам, эти три старухи пугали его цыплят до смерти, то и дело издавая вопль: «Бинго!»

Увидев бабушку, мама сказала:

— Мама, ты же знаешь, я терпеть не могу, когда ты красишься в лиловый.

— Это не лиловый, а седой с голубым отливом, в доказательство у меня с собой крышка от коробки. — Бабушка вытащила из сумочки картонку и протянула маме.

Мама промолчала. Обожаю, когда бабушка ссорится с мамой, но волосы у бабушки были в самом деле лиловые. На щеках у нее были отчетливо видны два круглых пятна румян, а на губах помада. Волосы у нее настолько тонкие, что против света совсем прозрачные. Иногда во время очередной дневной партии со ставкой в 5 центов она позволяет мне пощипывать ее за складки на руках. И вовсе она не похожа на клоуна из «Макдоналдса», что бы мама ни говорила.

Мама никогда не могла ничего добиться от бабушки. Она говорит, мне повезло, что я ее внучка, а не дочка.

Перед началом игры бабушка послала меня взглянуть на клетку с деревянными шарами для бинго и сказать, какие номера мне больше приглянулись. И велела мне быть полюбезней со Снуки. Брр!

Разговаривая со мной, он даже не соизволил вынуть изо рта вонючую потухшую сигару. Так и бубнил: мне, мол, невероятно повезло родиться внучкой Леоны Петтибон, и не буду ли я столь любезна вытащить потом счастливый номер для главного приза. Я сказала бабушке, что мне понравился номер И-29, и она поставила 17 карт на И-29.

И тут вваливается моя тетя Бесс с какими-то своими старинными дружками с железной дороги и вопит бабушке Петтибон:

— Эй, Леона, что ты собираешься делать с этими пятью сотнями, а, девчонка?

Бабушка прикинулась, что они не знакомы. Друзей тети Бесс она на дух не переносила.

Как-то раз за три дня до Рождества бабушка отправилась в город, и тут ее окликает знакомая и говорит: «Леона, погляди, в отделе игрушек какая-то пьяница ненормальная залезла к Санте на колени фотографироваться». Бабушка повернулась на каблуках и пошла прочь из отдела женского белья. Она поняла, что это Бесс, потому что Бесс каждый год напивается и фотографируется с Санта-Клаусом.

Бесс редко захаживает на бинго, и я ужасно обрадовалась, увидев ее. К тому же она принесла мне подарок, маленького чернокожего пупса. Его пеленку она ради шутки измазала горчицей. Мама сказала: «Фу, мерзость», но я шутки люблю.

Тетя Бесс прекрасно знала, что ежели мама с бабушкой настроены на бинго, то с ними особо не повеселишься, поэтому направилась напрямик к бару покалякать с мистером Биллом и своими дружками. Мама меня с ней не отпустила. Велела замолчать, сесть и заняться раскрасками, но мне захотелось в туалет. Мама взяла с меня обещание, что я не буду садиться на сиденье, потому что все старушки на них писают.

Я очень старалась не сесть, но у меня стали дрожать ноги, и, как вы понимаете, я случайно села-таки и намочила подол платья.

В туалете ко мне подошло, наверное, старушек двадцать, и каждая потрепала меня за щеку и спросила, чем это я тут развлекаюсь. Когда платье чуть-чуть подсохло, я вернулась к маме и быстро села.

Игра началась. Я раскрасила Джун Эллисон и Вана Джонсона, почитала «Малышку Одри», но не могла сосредоточиться. Эти деревянные шары в клетке производили такой грохот! Я попыталась развлечь себя раскраской Каспера — Дружелюбного привидения, но чтобы раскрасить привидение, особого ума не надо. Снуки велел всем быть наготове, потому что после следующей игры с десятью долларами на кону объявят большой джекпот. Народ занервничал, и мне пришлось пойти купить маме кока-колы и сырных крекеров.

Эту игру почти никто не играл. Все направились в туалет. Десять долларов выиграла бабушкина подруга Перл Татум. Она жутко разозлилась, сказала, что всю свою удачу извела на эти несчастные десять долларов. Бабушка посоветовала ей не расстраиваться, мол, она еще раз может выиграть, но Перл сказала: «Молния в одно место дважды не ударяет» — и спросила бабушку, не сыграет ли она джекпот ее карточками вместо нее.

Это значит, что бабушке придется следить сразу за двадцатью двумя карточками. Бабушка подумала и сказала — хорошо, но если она возьмет джекпот картами Перл, то Перл отдаст ей половину. Они разложили карточки на столе. Мама отговаривала ее, но бабушка никогда не слушает маму. Лучше беспокойся о своих карточках, сказала она.

Бабушке пришлось играть стоя. Игра началась. Бабушка была неподражаема. Видели бы вы ее. Она курила «Кэмел», а Перл Татум подавала ей красные фишки бинго, как заколки в косметическом кабинете. У нее отлично шло дело, пока Снуки не выкликнул номер И-29, на котором стояли все двадцать четыре бабушкины карточки.

Когда Снуки назвал следующий номер, Б-3, бабушка еще не закончила покрывать свой И-29, и они с Перл Татум и Олли Микс начали орать на Снуки, чтобы не спешил.

Другие сидящие вокруг женщины стали орать на них, чтобы замолчали, а то не слышно, какие номера называют. Но бабушка, Перл и Олли продолжали кричать Снуки: «Помедленней!» Остальные все больше негодовали, и вскоре эта итальянка назвала Олли Микс старой летучей мышью.

Олли подбежала к ее столику и сбила все фишки с ее карты. Тогда подруга итальянки разозлилась и швырнула в бабушку горсть ванильных

вафель. Перл Татум отбила их, как шарики в пинг-понге. Класс! Все итальянки стали кричать, а Перл Татум вышла из себя, бросила карточки, схватила бутылку кока-колы, потрясла и тщательно обдала фонтаном весь стол.

А народ в зале выкрикивал номера: «Мне нужен номер тридцать два!» — и тому подобное.

Бабушка не могла не принять участия в битве. Она еще держалась, когда одна из женщин ударила ее по голове куском фруктового пирога. И в этот момент кто-то в зале крикнул: «Бинго!»

Все повернулись, и это оказалась МОЯ МАМА! Она поставила на И-69 и взяла джекпот. Тетя Бесс взвизгнула и сбила мистера Билла с крутящегося табурета. Потребовалось семь человек, чтобы сдержать итальянских женщин, желавших немедленно убить бабушку, Олли Микс и Перл Татум. А у меня в голове крутилась только одна мысль: мы едем в Шелл-Бич!

19 мая 1952

Мама чуть было не отказалась отдать папе выигранные деньги. Она все еще до смерти боялась ехать с папой, хотя он обещал, что если она позволит вложить деньги в коктейль-бар, то он не будет пить по праздникам и смотреть на других женщин. Ведь он именно этого шанса и ждал — стать самому себе боссом и бросить крутить кино. Он может даже стать членом Львиного клуба. В общем, посулил ей луну с неба.

А я пообещала, что перестану петь как Марио Ланца, что, между прочим, было не так-то легко — ведь это мой лучший номер.

Папа посоветовал ей не думать о том, как он вел себя в прошлом, а думать о нашей новой жизни, ну как будто смотришь анонс «Скоро на экранах».

В конце концов мама сказала «да». Мы уезжаем через три дня. Ой, ну и наколола я Роуз Мэри Салвадж и Дженнифер Мэй! Сказала им, что еду в Россию стать шпионкой и чтоб они мне не писали. Представляю, как они удивятся, когда я вернусь в Джексон в норковой шубе, богатой дочерью невероятно успешного бизнесмена.

Мы с папой устроили веселье в последний вечер его кинооператорства. Я пошла к нему в будку, и мы разбили о свои головы восемьдесят три поцарапанные пластинки. Я съела пять шоколадок

«Мистер Гудбарс» и одну «Бэби Руфь».

Мама сидела в зале и очень смущалась. Из-за производимого нами шума никто не получил удовольствия от фильма «Джонни Белинда», в котором было много тихих мест. Когда папа пропустил момент смены ленты и зал начал хлопать, мама хлопала вместе со всеми. Не хотела, чтобы догадались, что она имеет отношение к киномеханику. А я вот сохранила верность и, свесившись через балкон, крикнула: «Заткнитесь!» Подумаешь, пришлось им подождать четыре минуты. Отвратительное воспитание.

Феликс плюс два ее котенка и Лесси едут с нами в Шелл-Бич.

Мы едем в нашем автомобиле «кросли».^[23] Он в самом деле кроха, и мама его ненавидит. Говорит, ощущение, будто едешь в стиральной машине.

Своему пони я дам имя Триггер, а если окажется девочка, то Хелен.

29 мая 1952

Я в Шелл-Бич, Миссисипи, почти за триста миль от Джексона. Ух ты! Мы тут уже неделю, и случилось много чего. Ехали мы классно. Я видела, как растет настоящий хлопок, коров видела и читала рекламы «Бирма-Шейв»,^[24] а на обочинах то и дело встречались белые батраки. Мама сказала, что во мне течет кровь белой швали^[25] по папиной линии, но я ей не верю.

Поездка заняла примерно девять часов. Пришлось останавливаться, чтобы Лесси и Феликс с котятками сходили в туалет, и один раз Феликс убежала в луга. Мама всю дорогу проплакала, даже отказалась есть сэндвич с беконом, салатом и помидором.

Мы встретились с Джимми Сноу у заправочной станции в десяти милях от пляжа, он отдал папе ключи от коктейль-бара и пожелал ему удачи. Забавный у него видок, ничего не скажешь. Белые как снег волосы и брови, а ведь он совсем не старенький. Джимми сказал, что заедет попозже.

Около половины пятого мы добрались до Шелл-Бич. Ничего красивее я в жизни не видела. Песок на пляже белый, как мука, а вода зеленая и чистая, не то что в Жемчужной реке. Вокруг ни деревца.

Папин бар расположился в конце дороги, ведущей на пляж. Даже я понимаю, место — первостепеннейшее. Через дорогу от него — танцзал под названием «Маленькое казино». Папа вынул ключ и отпер дверь.

Коктейль-бар у нас просто обалденный. Здесь есть шесть кабинок из

светло-зеленого пластика и шесть столиков со стульями такого же цвета, а из окна вид прямо на Мексиканский залив. Есть кухня и музыкальный автомат с розовыми и зелеными лампочками и красными кнопками, который я могу запускать бесплатно.

Про пол трудно сказать что-то определенное, поскольку бар был всю зиму закрыт и песку намело по щиколотку. Папа сказал, что мы быстро все приберем, глазом не успеешь моргнуть. Однако на это ушло четыре дня. Песок штука коварная. Место для жилья у нас позади бара, одна большая комната плюс застекленная терраса. Террасу папа превратит в мою спальню. Бар построен из зеленого асбеста, и вместо передней стены у него венецианское окно.

Нашими самыми первыми посетителями стала семья Ромео, они живут чуть дальше по дороге и держат итальянский ресторан и восемь летних коттеджей. У них есть сын Майкл, который сейчас гостит у кузины в Джексоне и вернется через пару недель. Миссис Ромео сказала, что моего возраста здесь всего одна девочка по имени Кей Боб Бенсон.

Ромео были очень милы и помогли чем могли. Рассказали, на какие заработки можно рассчитывать в Шелл-Бич. Мистер Ромео объяснил, что деньги здесь можно заработать только в течение трех месяцев в году, июнь, июль и август. В остальное время сюда вообще никто не приезжает. Круглый год в Шелл-Бич живет около пятнадцати человек. Даже летом здесь не так много народу, потому что всех тянет во Флориду. А главная дорога на Флориду проходит в тридцати милях от Шелл-Бич.

Услышав эти сведения, мама посмотрела на папу так, будто готова убить его на месте.

В Шелл-Бич приезжают в основном люди из Хатисберга. Мистер Ромео сказал, что мы очень скоро возненавидим людей из Хатисберга. Для тех, кто держит заведение общепита, эти люди — худшие представители людского рода, потому что они приезжают на море по субботам и воскресеньям поездом и тащат с собой обеды. А если арендуют коттедж, привозят свои продукты.

Папа не тот человек, которого могут огорчить такие пустяки. Он смотрел на новые обстоятельства как на испытание, проверку на прочность. А вот мама была обеспокоена. Она сказала папе, что следовало сначала разузнать все, а после уж переезжать.

Потом мы сидели и разрабатывали план, как сделать из всего этого успешное предприятие, приносящее доход. Сначала нужно было придумать имя нашему заведению. Мы сошлись на названии «Коктейль-бар Харперов» и заказали огромный розовый неоновый знак с большой

голубой неоновой стрелкой, указующей на дверь.

Когда папа уламывал маму выйти за него замуж, он среди прочего обещал ей, что прославит ее имя. И вот, пожалуйста — «Коктейль-бар Харперов», неоновыми буквами. Вряд ли, правда, мама мечтала именно о такой славе. Папа ведь с трудом заставил маму за него выйти. Она считала его уродом, малявкой и дистрофиком, но он не отставал. Писал ей стихи, а когда она сказала, что не хочет за него выходить, он заплакал и устроил такой скандал, что его все пожалели. Он всю ночь прорыдал на ее крыльце.

Бабушка моя сказала ей: лучше соглашайся, а то он не уйдет. Я лично очень рада, что мама согласилась. Ведь сколько я фильмов бесплатно посмотрела, уж не говоря о том, что живу на пляже.

Мы с папой трудились не покладая рук, чтобы подготовиться к открытию. Обновили таблички на туалетах. Нарисовали много объявлений «Коктейль-бар и деликатесы Харперов». Мама с папой крепко поспорили из-за слова «деликатесы». Она сказала, что это слово употребляют только янки, и в Миссисипи никто (включая ее саму) не понимает, что это за зверь — деликатесы.

У папы полно гениальных идей по поводу того, чем торговать. Он чувствует, что не стоит ограничиваться продуктами питания, тем более что большинство привозят еду с собой. Мы убрали все столы и стулья из центра зала и оставили только кабинки. И построили огромные полки, где у нас будут продаваться сувениры, солнечные очки, крем для загара и все, что может прийти в голову отдыхающим.

Мы заказали шляпы, надувные мячи, камеры от шин, совки и формочки для песка малышам, сигары и сигареты, прозрачные зажигалки «Зиппо», у которых внутри есть приманка для рыбы, и игральные кости, а еще всевозможные средства от головной боли и колик в животе. Мы заказали журналы, пленку «Кодак», репеллент от комаров, рыболовное снаряжение и сладости. Мы продаем даже предмет для розыгрыша. Это кувшинчик с надписью «Старое индийское лекарство от геморроя». Открываешь — а оттуда выскакивает резиновый палец.

Папа разрешил мне выбрать надувные круги и подушки для плавания. Думаю, лучше всего будут продаваться Моби Дик и Хауди Дуди,^[26] но настоящий доход могут принести ракушки на розовом пластмассовом постаменте с розовым фламинго или с крестом. Еще в этих ракушках вделаны лампочки, и можно их использовать и как фонарик, и просто как украшение, а еще на них золотыми буквами написано: «Шелл-Бич, Миссисипи».

А еще мы заказали маленьких женщин из ракушек в довоенных

нарядах. Мы собираемся торговать всеми модными журналами, и мне можно будет их читать, если не испачкаю. В нашем музыкальном автомате есть Кэй Старр, «Колесо фортуны», Нат Кинг Коул, «Слишком молода», и моя любимая — Розмари Клуни, «Приходи ко мне домой». Маме нравится заводить «Голубое танго». Зря я сказала Роуз Мэри Салвадж, что уезжаю в Россию, теперь она не узнает, что у меня есть собственный музыкальный автомат. Мама у нас будет хозяйкой заведения и кассиром. Папа — поваром. А я — торговым консультантом.

Вчера мы еще кое с кем познакомились, с мистером и миссис Дадли Дот. Они живут на берегу. Он мне как-то не приглянулся, а миссис Дот понравилась. Она носит широкополую шляпу, чтобы солнце ни в коем случае не попало на лицо. Миссис Дот сказала, что скорее выпьет яду, чем испортит кожу. Она пригласила меня присоединиться к ее клубу, который называется «Клуб юных дебютанток». Они встречаются раз в неделю за магазином живого корма для рыб. Она, как жительница юга, считает своим долгом доносить культуру до умов юных леди из Шелл-Бич. Мама сказала, что я должна пойти.

Миссис Дот пишет колонку в газету «Магнолия-Спрингз» и написала там про нас. Колонка называется «Пара слов от Дот». Там сказано: *«В Шелл-Бич появилась новая семья, миссис и мистер Уильям Харпер и их очаровательная дочурка Дейзи. Они приехали из Джексона, Миссисипи, и открыли коктейль-бар в конце шоссе № 4. Прежде мистер Харпер работал в лучших кинотеатрах Джексона как специалист-киномеханик. Мы желаем им удачи!»* Папа сказал, что про нас теперь будут часто писать в газете, потому что здесь живет всего двадцать человек.

Ближайший к нам город — Магнолия-Спрингз — в десяти милях от нас. Как говорит миссис Дот, Шелл-Бич находится в десяти милях от буханки хлеба и в двадцати пяти милях от катушки розовых ниток. На днях я была в Магнолия-Спрингз, там одна улица и больше ничего нет. Зато есть кинотеатр. Я видела Лэш Ла Ру в фильме «Призрак на границе». Забавно сидеть в зале, а не на балконе.

Вчера утром я проснулась около семи. Подумала, что началась война. Палили из ружей, мы слышали, как по пляжу маршируют военные и какой-то человек выкрикивает команды. Папа выскочил из дверей в трусах.

И что вы думаете? Там оказалась целая куча женщин в форме и армейских ботинках, они проводили маневры прямо у нас на заднем дворе — атаковали песчаные дюны. Папа подошел к человеку, отдающему приказы, и узнал, что зовут его мистер Кертис Хонивелл. Он владелец страховой компании «Звезды и полосы» из Магнолия-Спрингз. Его войско

— сплошь секретарши и девушки из регистратуры, которые там работают.

Он был в униформе, в широкополой, украшенной пером австралийской шляпе. Мистер Хонивелл заявляет, что на нас собираются напасть коммунисты и высадутся они прямо на нашем пляже. Он готовит свое войско, чтобы защищать побережье штата Миссисипи, это его долг патриота.

Девушки воют под девизом: «Миссисипские девицы за свободу будут биться». Если ты секретарша и работаешь в страховой компании, ты должна состоять в армии и тренироваться трижды в неделю.

Папа сказал, что, по его мнению, коммунисты вряд ли рвутся захватить Шелл-Бич.

Мистер Хонивелл спросил, а знает ли папа, что чуть дальше по дороге, в Миссисипи-Саунд, во время Второй мировой войны нашли три японских подлодки с мертвыми японскими солдатами.

Папа ответил:

— Нет, я этого не знал, как не знаю и того, на кой ляд японцам сдался ваш Миссисипи.

И пошел досыпать.

Я была одета, потому что спала в купальнике, поэтому осталась с миссисипскими девицами, стреляющими из ружей. Команды «Стой!» и «Внимание!» удавались им лучше других. Мистер Хонивелл сказал, что я могу стать их талисманом. Я ответила, что у меня есть духовой пистолет и я буду рада пострелять вместе с ними. Девушки мне очень понравились.

Папа поспрашивал мистера Ромео о Кертисе Хонивелле. Тот рассказал, что у него всегда была армия из девушек и что он владеет почти всем округом Харвин.

Мама сказала, что он небось совсем сумасшедший. А мне лично нравится, чувствую себя защищенной. На месте коммунистов я бы не стала связываться с этими девушками.

Одно плохо: мне нельзя плавать в заливе сколько захочу, потому что я должна это делать непременно под маминым присмотром. Она боится, что меня утащит в море отлив.

4 июня 1952

На днях Джимми Сноу заскочил нас проведать, сказал, что смотрится все отлично. А раньше он не заглядывал, потому что все опылял на своем

самолете. После его ухода папа сказал, что Джимми классный парень, однажды он напился и опылил центральные улицы города Тупело. Маме это не показалось смешным. А мне так даже очень показалось.

Наконец я познакомилась с Кей Боб Бенсон. По-моему, я ей не слишком приглянулась. Мне пришлось идти к ней в гости и смотреть дурацкую коллекцию кукол, которых она держит за стеклом, как в тюрьме. Она страшно гордится тем, что в коллекции есть куклы от какой-то мадам Александр. Подумаешь! Что хорошего в куклах, заключенных в стеклянную тюрьму?

Она президент Клуба юных дебютанток и каждое лето ездит в лагерь. Не пойму, зачем уезжать с пляжа. Она похвалилась, что в детстве была такой красивой, что ее фотографию поместили на хлеб «Саншайн» в качестве «маленькой мисс Саншайн». Мать ее прославилась тем, что нашла мужскую ногу, принесенную приливом. Они поняли, что нога мужская, по ботинку для гольфа. Никто не знал, чья она. Нога могла приплыть аж с Кубы. Везет же некоторым.

Кей Боб Бенсон каждую неделю фигурирует в колонке миссис Дот, потому что они с ее матерью лучшие подруги. Хорошо бы моя мама подружилась с миссис Дот. Еще Кей Боб сказала, что мне никогда не стать моделью, потому что у меня сломанный зуб. Да кого это волнует?

Коктейль-бар откроется только в субботу, но мы с папой тем временем обследуем территорию и наводим мосты.

Мы проехали шесть миль до реки Бон-Секур. Вдоль нее растут гигантские деревья, с которых до самой земли свисает испанский мох. Ее называют поющей рекой за странную музыку, доносящуюся из-под воды. Индейцы говорят, что это поют привидения мертвых индейцев. Папа любит ездить туда порыбачить и поест устриц. Бон-Секур — место, где самые лучшие устрицы в мире. У папы есть знакомый, он продает ему целый мешок устриц за четвертак. Папа ест их сырыми. Брр! Не понимаю зачем. Жемчужин он еще ни разу не находил. Я сижу на веслах, а папа ловит рыбу. Мама возмущается, мол, как это выглядит — девочка возит взрослого дядьку по реке, но я отлично гребу. Человек, который нам дает напрокат лодку, мистер Чарльз Вентцель, установил рекорд, поймав пятнистую форель длиной в один ярд.^[27]

Мистер Вентцель живет через дорогу от семьи по фамилии Колдуэлл. Колдуэллы из тех, кого папа называет фанатиками Библии, они помешаны на религии. Мы, Харперы, совсем не религиозны, и папа этим гордится и хвастается. Всем объясняет, что потерял веру позади баптистской церкви Рамоны в возрасте одиннадцати лет. Что же до мамы, то она верит в Бога,

но ходить в церковь с папой так противно, что она не настаивает. По-моему, во мне течет немного крови методистов по маминой линии. Я спросила об этом папу, а он сказал, что я не обязана верить в Бога, если не хочу.

Мы с папой стараемся не встречаться с Колдуэллами, но у них есть дочь, она вечно сидит на террасе и так радуется при виде нас, что приходится махать ей рукой. Их дом глубоко в лесу, так что ей редко доводится видеть людей. Наверное, она узнала у мистера Вентцеля, как меня зовут, потому что однажды, когда мы с папой туда заехали, она улыбнулась, глядя прямо на меня, и сказала:

— Здравствуй, Фэй, как дела?

Я не знала, что ответить, ответила: «Нормально» — и пошла дальше.

А мистер Вентцель сказал:

— По-моему, она хочет, чтобы ты подошла и поговорила с ней. Она инвалид и не может подойти сама.

Мне было страшно подниматься на террасу, но папа меня заставил.

Удивительно, какая она вблизи оказалась красивая. Я еще никогда не разговаривала с инвалидами и пряталась позади папы, который отвечал на все адресованные мне вопросы — сколько мне лет, в каком я классе и все такое прочее. Папа долго с ней беседовал. Ее зовут Бетти, и она инвалид с детства. Ей восемнадцать лет.

Я думала, инвалиды не такие. Папа очень за нее переживает и однажды попытался поговорить с ее родителями. У ее матери некрашенные седые, слегка выющиеся волосы, уродливые очки в золотой оправе и старый, уродливый халат в цветочек. Она не пользуется косметикой, и вид у нее простоватый. Моя мама каждый день использует косметику «Мерл Норман», крем, румяна, пудру, ну все, в общем, даже когда никуда не надо идти.

Мистер Колдуэлл вечно ходит в рабочей одежде цвета хаки. Выше этого человека я никого еще не встречала, и оба они на вид деревня деревней. Папа сказал мистеру Колдуэллу, что надо бы показать Бетти врачам, вдруг она сможет ходить. Мистер Колдуэлл разгорячился, стал говорить, что это плохо — идти против воли Господа, что ее недуг — это Божий знак. Миссис Колдуэлл стояла за москитной сеткой ужасно сердитая и твердила мужу: иди в дом, иди в дом, нечего с ними разговаривать. В конце концов он послушался и ушел, а я напоследок показала язык миссис Колдуэлл.

Потом папа сказал: чертовски жаль, что бедная девочка вынуждена проводить жизнь с этими двумя болванами. Люди вроде Колдуэллов выстрелят тебе в башку и будут клясться, что в Библии есть место, где

сказано, что они должны это сделать, — вот его слова.

Есть на реке один совершенно замечательный человек — мистер Уилбур Донналли, хозяин самой знаменитой на весь округ Харвин коллекции забавных вещей. Он держит свою коллекцию в гостиной, и посмотреть на нее стоит четвертак. У него есть бейсбольный мяч, который в 1932 году в городе Таллахассе, штат Флорида, ударился о голову игрока первой базы, был пойман полевым игроком и засчитан как аут. Еще у него есть Загадочный Морской Уродец. Никто не знает, рыба это или птица.

Моя любимая вещь — старинная пуля, которой враг вождя индейского племени чокто^[28] выстрелил ему в лицо. А вождь, осознав, что жив-здоров, выплюнул пулю, зарядил ею ружье и убил врага.

Папе больше всего нравится чучело десятилапой курицы. Оно вдохновило папу стать набивщиком чучел. Он подумал, что славно было бы иметь какое-нибудь дело, когда закончится летний сезон. Поэтому заказал вывеску на окно: «Билл Харпер, лицензированный таксидермист». Он решил пройти курс по почте и собирать экспонаты, чтобы набивать их, когда кончится сезон. Счастье, что у нас большой морозильник для мороженого, есть где хранить дохлых зверей.

Нам нужна в баре помощница, и мы поехали в Бола-Хейтс, район, где живут цветные, чтобы найти посудомойку, и нашли одну, ее зовут Мэтти Мэй.

Если верить Мэтти Мэй, в Бола-Хейтс есть настоящая живая альбиноска. Ее зовут Ула Сур. У нее розовые глаза, и она никогда не выходит на улицу днем, потому что лицо у нее пятнистое. Никто не знает, где она живет, и она так уродлива, что можно испугаться до смерти. Кто-то однажды видел, как ночью она рвала цветы. Я бы что угодно дала, лишь бы ее увидеть.

Обожаю ездить в Бола-Хейтс. Папа покупает мне лучшее барбекю у человека, который готовит его каждый день во дворе своего дома. А в ночном баре «Элита» я заказываю апельсиновый сок. Обожаю этот бар. Там повсюду маленькие разноцветные рождественские лампочки, и музыкальный автомат, и все такое. Я раньше не слышала этих песен, потому что это негритянская музыка из Африки и Чикаго.

Хозяйку бара зовут Пичи Уигам, у нее золотые зубы, и она сказала, что сидит на диете из жидкостей. Пичи сказала, что я могу заезжать к ней в гости в любое время, и подарила куриную лапку на счастье. Я показала лапку маме, и она велела немедленно ее выбросить, не то подцеплю куриную болезнь. Я как следует вымыла лапу и спрятала в коробку из-под пастилок от кашля «Луденс».

Теперь мы ищем официанта. Выше по дороге есть морская база, куда куча моряков обращается в поисках работы. Да, самое-то приятное я и забыла вам сказать. Мою фотографию будут использовать в рекламе, совсем как фотографию Кей Боб Бенсон. Папа сделал снимок, где я в грустях и печалях. Потом подкрасил меня маминой косметикой «Мерл Норман», глаза подвел и прочее, завил волосы и сделал еще один снимок, где я радостная. Потом повесил карточки на стенку и внизу подписал: «Какая из этих близняшек ест в коктейль-баре Харперов?» Мама заявила, что это лживая реклама, а я так думаю, клиенты к нам теперь просто повалят.

Папа учится стряпать блюда быстрого приготовления. Ем теперь чизбургеры и пью шоколадные коктейли когда пожелаю. Он отличный повар. У них с мамой произошла грандиозная свара, поскольку он хочет продавать пиво, а мама против. Она боится, что он будет пропивать весь доход и на пиво притянется толпа неотесанных грубиянов. Папа считает, что где пиво, там крупные деньги. Если он победит, надеюсь, мы будем торговать пивом «Миллер», оно мне больше всех нравится. Папе очень нравится «Будвайзер», а мама и то и другое ненавидит.

Здесь есть настоящий ночной клуб, называется «Синяя гардения», где вскорости будут давать настоящие представления. Мы с папой ходили знакомиться с хозяевами, одного зовут Гарольд Пистал, а другого — его брата — Клод. Но видели мы только Гарольда и его жену, потому что Клод живет в Детройте. У них есть маленькая дочка Анжела, ей пять лет.

У Анжелы о-о-очень большие растопыренные уши. Мистер и миссис Пистал обещали платить мне двадцать пять центов за вечер, чтобы, когда начнется сезон, я приходила и перед сном приклеивала ей ушки к голове. Они будут заняты в клубе и не смогут оторваться. А еще я смогу бесплатно смотреть все шоу. Анжела очень разумная для своих лет, хотя и не поняла, что я тоже еще ребенок, и все время называла меня «мэм».

Доставили все пляжные мячи, надувные игрушки и круги, которые мы заказывали. Надо идти надувать их.

6 июня 1952

Мама перепугалась и снова вызвала врача. У меня никакой не полиомиелит, просто гипервентиляция — оттого что я надувала круги. Папа собирается купить велосипедный насос.

Когда я болела, мистер Ромео привел Майкла знакомиться, он классный! Жаль, что у меня лицо было такое красное. Майкл обещал взять меня ловить крабов, рыбачить и все такое. Он состоит в юниорской команде спасателей на воде, что может очень пригодиться, поскольку плавать я не умею. Он уже загорел, но, может, это его натуральный цвет.

Вчера Конни, водитель хлебного фургона, разрешил нам с Майклом прокатиться с ним до Коттон-Байю, там есть магазинчик, куда он доставляет хлеб. Конни отдал Майклу все вчерашние пончики, мне тоже досталось.

Коттон-Байю — это деревушка на заболоченной речушке. Там живут каджуны.^[29] Это чего-то французское. Там ужас как красиво, пальмы, песок. Конни хотел нас кое с кем познакомить. Мы подъехали к старому белому деревянному и покосившемуся — вот-вот упадет — магазину. Вывеска гласила: «Бакалея и прочее». С виду деревня совершенно нежилая, но Конни рассказал, что на реке много людей, хотя мы их и не видим. Почтальон раз в неделю доставляет им письма на лодке. Не хотела бы я ждать письма целую неделю. А вдруг лодка потонет или крокодил съест почтальона?

Внутри эта бакалейная лавка такая древняя! Мне показалось, что эти кубинские консервы с перцем и всевозможные забавные продукты лежат здесь с прошлого века. Миссис Легур — хозяйка лавки, она же и почтальонша. Наверно, она каджун, так смешно разговаривает. Я купила у нее клубничный лимонад и шоколадку «Бадди». Майкл уже слопал шесть вчерашних пончиков, так что купил только «Ар-си колу».

Конни спросил, можно ли нам увидеться с Джесси. Миссис Легур велела нам подождать, пока она его немного приведет в порядок. Я спросила, а Джесси человек или животное? Конни сказал, что Джесси человек, ему двадцать пять, и он лет пятнадцать не выходил из своей комнаты из-за того, что страдает слоновой болезнью. Я еще не видела людей со слоновой болезнью, Майкл тоже. Я хотела бы пойти посмотреть, но только если сама не подцеплю ее.

Мы долго ждали. У миссис Легур больше дюжины старых календарей развешано по стенам, и, наверное, жевательный табак у них пользуется спросом, потому что его там просто горы. Она продает табак даже вместе с папиросной бумагой, если хотите сами скрутить сигарету.

Я не доела шоколадку. Уж больно несвежая. Наконец вернулась миссис Легур. Конни привез для Джесси пять буханок хлеба и три вчерашних кокосовых пирожных. Мы пошли в жилую часть магазина и увидели Джесси, он лежал на полу на матрасе, под одну ногу подложена подушка.

Думаю, он самый толстый человек в мире. Даже глаз не видно. Его мама смочила и расчесала ему волосы. Он был в цветастой рубашке без пуговиц, сколотой большими булавками, а на ногах что-то вроде пижамных штанов. Он встретил нас дружелюбно и обрадовался пирожным, которые ел прямо руками. Комнатка у него маленькая, зато куча красных и синих подушек с надписями «Мама» и «Радость моя» и с желтой шелковой плетеной бахромой по краю. Есть подушки из Нэшвилла, штат Теннесси, и Чарлстона, штат Южная Каролина.

По стенам висели рекламные плакаты напитков «Грапико», «Доктор Пеппер», «Орандж краш» и «Буффало рок», а также крест, плакат компании, производящей покрышки «Гудэйр тайр», и плакаты сигарет «Честерфилд» и таблеток «Кул эдс». И среди всего этого рождественская картинка Санта-Клауса, пьющего кока-колу, и копия «Последней вечери».

Джесси спросил, не хотим ли мы послушать, как он поет. Я сказала, что с удовольствием услышала бы «Лодки, полные креветок», но он знал только патриотические и религиозные песни и спел что-то про Иисуса. И голос у него тоже красивый.

По радио он ловит на коротких волнах замечательную программу из Дель-Рио, штат Техас. Однажды они рассказали о нем в эфире и прислали веер с картинкой — там нарисован Иисус Христос в одежде пастуха, с посохом и овцами.

Джесси спросил Майкла, собирается ли он на мне жениться, когда мы вырастем. Я сказала, что папа не разрешит мне выйти замуж за итальянского мальчика, потому что не хочет, чтобы я работала в бакалейной лавке, и Джесси хохотал так, что вся комната тряслась. Потом начал страшно потеть и попросил Конни опустить ему ногу. Нога у него толщиной с автомобильную покрышку, и никакого колена. Видимо, смех его утомил, потому что он стал очень тяжело дышать.

Нам было пора, и я сказала ему: до свидания, рада знакомству. Майкл тарачился на него не отрываясь. Я-то хоть по крайней мере комнату оглядела. Конни сказал, что Джесси весит больше 500 фунтов^[30] и не может ни встать, ни пройти в дверь. Кормить и купать его приходится маме. Раз в неделю двое-трое мужчин приходят перевернуть его с боку на бок, чтобы у него не было пролежней. Интересуют его только радио, мама и еда. Если я заражусь слоновой болезнью, нужно будет обзавестись комнатой побольше.

На этой неделе мы фигурировали в колонке «Пара слов от Дот». *«Уильям Харпер из коктейль-бара Харперов активно готовится к летнему сезону, а малышка Дейзи Фэй Харпер будет новым членом Клуба юных*

дебютанток, первое летнее собрание которого состоится через две недели в магазине живого корма». Миссис Дот также сообщала, что Кей Боб Бенсон «сейчас находится в воздухе», совершая перелет к своей бабушке в Коламбус, штат Джорджия, где для нее устраивают вечеринку-на-всю-ночь.

Муж миссис Дот, мистер Дот, на меня сердится. Когда мы возвращались вместе с ними с собачьих бегов в Пенсаколе, я пыталась выбросить в окно остатки сливочного пломбира и попала в него. А ведь он сам предложил заехать во «Вкусняшку».

Миссис Ромео рассказала маме, что миссис Дот вступила в неравный брак, что она происходит из очень богатой семьи из Мемфиса, штат Теннесси. Когда они потеряли все свои деньги, ей пришлось выйти за мистера Дота. А ведь раньше ходила на балы и все такое.

А знаете, один раз собаки на бегах поймали кролика, потому что его слишком медленно запустили, и, обнаружив, что все эти годы гонялись за чучелом, обиделись и дружно раз и навсегда отказались принимать участие в гонках, вышли в отставку. Миссис Дот в тот вечер как раз пришла посмотреть и стала свидетелем.

Папа нанял на лето официанта, Хэнка Тёрнера. Хэнку лет двадцать, у него стрижка «под ежик», зеленые глаза и здоровенные мышцы, я таких еще не видала. Кроме того, у него еще и настоящая татуировка, американский флаг на правом плече и статуя Свободы на левом, когда он шевелит мышцами, флаг развевается. На груди у него карта штата Миннесота, откуда он родом. Они с братом-близнецом были знаменитыми футболистами из Миннесотского университета. Потом он поступил в морскую пехоту, накачал мускулатуру и принял участие в конкурсе «Мистер Вселенная». Занял второе место.

Он может одной рукой поднять меня на плечо. Спорим, он убьет человека с одного удара. Мама говорит — перестань за ним бегать. А я только и дожидаюсь, чтобы кто-нибудь сказал мне что-нибудь обидное, я бы тогда натравила на них Хэнка.

Мама наконец сдалась, и папа приобрел лицензию на пиво. Чтобы отпраздновать это событие, папа, Ромео и еще несколько человек выпили семьдесят пять банок отборного пива, и музыкальный автомат вкалывал всю ночь. Даже мама выпила немного, и танцевала, и спела «Блю Шампань».

На пляж уже начали заходить люди. Прямо дожидаться не могу. Так будет клево! У папы в морозильнике для мороженого уже лежат мертвые фламинго и лиса, сдохшая от бешенства, осенью будет набивать их. Мы с

Майклом все время ищем мертвых животных, но только недавно сдохших, чтобы выглядели хорошо.

Ой, и знаете что еще? Человек по имени Рой Гриммет собирается арендовать землю рядом с папиным коктейль-баром, сделать там тир для стрельбы из лука, привезти своих жену и детей и зажить себе в трейлере.

Мама говорит, что в трейлерах живет только белая шваль, но мне интересно посмотреть, как там, внутри трейлера.

Похоже, не скоро я обзаведусь пони. Папе еще нужно построить для него конюшню, а сейчас ему некогда.

Побегу, зовут есть чизбургеры...

30 июня 1952

Коктейль-бар открылся, и я так обгорела на солнце, что нос почти облез. Мама повела меня к местному целителю, тот напугал ее до смерти раком кожи и всучил какую-то белую мазь из аптечки морского пехотинца. Теперь мама каждый день мажет мне лицо этой пакостью. Похожа она на свиной жир, и ее нипочем не стереть, как ни старайся. А самое обидное, что остальные-то дети приезжают сюда на неделю и загорают как сумасшедшие.

Я сижу почти весь день дома, потому что никто со мной не хочет играть. Я разрисовала все раскраски, какие только выпускают, а с персидским котенком даже дважды. Одну картинку я послала девочке-инвалидке, Бетти Колдуэлл.

Мама с папой вкалывают как проклятые до самого закрытия, до десяти вечера. Мне приходится завтракать в баре, будто я клиент. Хэнк принимает у меня заказ, а папа готовит, только мне платить за него не нужно. Мама сидит на кассе. Бар наш всегда полон, и она без конца кладет деньги в кассу, так что мы, наверное, станем богачами. Майкла я совсем не вижу, потому что отец пристроил его работать в магазине. Эти итальянцы рано начинают приучать детей к труду.

Бедная Лесси укусила мусорщика, и пришлось отдать ее на ферму, где много ребяташек и ей есть где разгуляться, но так ведь всегда говорят, правда?

Стрельбище у Роя Гриммета просто первый сорт. Он приладил мишени на огромный стог сена. Сказал, я могу потом скормить это сено своему пони, когда лето закончится. Я побывала у него в трейлере, так вот,

кондиционер у него работает дай боже. Как будто в морозилке живешь. Он научил меня стрелять из лука. На стрельбище можно купить десять стрел за четвертак, а если попадешь по трем надувным шарикам, выигрываешь бесплатный гамбургер или хот-дог в папином баре. Хитрость в том, что человек поневоле купит напиток, чтобы запить выигрыш.

У жены Роя, Мавы, такой огромный бюст! В жизни таких не видала. Она говорит, он разросся из-за того, что она много лет стреляет из лука.

У мистера Гриммета лук с силой натяжения в семьдесят пять фунтов, — он сам его сделал. На нем есть прицел, как на ружье. Он пользуется специальными стальными стрелами и никогда не промахивается. Он ездил в парк штата Миссисипи и убил дикого кабана выстрелом в голову. Теперь голова в нашем морозильнике лежит.

Иногда он позволяет мне помочь в привлечении отдыхающих, стреляя по шарикам, которые я держу во рту. Народ прямо валом валил, и бизнес процветал, пока мама не выглянула в окно и не увидела, как я работаю мишенью. Она рассвирепела и сказала мистеру Гриммету, чтобы впредь он расстреливал свою жену.

Большую часть времени я провожу, копая тоннели в песке под баром. Пока у меня четыре тоннеля. С Хэнком Тернером поиграть так и не удастся. Он вечно занят, но я все равно рада, что он здесь, — из-за лука.

У папы аллергия на лук. В детстве он тяжело заболел корью, и мама перепичкала его луковым чаем. Так что если кто-то заказывает лук в гамбургер, папа выскакивает из кухни и начинает с ним спорить. Хорошо, что у нас есть Хэнк, а то папа такой хлипкий.

Я зарабатываю деньги, перед сном приклеивая уши Анжеле Пистал. Ее папа пускает меня в клуб, разрешает выпить кока-колы и посмотреть представление.

Салон «Синяя гардения» весь темно-синий, с белыми цветами на стенах. Там играет живая музыка, есть микрофон, рампы и все такое. Я смотрела у них Бина Курда Батлера, комика, который пародирует южный акцент, и мисс Мэри Кей Херт, женщину-оркестр, но сейчас там выступает певица по имени Шейла Рэй. Известная. В афише сказано, что она давала представления в ночных ресторанах таких городов, как Билокси и Галфпорт, штат Миссисипи.

Она ужасно худая, с белыми волосами и черными бровями. Думаю, что-то она красит — или волосы, или брови. Ее главный хит — песенка «Твиддди». Душевно она ее поет, с характером. Она мне нравится, но я лично считаю, что голосом и актерским исполнением никто не сравнится с Дорис Дэй. У меня есть пластинка с ее песней «Это волшебство», самая, на

мой взгляд, лучшая запись в мире.

Если уж честно, Шейла Рэй пытается копировать стиль и внешность Дорис Дэй, но ее с Дорис Дэй просто не сравнить. Насколько я понимаю, Дорис Дэй — натуральная красавица.

Скоро приезжает Джонсон Деревянная Нога. Он танцует степ, хотя у него нет одной ноги. Прямо не терпится поглядеть на него.

Обожаю представления. Плохо только, что из Детройта вернулся Клод Пистал, дядя Анжелы. Какой же он злока и урод. Видели бы вы его. Прыщавый, с сальными волосами и вытаращенными глазами, смахивает на того актера, что злодеев играет, Питера Лорри, только выше и худее.

Меня он просто ненавидит. Как-то захожу вечером, вижу, сидят мужчины в одной из задних комнат, играют в покер. Можно, спрашиваю, с вами партию-другую? Давай, говорят, ну, я села, заказала кока-колу.

Вы, может, не в курсе, но я в покере собаку съела. Папа обучил меня всем своим трюкам. Сижу, значит, никого не трогаю, думаю, как пойти, и тут вваливается Клод Пистал, хватает меня за шкуру и выкидывает за дверь, да еще пощечину влепил, а я ведь как раз начала выигрывать. К тому же я так провоняла сигаретным дымом, что мама учуяла, где я была, и пообещала вырезать мне сердце, если я туда еще раз сунусь. Жаль. Я могла бы приличный куш сорвать.

Я рассказала Анжеле, что учудил Клод, а она ответила, что Клод всех на свете ненавидит, кроме нее, даже папу ее ненавидит, а еще он носит с собой пистолет.

Клод привез ей из Детройта настоящее миниатюрное пианино и еще всяких разных вещей. У нее даже есть кукольный домик, в который можно самой залезать. Анжела сказала, что если бы захотела, он бы и пони ей купил.

Наши ракушки с крестом продаются с такой скоростью, что мы не успеваем их закупать.

Все говорят, что у папы лучшие гамбургеры на всем пляже, если вы не едите лук. Пиво просто рекой льется, и вечерами, после закрытия бара, папа сам тоже к нему крепко прикладывается.

У него завелись новые друзья. Один — лысый коротышка по имени Билли Банди, известный радиопроповедник. Билли однажды нарвался на неприятности на Среднем Западе, продавая картинки «Последней вечери» с автографом. Представляете, он посчитал, что сможет дурить народ, подделав подпись Иисуса Христа. Он пообещал добыть мне автограф Сью Свитуотер, она ведет радиопрограмму на его станции. Еще один папин приятель — Эл Барабанщик, он играет в «Синей гардении». Мама сказала,

что он похож на горностаю и что папе следует его заморозить, а осенью набить соломой.

Джимми Сноу приволок папе дохлую рыжую рысь, и знаете, что сказал Джимми Сноу? Что лучшие в мире духи делают из мочи рыжей рыси, особенно это касается духов фирмы «Голубой вальс». Неудивительно, что они так воняют. Моя мама пользуется только «Шилимар», очень дорогая марка. По-моему, «Шилимар» делают из чьей-то другой мочи.

Мама отказывается готовить коктейли, потому что ее тошнит от всех этих мертвых зверей в морозилке рядом со льдом.

Маме не шибко нравятся Билли Банди, Эл Барабанщик и Джимми Сноу. Она говорит, что если бы не пиво, папа не стал бы с такими людьми не то что дружить, но даже разговаривать.

Что за это время произошло самого плохого? Начались встречи Юных дебютанток, и мне пришлось пойти с этой белой дрянью на лице. В клубе никого интересного, одна Кей Боб Бенсон и несколько дочек ловцов креветок, которые со мной не разговаривают, поскольку они все такие жутко религиозные, а мой папа, как они выяснили, пьяница.

В первую встречу Кей Боб встала и объяснила значение амулетов на своем браслете. Да кого это волнует-то, госсподи! Чему мы учились? Заваривать и сервировать чай. Я и так это умею. Пришлось заколоть волосы пластиковыми заколками клубных цветов — морской волны и розового олеандра — и расставлять пепельницы и чайные блюдца из ракушек.

Вроде мы собираемся творить добрые дела. На будущей неделе, если погода позволит, займемся расчисткой пустыря в конце шоссе номер 3. Я с трудом заставила себя выпить чай и съесть печенье, так в этом магазине живого корма гадко пахнет. Может, дочери ловцов креветок к этому и привыкли, а я еще нет.

Миссис Дот всегда завершает встречи мыслью дня. Сегодня мысль миссис Дот была такая: «Чтобы прожить жизнь, вы должны в раннем возрасте понять, что вам пригодятся всего лишь две книги — „Поварская книга“ Лиги юниоров Мемфиса и Библия, именно в этом порядке».

Мама с папой постоянно ругаются и очень устают. К нам едет ярмарка. Яневажно себя чувствую. Болит шея и спина. В ногах слабость. Наверное, у меня полиомиелит, скоро я буду жить на железном легком и стану инвалидом, как Бетти Колдуэлл, а может, это аппендицит, а может, даже туберкулез.

P. S. Еще есть риск, что это слоновая болезнь.

1 июля 1952

Полиомиелита мне не поставили, зато поставили клизму.

Мама явно не в восторге от новой папиной деятельности. Вчера утром я стала свидетелем величайшего во вселенной разноса. Папа не пришел домой ночевать, потому что всю ночь они с Джимми Сноу и Элом Барабанщиком бегали по дороге. Бегали туда-сюда. Домой он явился около семи утра, пора было открывать заведение, и мама с Хэнком пытались справиться со всеми делами сразу. А я пыталась соорудить себе диетический завтрак.

Когда папа вошел, маме достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что он до сих пор пьян. Да к тому же в чужой одежде. Началось настоящее светопреставление.

Мама держала в руке белую тарелку, вообще-то они предназначены для сервировки морских деликатесов, но для завтраков тоже годятся. Берет она эту тарелку да как хряснет ее об пол, с криком, что ее тошнит от него и он ведет себя как ослиная задница. Потом она еще одну тарелку хряснула, и еще одну. Всякий раз, выкрикивая что-то, она била тарелку. Перебив все до последней, она перешла к чашкам и блюдцам, разбивая сразу по две-три штуки за раз. Папа убежал. Я осталась. В конце концов, злилась-то она не на меня, и я ни за что не пропущу такую красивейшую истерику. Круче я еще в жизни не видала. Хотя мы с Хэнком ни слова не сказали. Про истерики никогда не знаешь, на кого она может ни с того ни с сего перекинуться.

После того как папа удрал, мама продолжала планомерно громить все подряд, в том числе плоски для креветочного коктейля. Она переключилась на витрину с ракушками и всякими поделками, пока не дошла до ракушек с крестом, и тут внезапно остановилась.

Потом ушла к себе и долго не показывалась. Никто не в силах остановить мамину истерику, кроме Барбары Стенвик.^[31]

Ни в этот день, ни на следующий коктейль-бар Харперов не открылся. Два дня ушло на то, чтобы убрать следы разгрома и купить новую посуду.

Осталось всего несколько пепельниц под стойкой, которых мама не заметила. Папа сказал, что мама обошлась ему в 350 долларов за посуду. Думаю, теперь он возьмется за ум. А то так и разориться недолго. Он объяснил маме, почему на нем была чужая одежда. Они решили искупаться и разделись. Шейла Рэй в шутку вырыла яму в песке и закопала все их одежды, а потом не смогла вспомнить где. Это правда, потому что потом мы

видели, как Шейла Рэй целый день перекапывает пляж и плачет.

Папа говорит, что Шейла Рэй — невеста Эла Барабанщика. Мама ему не верит. Она думает, что папа врет. Единственное спокойное место теперь под домом.

Иногда мама забывает намазать мне лицо белой пакостью, но это случается не часто.

Напротив нас разбивают балаган. Я пошла туда и познакомилась с человеком по имени мистер Ковбоски, польским цыганом. Он сказал, что его жена и дети приедут через неделю и у меня будет с кем играть. Они янки, но это меня не остановит.

Заняться особо нечем. Копаю каждый день свои тоннели под домом. Их уже шестнадцать. Еще хожу на рыболовный пирс. Спихиваю рыбу обратно в море. Нечего ловить, если не собираешься есть.

Я хожу туда утром и днем. Джордж Потлоу, хозяин пирса, бесплатно угощает меня соком.

Мэтти Мэй больше не работает у нас посудомойкой. Она подралась с другой девушкой из-за ее молодого человека, Джерри, и теперь у нее разбито лицо. Голова распухла, как у отравленного пса. Мы с папой навещали ее в Бола-Хейтс.

Пичи Уигам уже развесила рождественские лампочки в ночном баре «Элита». Она сказала, что знает одну цветную девушку, у которой нет приятеля, так что она будет хорошей посудомойкой. По словам Пичи, Мэтти Мэй просто без ума от этого Джерри, и теперь, когда он вернулся из Кореи, от нее не будет никакого проку.

Новая посудомойка — маленькая тощая старушка по имени Вельвета Причард. Чернее я не видала людей, до того она черная, что аж синяя, иссиня-черная, а среди миссисипских цветных это считается признаком королевской крови.

Они страстно ненавидят альбиносов, на мой взгляд, это несправедливо. Я до сих пор умираю, как хочу собственными глазами увидеть настоящего альбиноса. Спросила Вельвету, нет ли в Бола-Хейтс альбиноски, она говорит — нет, нету, это все чьи-то глупые выдумки. Но думаю, врет она. Я точно знаю, есть альбиноска. Нутром чую.

Вельвета у нас недавно работает, но уже успела невзлюбить папу. Мама в ней души не чает, они болтают весь день напролет. Мне Вельвета совсем не нравится. Она однолюб и всегда на маминой стороне, от всех ее защищает.

У меня в носу застряла мамина спиральная золотая сережка, так эта Вельвета тут же помчалась маме докладывать. Она находит все папины

тайники со спиртным и бежит маме ябедничать. Знает, что ее не уволят, потому что мама считает ее ззззамечааательной!!!

У Хэнка проблемы с женщинами. От них отбоя нет. А он слишком добрый, совсем не умеет говорить «нет». Одна девушка ходит за ним по пятам, звать ее Томми Джо Хэррис. Ее отец владелец автостоянки в четырех милях отсюда, и она ошивается тут день и ночь.

Миссис Дот говорит, что ее сердце совсем как луна: в нем всегда мужчина.^[32] Томми Джо очень буйная девушка, все местные парни мечтают с ней гулять. Они любят ее за то, что она отчаянная — дальше некуда. Она водит автомобиль с открытым верхом и ходит повсюду одна, такая самостоятельная. Миссис Дот считает, что все хотят ее поймать и приручить, — по мне, так глупее не придумаешь, поскольку они в ней прежде всего именно необузданность и ценят.

Мне нравится одна история про Томми Джо, про то, как она пошла один раз гулять с парнем, который воображал себя знатоком женщин, эдаким разбивателем девичьих сердец, по выражению миссис Дот. Ну, заманил он ее в машину и пытается, значит, обворожить, а на самом-то деле она ему до фени, просто они с ребятами заключили пари, что он ее поцелует. И тут она возьми да толкни коленкой автомобильный прикуриватель, и в тот самый момент, когда он уже считал, что выигрывает у него в кармане, она насадила этот прикуриватель ему на кончик носа. Проучила его на веки вечные. Теперь он не решается особо показываться на людях и больше не играет на чувствах невинных юных девушек.

Томми Джо носит на шее цветастые платки, совсем как Дженнифер Джонс.^[33] Со мной она не разговаривает. Вряд ли она любит детей. Хотя Хэнка любит. Я знаю это наверняка, потому что у хозяев отеля «Хаммерс Кристиан», где Хэнк снимает комнату, есть сын по имени Грег. Он заставил меня однажды вечером спрятаться возле комнаты Хэнка, потому что видел, как туда зашла Томми Джо. Она выключила свет и забралась в постель, чтобы сделать ему сюрприз, когда он придет с работы.

Могу сказать об этом только одно: что мне жаль Хэнка, поскольку он много работает и жутко устает. Но, вернувшись и обнаружив ее в кровати, он повел себя как джентльмен. Мы видели в окно: он сделал вид, что она ему нравится. Я лично никогда в жизни не буду себя так вести и прыгать в постель к мужчинам, будь это хоть Корнел Уайлд,^[34] коли мне вдруг выпадет с ним познакомиться. Во всяком случае, сначала им придется на мне жениться.

Вчера Юные дебютантки расчищали пустырь в конце шоссе номер 3,

поскольку погода позволяла. Мысль дня миссис Дот такова: «Если подружишься с телефоном и замороженными продуктами, то жизнь покажется тебе вазой с вишнями».

По ее мнению, Александр Грэм Белл и Клеренс Бёрдсай — два самых великих гражданина Америки, если не считать Роберта Э. Ли.^[35] Она уверена, что мы не проиграли в Гражданской войне, что генерал Ли принял генерала Гранта за лакея и просто отдал ему свою саблю. Ее семья в Мемфисе хранит какие-то фамильные ценности генерала Ли, а вот от генерала Гранта только и памяти что пустые бутылки из-под виски.

12 июля 1952

Сегодня маме позвонили из Джексона. Бабушка Петтибон выиграла джекпот в бинго, и у нее случился сердечный приступ. Ее отвезли в Баптистский госпиталь и запретили курить, потому что в палатах стоят баллоны с кислородом, но бабушка спрятала пачку «Кэмел» в прическе и закурила, когда все ушли. От взрыва в правом крыле Баптистского госпиталя повывлетали все оконные стекла. Бабушка не пострадала, но многим пациентам с других этажей стало плохо с сердцем. В общем, мама поехала в Джексон и перевела бабушку в Методистский госпиталь. Вот и хорошо, обрадовалась бабушка, больно уж эти баптисты строги.

Мистер Хонивелл и его девичья армия приобрели базуку, но ни одна из девушек не может ее поднять. Базуку положили в кресло на колесиках, но по песку-то кресло не катится. Жаль, я хотела поглядеть, как стреляет эта штуковина.

На этой неделе во время собрания Юных дебютанток миссис Дот сказала, что мы усыновим бедного ребенка из заграницы и станем ему приемными родителями по переписке. Приемный ребенок, кто бы он ни был, будет писать нам каждую неделю письма и благодарить. Надеюсь, это окажется девочка. Представляете, она вырастет, приедет сюда и увидит меня, Кей Боб Бенсон и дочек ловцов креветок!

Я пыталась уговорить их усыновить ребенка-альбиноса, но Кей Боб Бенсон развопилась как не знаю кто. Она всегда добивается своего. И вечно устраивает эти пижамные-вечеринки-на-всю-ночь. А я сплю в купальнике и не хочу никуда ходить ночевать. Мысль дня миссис Дот была такая: «Самое прочное в человеке — это характер». На следующей неделе мы будем говорить с женщиной из магазина одежды в Магнолия-Спрингз об

аксессуарам, не знаю даже, что имеется в виду. Если мама еще не вернется из Джексона, уж это собрание я точно пропущу.

Анжела Пистал начинает меня доставать. Теперь приходится надевать ей на руки бумажные пакеты, потому что во сне она срывает с ушей пластырь, к тому же подавай ей каждый день сказку на ночь.

Мистер и миссис Пистал сполна оправдывают свои затраты. Уж на что мама не поклонница «Синей гардении», но даже она не смогла удержаться и сходила на выступление Джонсона Деревянной Ноги. Он неподражаем.

В программе был еще певец Рэй Лейн, тоже хороший. Видели бы вы мамино лицо, когда Джонсон Деревянная Нога после представления подошел к столу и пригласил ее танцевать. Ну и вид у нее был — умора! Они станцевали под «Танцуй, балерина, танцуй» Нэта Кинга Коула. Крутились, изгибались — ну все как надо. И ведь из всего зала он выбрал именно маму!

Я спросила: а вдруг хозяин той прибитой к берегу ноги, которую мать Кей Боб Бенсон нашла на пляже, Джонсон Деревянная Нога? Мама шикнула на меня. Она уверена, что это не его нога, но я думаю, всякое может быть. Жаль, ту ногу выкинули, а то бы он посмотрел, может, узнал бы. Я хотела спросить у него, где он потерял ногу, но мама сказала: только попробуй — убью, о таких вещах не спрашивают.

Этот певец, Рэй Лейн, пришел посидеть за нашим столиком. Он тут совсем один, и ему очень грустно. Оказывается, он из Хатисберга, и ему всего семнадцать.

Маме очень понравилась миссис Пистал, но она никогда больше не пойдет в это заведение, потому что там собираются ничтожные люди, дармоеды, так она их назвала. А у Клода Пистала и всех его друзей рожи разбойников. Я не сказала, что это как раз те самые люди, с которыми я играла в покер.

На следующий день этот парень, Рэй Лейн, певец из «Синей гардении», пришел в коктейль-бар и спросил папу, можно ли ему меня видеть. Папа отправился вытаскивать меня из-под дома, где я копала тоннели.

Рэй спросил, не могу ли я с ним пойти поплавать, и я сказала — конечно, могу. Он такой красивый, и волосы у него вьются. У него есть девушка по имени Энн, она носит очки. Он давно с ней гуляет и соскучился. Мне, конечно, хотелось бы, чтобы он был моим парнем. Я бы его одного никуда не отпустила. По-моему, он замечательный, а как поет! — лучше всех.

И знаете что? Он поцеловал меня на прощанье и сказал, что рад был

познакомиться. Он должен стать кинозвездой, типа Рори Кэлхауна.^[36] Мама должна срочно починить мой сломанный зуб.

Приехали Ковбоски со своим балаганом. Их семеро, двое моего возраста. Они живут в большущем школьном автобусе, он даже лучше, чем трейлер Роя Гриммета. В балагане у них несколько игровых автоматов по одному центу, чертово колесо и фотоавтомат, который делает четыре снимка за четвертак, еще они продают сладкую вату и яблоки в карамели. Мама запретила мне их пробовать, мол, эти балаганщики покупают гнилые яблоки по дешевке и заливают сверху карамелью. Я знаю, что не надо бы их есть, но ничего не могу с собой поделатъ. Однако посматриваю, нет ли внутри червяков.

Мистер Ковбоски разрешает мне подметать зал с игровыми автоматами когда пожелаю и заниматься разменом денег. Там так здорово! Все время играет музыка, даже из нашего дома слышно. Они мне ужасно нравятся, хоть и цыгане. Не верю, что они воруют детей, но если меня захотят украсть, я не против. Весело будет в этом автобусе жить. Майкл иногда заходит, и мы катаемся на чертовом колесе. Сверху весь берег виден.

Как-то с нами увязалась Кей Боб Бенсон, но перепугалась, когда я раскачала сиденье, и теперь ее на чертово колесо ни за какие коврижки не затащишь.

Билли Банди, этот священник с радио, наконец принес мне фотографию Сью Свитуотер, которая ведет программу на другой волне. Она подписана: «Для Дотти Фэй». Ну и как теперь ее показывать?

Билли Бандер — очень смешной священник, если спросите моего мнения. Мы с папой его чуть не каждый день встречаем в задней комнате кафе «Бон Тон», это единственное место, где он после церкви может купить спиртное. Он заходит, садится за столик, один-одинешенек, и заказывает выпить. Потом вынимает красный нож для бумаг и вскрывает все конверты с деньгами, присланные добрыми христианами, которые слушают его радиопрограмму, и раскладывает деньги по столу аккуратными стопками. Вынимая купюру в 20 долларов, он произносит: «Хвала Господу». Десятидолларовые купюры заслуживают «Храни тебя Господь, брат». Пятидолларовые — «Спасибо тебе, грешник», а достоинством в один доллар — всего лишь «Всякое даяние благо». Один раз он вытащил 50 долларов и очень громко произнес: «Аллилуйя, Иисус!» Но в основном получает он пятерки и десятки.

21 июля 1952

Произошло нечто ужасное. Коктейль-бар осел на три фута и весь перекособочился! Это я подрывала его своими тоннелями. Случилось это ночью. Папа заметил, потому что все его гамбургеры постоянно съезжали с гриля во фритюрницу. Я ведь не со зла это сделала. Если хотите знать мое мнение, просто дом построен кое-как. Надеюсь, мама ничего не заметит, когда вернется из Джексона. Я обещала папе, что не скажу о том, что он пил, если он не расскажет про дом.

Ему пришлось надставить одну ножку грилю, чтобы яичница и гамбургеры не уезжали в масло для картофеля фри. Кроме этого, по-моему, ничего не заметно. Скорей бы мама вернулась, а то папа расхандрился.

Папа ходил на свадьбу Хэнка, был шафером. Сказал, что свадьба получилась невеселая. Справляли в конторе, и на невесте вместо свадебного платья был обычный деловой костюм, просто букетик к нему прикололи. Даже медового месяца не будет.

На следующий день Хэнк вышел на работу, и все пошло как обычно, никакой разницы. Папа подарил ему 50 долларов, а я — несколько салфетниц из ракушек и несколько пепельниц из устричных раковин, которые собственноручно сделала на встречах Юных дебютанток.

Свадьба попала в колонку «Пара слов от Дот». Как и тот факт, что коктейль-бар Харперов покосился, но миссис Дот не стала меня выдавать, а написала, что на то была Божья воля. Думаю, она не хотела сообщать, что одна из ее Юных дебютанток рыла под домом тоннели, ведь она воспитывает из нас приличных дам.

Майкл прочел книгу Микки Спиллейна «Зацелуй меня до смерти»^[37] и теперь жутко воображает. Говорит, эта книга только для мальчиков и взрослых. А я ее еще в прошлом году прочла, ничего такого в ней нет.

Из хорошего на этой неделе произошло только то, что тетка, которая должна была с нами беседовать на собрании Юных дебютанток, заболела, и мы вместо болтовни пели «Греби, греби на лодочке». Мысль дня миссис Дот: «Помните, если у вас за спиной сплетничают, значит, вы просто на два шага опережаете других!»

Все время, пока мамы не было, папа квасил с Джимми Сноу, и бедолаге Хэнку приходилось корячиться в коктейль-баре одному.

Джимми пьет, потому что его девушка, Айрис Энн Муди, с которой он обручился восемь лет назад, вышла замуж за другого. Она мне очень нравится, но мужа ее я не перевариваю. Вечно всем грубит и постоянно

оскорбляет ее на людях. Хорошо, что я случайно вылила ему на спину горячий сливочный десерт.

30 июля 1952

Мама вернулась из Джексона, и Вельвета первым делом доложила, что я обрушила коктейль-бар. И про папу наябедничала. Когда он пришел пьяный, мама тумачами загнала его в заднюю комнату и устроила взбучку. Стоило ему подняться, она снова его лупила, но свет все же выключила, чтобы соседи не глазели.

Я видела только силуэты, зато хорошо все слышала. Совсем как в фильме «Фламинго роуд» с Джоан Кроуфорд.^[38] В течение всей драки из балагана неслась развеселенькая песня «Подари мне поцелуй, я на нем мечту построю».

Мама обвиняла папу в том, что он крутит шашни с девахой, которая управляет зайцем на собачьих бегах. Разбив об его голову телефон, мама увидела кровь, перепугалась и велела мне бежать к Ромео звать врача. Тот пришел и сказал, что с папой все в порядке, а вот телефон придется покупать новый. И добавил, глядя на маму:

— Фэй, вы бы поосторожней, будь он чуть потрезвее, вы бы его убили.

Теперь мама с папой нежнее некуда, думаю, испугалась, что могла его прикончить. Я бы тогда стала дочерью знаменитой убийцы, и когда ее поджарили бы на электрическом стуле, я бы осталась сиротой и меня бы все жалели.

Я бы, наверное, пошла работать, и жила в отеле, и ходила вся в черном, но это было бы клеймо на всю жизнь. Лучше уж сидеть в четырех стенах, как Джесси, только болезнь посимпатичней подобрать, вместо слоновой. Все неприятности из-за того, что Вельвета доносчица. Пусть посмотрит, как Джеймс Кэгни^[39] поступает с доносчиками.

Бабушка чувствует себя нормально. И уже устраивает у себя дома бинго-вечеринки. Курить она так и не бросила, чем приводит маму в бешенство. Бабушка говорит, что без сигарет «Кэмел» и бинго всяко умрет.

У бабушки появился «парень», какой-то старик, кажется, она снова собирается замуж. Мама говорит, он такой дряхлый, что еле на ногах держится, а бабушка ведет себя как выжившая из ума старушенция. Единственная проблема — она не может найти дедушку и получить развод. Бабушка пытается добиться, чтобы дедушку признали умершим, потому

что с тех пор, как его объявили в розыск, прошло девять лет, и расследование давным-давно прекратили. Если дедушка не умер, то наверняка жутко разозлится, обнаружив, что закон объявил его мертвым.

Бабушка написала мне письмо: обо мне, мол, не беспокойся, а лучше будь с мамой поласковой, потому что мама, по мнению бабушки, семимильными шагами движется к нервному срыву, в чем нет ничего удивительного, поскольку она замужем за этим тощим червяком по имени Билл Харпер. Еще она прислала мне шейный платок с картой Миссисипи.

Самая большая новость в округе, кроме разбитой головы моего папы, — о том, что я теперь самый натуральный герой. Может, ВИБ даже медаль мне даст. В прошлое воскресенье Майкл, Анжела и я решили порыбалить в заливе. Мы сидели в лодке и ловили рыбу-жабу, чтобы надуть и повесить в комнате, как вдруг Майкл что-то поймал на удочку, и волосы у него встали дыбом. Он завопил и выдернул из воды огромнейшую, чернющую змеюку, я таких в жизни не видала, и чудище шлепнулось прямо в лодку. А мы трое в тот же миг прыгнули в воду. Я так увлеченно ругала Майкла за змею, что забыла о своем неумении плавать и оказалась на берегу в мгновение ока. А потом и Майкл доплыл, мы огляделись — Анжелы нигде нет. Тут я вспомнила, что она тоже не умеет плавать. Я испугалась, что придется ее маме с папой говорить, что их дочь утонула, и с перепугу снова прыгнула в воду.

Мы ныряли, искали ее, но не могли найти. В конце концов гляжу — Анжела стоит себе на дне. Я поднырнула под нее, схватила за ноги и подняла над собой так, чтобы ее голова высунулась из воды.

Так и стояла на дне, по колено увязнув в иле. Майкл очень вовремя заметил торчащую из воды макушку и схватил Анжелу за ухо. Я попыталась вынырнуть на поверхность, но оказалось, что ноги мои намертво застряли в иле и я не могу шевельнуться. Майкл был так занят спасением Анжелы, что про меня забыл. Тоже мне юный спасатель!

Только я подумала, что суждено мне, видимо, утонуть во цвете лет, как вспомнилась черная змеюка. Тут-то я и сообразила, что где есть одна змея, там запросто может оказаться целая стая. Во мне неизвестно откуда взялась недюжинная сила, и я освободилась и спаслась.

Ох и плохо же было Анжеле. В жизни не видала, чтобы кого-то так тошнило, а еще нас повсюду облепили пиявки, как Хэмфри Богарта в «Африканской королеве».^[40] Брр! Мы отвели Анжелу в «Синюю гардению» и рассказали ее родителям, что произошло.

Клода, слава богу, не было дома. Он по Анжеле с ума сходит. Наверняка убил бы нас с Майклом за то, что едва не утопили ее. Мистер и

миссис Пистал обнимали дочку и едва не рыдали от счастья, и тот факт, что я тоже могла утонуть, как-то поблек.

Мы с Майклом отвели мистера Пистала показать ту черную змею. И представляете? Это оказалась вовсе не змея, а большой электрический угорь. Вот почему у Майкла волосы на голове встали дыбом.

Мистер Пистал отвез меня домой и рассказал маме с папой, что я спасла Анжелу и он никогда этого не забудет. Мама с папой сделали вид, будто ужас как мною гордятся, но только он за порог, мама меня крепко тряхнула и спросила, каким местом я думала, когда прыгала в воду, не умея плавать. Она собиралась хорошенько наподдать мне, но вступился папа:

— Фэй, да она умеет плавать — не утонула же, правда?

С этим не поспоришь. Так мы в конце концов доказали, что папина теория о том, что дети умеют плавать, если сильно испугаются, правильная. К его пущей радости, в морозильнике теперь прибавился мертвый электрический угорь, очередной кандидат на чучело, когда настанет осень.

На собрании Юных дебютанток мне пришлось встать и рассказать, как я спасала жизнь Анжеле. Когда я закончила, одна из дочек ловцов креветок скорчила мне рожу. Гадина. Миссис Дот сказала, что я прирожденная рассказчица, к тому же очень смелая. Она хочет написать об этом в своей колонке «Пара слов от Дот».

Наверно, стоило сказать им, что Майкл тоже приложил к этому руку. Ну да ладно, он небось и газет-то не читает. Мысль дня миссис Дот была связана с моей историей. Она сказала: «Никогда не обижайте гремучую змею. Это джентльмен в мире змей: всегда предупреждает о своем приближении трещоткой».

Хочу поехать в Магнолия-Спрингз, посмотреть два нашумевших фильма. Вот послушайте рекламу:

ШОУ КОММУНИСТОВ-НАЦИСТОВ

ПЛЕНЕННЫЕ ГИТЛЕРОМ ЖЕНЩИНЫ И
СОВЕТСКИЕ РАБЫНИ, ФИЛЬМ СНЯТ В МОСКВЕ.
ВСЕ ЖЕНЩИНЫ ДОЛЖНЫ СЛУЖИТЬ
ГОСУДАРСТВУ. ФАКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОНТРОЛЯ ЗА ЛЮБОВЬЮ, ПРАВА НА РОЖДЕНИЕ
АТЕИСТОВ, ЗАМЕСТИТЕЛИ МУЖЕЙ, ПЫТКИ
БУНТУЮЩИХ ДЕВУШЕК, ДЕГРАДАЦИЯ И

ГРЕХОВНОСТЬ.

И второй фильм.

ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ЖЕНЩИНЫ...

ОНИ НЕ БОЯЛИСЬ НИКАКИХ ДИКИХ ЗВЕРЕЙ,
КРОМЕ ЗВЕРЯ В МУЖЧИНЕ.

Прямо дождаться не могу. Мистер Хонивелл и его девичья армия берут меня на этот двойной просмотр в награду за героическое спасение утопающих. Мистер Хонивелл считает, что эти фильмы обязана посмотреть каждая американская женщина.

Джимми Сноу угодил в тюрьму за то, что разбил свой самолет о крышу дома своей прежней подружки, тем самым разбудив ее. Мы с папой ходили его навестить, в тюрьме он устроился как дома. Полицейские его обожают, приносят пиво и все такое. Один полицейский рассказал, что Джимми награжден орденом героя войны за то, что сбивал японские самолеты. Папа объяснил мне: потому-то Джимми и пьет так много, по войне скучает.

Джимми вырос в детском доме в Теннесси и не знает, кто его родители. Мне не дает покоя вопрос — почему у него совершенно белые волосы и брови, хотя он вовсе не старый? Может, испугался чего? Или он альбинос, как Ула Сур, и не знает об этом! Но я ни за что ему не скажу!

3 августа 1952

Знаете что? У Хэнка и Томми Джо будет ребенок. Надеюсь, это девочка. Если девочка, они должны ее назвать Клодетт в честь Клодетт Кольбер.^[41]

Я написала ей и сказала, что в фильме «Яйцо и я» она великолепна. Ответа пока не получила, но вы же понимаете, она одна из самых популярных актрис в Голливуде. Если это мальчик, пусть назовут его просто Хэнк-младший.

Гулять я почти не выхожу. Меня очень обидели. Я была в балаганчике у Ковбоски, подметала зал с игровыми автоматами, и тут одна из его дочек

вышла и говорит мне: иди отсюда, нечего тебе тут делать, балаган — это семейный бизнес.

Потом она меня ударила, я дала сдачи, и тут все их дети разом на меня набросились. В больших семьях все друг за друга горой. Мистер Ковбоски прогнал их и повел меня пройтись, мы долго разговаривали. Он просил меня не обижаться. Ребята просто завидуют, что я единственный ребенок и живу не в школьном автобусе, а в доме. И я не должна плакать, если меня нигде не принимают. Это значит, что я не такая, как все, особенная, и когда-нибудь я буду этим гордиться.

Ездила я смотреть фильм про коммунистов. Ой, вот уж не хотела бы оказаться одной из них. Папа поссорился с мистером Хонивеллом: он считает, что мистер Маккарти, противник коммунистов, ошибается, а мистер Хонивелл говорит — нет, Маккарти прав, всех этих красных надо гнать в шею из страны. После просмотра фильма должна согласиться с мистером Хонивеллом. Кроме того, мне совершенно не хочется всю жизнь провести в очередях за продуктами. А хочется быть богатейкой, но я буду хорошей богатейкой, доброй.

Я ответственная за корзину дружбы в Клубе юных дебютанток. Буду ходить по домам Шелл-Бич с корзиной и просить вещи для бедных. Интересно, кто эти люди — бедные-то. Никогда их не видела. Я хотела походить с корзиной по цветному кварталу: а вдруг повезет найти эту альбиноску, Улу Сур. Это было бы отличным поводом стучаться во все двери, но мама не разрешила. Сказала, что цветные не хотят, чтобы их тревожили Юные дебютантки, к тому же у них нет лишних вещей, им все самим нужно. Но все же я попросила Пичи Уигам пожертвовать что-нибудь. Она дала мне бутылку вина «Тандерберд». Пичи наотрез отказалась говорить мне, где живет альбиноска.

Мы получили письмо от маленькой девочки из Южной Америки, которую мы удочерили. Письма она пишет лучше меня. Думаю, ей кто-то помогает. Я не умею писать по-южноамерикански, как же она умеет по-американски писать? Для меня это загадка.

Мысль дня миссис Дот: «Искренность дороже радия».

Мама Майкла в ярости. На день рождения ей подарили вставные челюсти, нижнюю и верхнюю, а миссис Дот написала об этом в своей колонке «Пара слов от Дот». Мама Майкла не хотела, чтобы об этом знали, но если об этом напишет миссис Дот, то это новость, а если нет — то обыкновенные сплетни.

У нас тут все ужасно расстроены, и я знаю почему. Джордж Потлоу, хозяин рыболовного пирса, живет с цветной женщиной. Я слышала, мама

говорила об этом с миссис Ромео. Он янки, и все боятся, что он может на ней жениться. Мы с ней встречались, когда я ходила на этот пирс рыбу сбрасывать в воду. Она такая добрая, стеснительная, не то что наша Вельвета.

Я спросила ее, где может жить альбиноска, но она тоже не сказала. А Вельвета наступила на зубатку и неделю не работала. Могу поспорить, что зубатка умерла!

Джимми Сноу вышел из тюрьмы. Он пообещал, что возьмет меня с собой на опыление, но сделал ошибку, сказал это при Вельвете. Мама с Вельветой до сих пор заодно, как двое воришек. Мама любит ее больше, чем меня и папу, а ведь мы белые.

Вчера вечером я мыла посуду в коктейль-баре и кое-что обнаружила. Когда я высовываю голову за перегородку и посетители меня замечают, они очень удивляются, что такая маленькая девочка занята такой неприятной работой.

Я воспользовалась этим и пустила в ход все свои актерские способности, притворившись приемным ребенком, которого Харперы выкрали у родителей. Рассказала, что мою посуду уже три года и руки у меня все в цыпках. Некоторые из посетителей были друзьями мамы и папы, они знали, что я шучу, и стали хохотать, и я сорвала аплодисменты, особенно после того как попросила связаться с представителями закона и заявить об эксплуатации детей.

Тут вышла мама и спросила, что это я творю, такой шум устроила. А меня уже несло, я приставила к затылку сковороду в качестве нимба и произнесла:

— Женщина, разве не ведаешь ты, что я призван заниматься делами Отца моего?

Так Иисус ответил своей матери, когда она побеспокоила его в храме. Тут уже весь зал грохнул. Мама тоже признала шутку удачной и считала так, пока последний посетитель не вышел за дверь. После чего кинулась за мной. Я попыталась убежать, но она загнала меня в угол на крыльце черного хода, который ведет в жилую часть нашего дома.

Зажатая между двумя коробками кока-колы, я не могла двинуться ни вправо, ни влево. Мама лупила меня так, что я чуть дух не испустила. Папа просил ее: «Ну, Фэй, успокойся». Я даже — стыд какой! — принялась молить о пощаде. Да... пока не пробьет час, человек даже не представляет, на какие унижения он готов пойти ради спасения жизни.

Юного Иисуса почему-то никто не поколотил за его слова. Мария просто пошла домой и оставила его в покое. Ясно одно: в реальной жизни

не стоит руководствоваться Библией.

В тот вечер до меня дошло, что мама явно потеряла чувство юмора. Впредь стану шутить осторожней, когда дело касается ее.

8 августа 1952

Я обнаружила, что заразилась от Феликс стригущим лишаем. Если бы лишай выскочил на голове, меня бы обрили наголо. И ходила бы я лысая, как Эйзенхауэр,^[42] а ведь я демократка.

Врач сказал, что у меня одна из самых ужасных разновидностей лишая. Маме пришлось обмазать меня с ног до головы красной мазью под названием «Не чеши меня». Теперь я вся в красных пятнах.

Женщина, помешанная на аксессуарах, посетила-таки Клуб юных дебютанток. Вы не поверите. Все наши раскудахтались над кучкой шарфиков, перчаток и жемчужных ожерелий. Эта женщина заявила, что одежда может быть любой, лишь бы правильно подобрать аксессуары. Сама она была в черном платье, к которому примеряла разные бусы и всякие штуковины. Думала, ее внешность как-то меняется от всех этих штучек. Как же! Она сказала, что у хорошо одетой женщины должен быть целый гардероб аксессуаров на все случаи жизни. В конце выступления она предложила что-нибудь купить у нее.

Я бы, может, и купила, но Кей Боб Бенсон завопила: «Она лишайная!» — и мне не позволили ничего примерить. Эта женщина вообще старалась держаться от меня подальше, потому что лицо у меня в белой мази, а по всему телу красные пятна. Я бы с удовольствием купила какие-нибудь бусы, но нельзя же покупать, не убедившись, что тебе идет.

Кей Боб Бенсон ко мне близко не подходит, потому что трясется за свои бесценные волосы. Мать возит ее каждую неделю в Магнолия-Спрингз в салон красоты «Нита», где ей делают укладку под Джейн Пауэлл.^[43] Она похожа на Джейн Пауэлл не больше, чем я на царицу Савскую. Из-за лишая меня не пригласили на ее дурацкий день рождения, так что, уходя с собрания Юных дебютанток, я нагнулась и чмокнула ее в щеку со словами «С днем рождения». Она завопила так, что чуть уши не лопнули, и помчалась в магазин живого корма к раковине — мыть голову. Так что гуд бай, укладка под Джейн Пауэлл.

Мама пытается заставить меня послать ей подарок. Ладно, только узнаю, в каких духах больше всего рысьей мочи. А может, подарю ей

папину мазь от геморроя в тубике с резиновым пальцем на конце.

Мысль дня миссис Дот: «Хорошо воспитанные люди никогда не надевают парадный костюм днем, — разумеется, кроме тех случаев, когда их хоронят».

13 августа 1952

Умер Джесси Легур, толстый мальчик из Коттон-Байю. Он прислал мне расшитую подушку, потому что однажды я его насмешила. Жаль, что мы больше не виделись. Я бы ему рассказала анекдот или изобразила Марио Ланца. Он никогда никого не обижал. Ну почему люди умирают?

Иногда я просыпаюсь среди ночи с мыслью, что мне придется умереть, и от страха меня пробивает холодный пот, и я залезаю в постель к маме с папой. Может, когда я повзрослею, уже найдут лекарство от смерти и не о чем будет беспокоиться.

Если с моим папой или мамой что-нибудь случится, я не вынесу. В пять лет я посмотрела «Бэмби», и когда мама Бэмби сгорела, крикнув перед этим: «Беги, Бэмби, беги!» — я начала рыдать и кричать так громко, что пришлось меня вывести из зала. Несколько дней после этого я не отпускала маму, ходила за ней как привязанная. И всякий раз, как думала об этом пожаре, меня тошнило.

Если я умру, надеюсь, это случится вместе с концом света и я буду не одна такая.

Конни рассказал, что Джесси не могли вынести из комнаты. Он стал таким толстым, что пришлось разобрать дом, а чтобы опустить его в могилу, понадобилось пятнадцать человек.

Эта подушка — первая вещь, полученная мною от мертвого. Джесси, должно быть, знал, что умирает, но не мог встать и убежать. Я буду бежать быстрее ветра, ничто меня не догонит. Я верю, что от смерти можно убежать. Даже думать не желаю о том, что бы делали мои мама с папой, если бы я умерла. Мама сказала, что я — единственная причина, по которой она живет, и если бы не я, она давно бы взяла ружье и вышибла себе мозги. Она не уходит от папы только ради того, чтобы у меня был отец. Если бы не я, она бы давно его бросила.

Папа тоже говорит, что не захочет жить, если со мной что-то случится. Так что я должна беречь себя как зеницу ока.

Когда я сказала Майклу, что Джесси умер, он спросил только, сколько

Джесси весил и какого размера вырыли могилу. Вряд ли Майкл смотрел «Бэмби».

16 августа 1952

Вы не поверите, кого пригласили выступить в «Синей гардении» после Джонсона Деревянной Ноги. Ее зовут Тауни Кисточка, и на ее представление пускают только взрослых. В афише она заявлена как экзотическая танцовщица, она танцевала в клубах французского квартала в Новом Орлеане. Я видела ее фотографию. Наверное, у нее танец в стиле вестерна, потому что на ней короткий ковбойский костюм.

Надо бы как-нибудь подглядеть ее выступление, но не знаю как, после того что случилось вчера вечером. Я тусовалась в вестибюле «Гардении», болтала со знакомыми покеристами в ожидании, что мне заплатят за приклеивание Анжелиных ушей, и тут входит Клод Пистал и велит мне убираться к черту, хватит, мол, тут ошиваться. Я отвечаю, что меня нанимали на работу и я не уйду, пока не получу денег. Он назвал меня «умной задницей» и сказал, чтобы я не зевала и следила за своей маленькой задницей, а не то он даст мне пендаля.

А я говорю — если пальцем меня тронете, папа из вас лепешку сделает, мама выцарапает глаза, а если этого покажется мало, то Хэнк, занявший второе место в конкурсе «Мистер Вселенная», снесет вам башку. А если и это не сработает, то я дождусь, пока вы уснете, и воткну нож вам в сердце.

Гарольд Пистал появился из-за угла как раз вовремя и успел помешать ему убить меня. Они крепко повздорили. Клод сказал, что если меня еще раз тут увидит, то свернет мне шею.

Гарольд завел меня к себе в кабинет, заплатил и посоветовал больше не приходить, потому что его брат очень злой человек. А поскольку Клод такой же хозяин этого заведения, как и он сам, то Гарольд вынужден с ним считаться. Гарольд попросил не рассказывать об этом моему отцу, потому что Клод бесится с тех пор, как умерла его жена, так что от него можно ожидать чего угодно.

Я сказала:

— У вашего брата напрочь отсутствуют манеры, и к тому же он урод.

Клод Пистал — подонок! Ему повезло, что у меня сравнительно мягкий нрав, как у Кларка Кента. [\[44\]](#)

Я съездила на попутке в цветной квартал, зашла выпить апельсинового сока с Пичи Уигам в ночной бар «Элита» и рассказала, какая скотина этот Клод Пистал. По словам Пичи, он страшно жестокий, ему в человека всадить нож — раз плюнуть. Более того, он — белая шваль, и злобный, как змеиное дерьмо. Я спросила, что случилось с женой Клода, и Пичи рассказала, что многие думают, будто он ее убил. После этого я пожалела о своих словах: я же ему пригрозила, что папа его отлупит.

18 августа 1952

Мы с Майклом были в кинотеатре «Магнолия-Спрингз» и видели Джонни Шефилда, который играет Бомбу, мальчика, живущего в джунглях в сериях «Бегство слонов», «Скрытый город» и «На острове Пантеры». Он классный. Мне понравились его темные вьющиеся волосы. Два моих самых любимых актера — Корнел Уайлд и Джонни Шеффилд. Надеюсь, мне в мужья попадет человек с кудрями. У Майкла прямые черные волосы. Жаль. Больше всего мне понравилась реклама того, что у них будет в следующем месяце.

Всем раздали по несколько рекламных листов для друзей и знакомых. Большими красными буквами на них написано:

ПРИВЕТ, РЕБЯТА
ПРИХОДИТЕ НА КИНОВЕЧЕРИНКУ СМАЙЛИ
БЕРНЕТТА.
СМАЙЛИ БЕРНЕТТ, СОБСТВЕННОЙ
ПЕРСОНОЙ, В МАГНОЛИЯ-СПРИНГЗ.
ПРЯМО ИЗ ГОЛЛИВУДА — КОМИК-ТОЛСТЯК,
ГЕРОЙ ПОПУЛЯРНЫХ ВЕСТЕРНОВ,
ПРОСЛАВИВШИЙСЯ СВОЕЙ НЕУКЛЮЖЕСТЬЮ.

В кинотеатре повесили его большую фотографию, он будет играть на электрическом органе, который звучит совсем как настоящий большой орган. А еще подарит пони какому-нибудь мальчику или девочке. Вот везуха! Он привезет с собой фотографа из Голливуда, и каждый посетивший шоу ребенок может бесплатно с ним сфотографироваться. По возвращении в Голливуд несколько судей отберут самый удачный с точки зрения рекламы снимок, и счастливчик получит голливудского пони в

качестве гонорара за то, что его изображение будут использовать на рекламных плакатах Смайли Бернетта.

Я уверена, что выиграю этого пони. Мы с Майклом набрали столько объявлений, сколько смогли утащить. Чем меньше детей придет, смекнули мы, тем больше у нас будет шансов. Я дала Майклу доллар за то, чтобы не фотографировался. Он сказал — лады. Ему все равно пони не нужен.

Собираюсь упросить маму повести меня в салон красоты «Нита», чтобы мне сделали красивую укладку, но если лишай не пройдет, у меня мало шансов выиграть пони.

Джимми Сноу говорит, что шанс все же есть, и Хэнк подтверждает. А мама считает, что не стоит питать надежд, но она вечно это твердит, даже перед Рождеством, а я все равно получаю кучу подарков. Решила, что пойду в купальнике и индийской рубашке. Говорят, менять одежду — удачи не будет. Бабушка Петтибон на серьезную игру всегда надевает свое «счастливое» платье в горошек. Она сказала, что нужно «притягивать» то, что хочешь. Я решила по меньшей мере час в день посвящать тому, чтобы сидеть и притягивать этого пони. Меня могут даже в Голливуд пригласить. Заранее ведь не угадаешь.

Джонни Шеффилд может оказаться другом Смайли Бернетта, он увидит мою фотографию и захочет со мной встретиться. Миссис Дот утверждает, что я очень мила. То же самое говорит и мама Майкла. Когда Роуз Мэри Салвадж наткнется на мой портрет в голливудском журнале, она просто помрет!

Все говорят, что если бы можно было съесть чизбургер с коктейлем всякий раз, как пожелаешь, тебе бы скоро надоело, но это неправда. Я получаю штуки по три чизбургера и по два шоколадных коктейля в день, а все никак не разлюблю.

Плохо только, что я встречаю не так много людей, как надеялась. Большинство туристов остаются на неделю, а как только ты их лучше узнаешь, глядь — им уезжать пора.

Я очень скучаю по Лесси и прячу Феликс в баке с грязным бельем, когда приходит санинспектор. Закон запрещает держать животное в заведении, где подают еду, особенно если у этого животного стригущий лишай.

Папе приходится сидеть на морозилке для мороженого, полной мертвых зверей, чтобы санинспектор не заглянул туда, хотя в них вряд остались какие-то микробы.

Все до сих пор работают без продыху. На следующей неделе Майкл собирается сходить со мной посмотреть Тауни Кисточку.

Миссис Дот разрешила мне помочь ей с распродажей пластиковой посуды в женском клубе. А в остальном жизнь — просто скука смертная. Прямо не дождусь, когда в город приедет Смайли Бернетт.

Вчера мы с Майклом ездили туда смотреть старый фильм «Летчик-испытатель» с Кларком Гейблом и Спенсером Трейси. Он мне ужасно не понравился. Кларк Гейбл и Спенсер Трейси были друзьями, вместе повсюду ходили и летали на самолетах. Мирна Лой, жена Кларка Гейбла, сидела дома, ждала его целыми днями и бездельничала и только под конец фильма занялась делами, когда родила мальчика.

Не понимаю. Каждый раз, как в кино рождается ребенок, это мальчик. Хоть бы раз девочка. И что в этих мальчиках такого зззамечччательного? Я могу делать все то же самое, что и мальчишка. Могу даже Майкла победить. Наверное, это ужасно — родиться девочкой и знать, что твой папа хотел мальчика.

22 августа 1952

Я только что вернулась из поездки во Флориду и в Джексон. Бабушка Петтибон позвонила маме посреди ночи. Они обвенчались с этим стариком и сбежали во Флориду. И дня не прошло с начала их медового месяца, как ему стало плохо. И маме пришлось ехать туда и везти их домой. Она не желала оставлять меня, поскольку папа без нее пошел бы пьянствовать с Билли Банди и Джимми Сноу.

Бабушка поджидала нас у дверей. Первые ее слова: «И зачем только я вышла за старика». Мы сели на автобус до Джексона.

Там такие грубые сиденья, я себе все ноги под коленками стерла. Мама спросила бабушку, как она могла выйти замуж, не зная, умер ли дедушка. «А что, если он заявится и в газетах пропечатают, что у тебя два мужа?»

Бабушка немного подумала и ответила: «Лучше иметь двух мужей, чем одного тощего червяка вместо мужа!»

Я же говорила, мама бабушку ни в жизнь не переговорит.

Когда мы вернулись из Джексона, папа был трезв, как судья, но пах «Листерином»^[45] и принимал порошки от головной боли горстями.

К жене Роя Гриммета, Маве, приехала сестра, и теперь она живет с ними в трейлере. Ее зовут Эдна, и она очень красивая, похожа на Бетти Грейбл.^[46] Я ей очень понравилась. Ее муж — моряк, его убили, а она ждет ребенка. Грустно, правда? Она работает в галерее игровых автоматов, и у

нее огромная грудь. Наверное, ей очень одиноко, раз она не против проводить со мной столько времени.

Сегодня вечером, когда Майкл закончит работу, мы с ним пойдем в «Синюю гардению» смотреть Тауни Кисточку.

Мы говорили о фотоконкурсе Смаيلي Бернетта, и тут Майклу в голову пришла грандиозная идея. Мы можем сажать на этого пони детей и фотографировать за доллар. У Майкла есть фотоаппарат.

Только одна вещь меня тревожит — прилагается ли к пони седло. Наверняка прилагается! Еще бы — ехать-то на нем от самого Голливуда.

23 августа 1952

Вчера вечером мы с Майклом подошли к «Синей гардении» с задов и спрятались, ожидая десяти часов — начала вечернего шоу. Мне совершенно не хотелось еще раз наткнуться на Клода Пистала.

Мы ждали, ждали и наконец услышали звонок к началу. Подтащили к окну деревянные ящики от кока-колы, вскарабкались на них — и вот вам пожалуйста, прекрасный обзор сцены. Майкл так разволновался, что пришлось ему сбегать на минутку за угол. Вот везет мальчишкам! Меня же каждый раз, как я присаживаюсь по нужде, достают песчаные блохи.

Скоро на сцену вышла Тауни Кисточка, и знаете что? Она даже не танцовщица. У нее две кисточки на бюстгальтере и одна внизу. Она начала трястись. При этом одна кисточка у нее моталась вправо, другая влево. А та, что внизу, моталась сама по себе. У Майкла глаза чуть не вылезли на лоб. Я не знаю, как она это делала. Потом выключили весь свет, а на Тауни направили синий прожектор, и она просто ходила, тряслась и наклонялась к зрителям. Тауни намного старше, чем на снимке, а волосы у нее морковного цвета. Она, наверное, обезумела от аплодисментов, потому что вдруг сняла бюстгальтер прямо у всех на виду.

Я думала, Майкл потеряет сознание, но под этим бюстгальтером у нее оказался еще один, маленький. И как раз в тот момент, когда она начала снимать трусы, я услышала, что кто-то вышел из задней двери, ругаясь, что его ослепил этот синий прожектор. И так испугалась, что свалилась с ящика, потянув за собой Майкла.

Мы наделали столько грохоту, что я подумала — все, нам конец. А человек подходил все ближе и ближе, чертыхаясь все громче и громче.

Мы спрятались под кустами и видели только ноги. Он остановился

прямо перед нами, и знаете, кто это был? Джонсон Деревянная Нога. Я узнала его ногу.

Он тащил чемодан и был зол как черт, оттого что его деревянная нога вязла в песке.

Он обругал шторм, бросил свой чемодан и пошел обратно. Я говорю Майклу — мотаем отсюда поскорей, а то он может Клода Пистала позвать, а я совсем не жажду с ним встречаться.

И мы рванули со всех ног. Майкл до сих пор на меня злится, что не дала ему досмотреть представление. Бабушка права. Она говорит, все мужики глупеют, когда дело доходит до женщин. Чем больше я размышляю, тем больше убеждаюсь, что у Тауни в бюстгальтере спрятаны маленькие моторчики. Так что это обман!

26 августа 1952

Вельвета сказала маме, что я видела Тауни Кисточку в салоне «Синяя гардения». Об этом никто в мире не знал кроме Майкла, а он никому бы не сказал ни за какие деньги, потому что ему самому влетело бы по первое число. К тому же я заставила его поклясться, что он не скажет, перед статуей Мадонны, которая стоит во дворе Ромео. Католики никогда не нарушат клятву, данную перед лицом Мадонны. Она у них очень популярна. Святой Иосиф с ней даже в сравнение не идет.

Итак, Вельвета выдала себя с потрохами. Она читала мой дневник. Это был единственный способ узнать.

Я рассказала папе, что Вельвета рылась в моих личных бумагах. Он спросил, о чем это я столько пишу. Я говорю — просто обо всем, что происходит. Он захотел знать, пишу ли я в своем дневнике про него. Я ответила: «О да, там вообще в основном про тебя». Тогда он пошел и купил мне железный сундучок с кодовым замком. Я больше не доверяю Вельвете. Вот уж не думала, что цветные так хорошо умеют читать. Все-таки ошибаются те, кто говорит, что цветные — люди недалекие. Вон мне как повезло — Вельвете впору присвоить звание бакалавра, в сравнении с обычной-то прислугой.

У мамы тоже есть бумаги личного характера. Пусть лучше запирает. Я заглянула на верхнюю полку в шкафу и нашла бумагу от адвоката, где говорится, что мой папа участвовал в процессе об установлении отцовства. Я знаю, что это значит. Женщину, подавшую прошение, зовут Билли Дж.

Туэйт. Надеюсь, это правда. Если это правда, то у меня где-то есть братик или сестричка.

Когда я попаду на передачу «Это твоя жизнь», может, они выплывут на свет и удивят меня. Прямо умираю хочу спросить папу, кто такая Билли Дж. Туэйт, но лучше поберегу это имя до поры до времени: оно мне еще пригодится.

И дурные вести для рыбы. Джордж Потлоу заявился к нам в коктейль-бар и попросил маму с папой запретить мне ходить на пирс и сбрасывать в воду пойманную рыбу, потому что рыбаки уже не в себе от злости.

Вчера я спасла двадцать пять сигов и трех хрипунов.

Мы с Эдной, свояченицей Роя Гриммета, отлично проводили время. Гуляли и много чего еще делали. Она считает меня очень забавной. Я из кожи вон лезу, чтобы насмешить ее. Мама говорит, я выставляю себя полной дурой, но Эдна с ней не согласна.

Рой Гриммет меня просто бесит. Вечно пытается свести Эдну с какими-то моряками, чтобы она снова вышла замуж. Хоть бы уже оставил ее в покое. Я могу пойти работать и заботиться о ней и ее ребенке.

Папа получил по почте комплект для набивки чучел и сертификат. Видели бы вы. Там есть глаза для любого зверя: олени, кроличьи, рыбы, но нет глаз электрического угря, и фламинго нет. Но для фламинго вполне сойдут кроличьи, они такие красивые, розовые, а угорь будет хорош и с закрытыми глазами.

Кертис Хонивелл и его девичья армия поменяли базуку на пулемет, вполне рабочий. На днях они вышибли нам стекло.

Мама сказала: хорошо, что нас не пристрелили во сне, потому что мистер Хонивелл все-таки считает папу коммунистом.

На этой неделе мы попали в колонку «Пара слов от Дот». Там сказано: «По мере приближения конца сезона становится ясно, что коктейль-бар Харперов — самое посещаемое место на нашем побережье», и еще она пишет, что, к ее радости, у малышки Дейзи Фэй Харпер прошел стригущий лишай. Про Кей Боб Бенсон там тоже есть. Она «в восторге от ходячей куклы Мадам Александр, которую ей подарили бабушка с дедушкой». Если спросите моего мнения, то она как-то немного старовата для кукол.

Интересно, как поживает эта девочка-инвалид, Бетти Колдуэлл из Бон-Секур. Ей понравилась раскраска с цифрами, которую я ей подарила. Пошлю ей пепельницу из раковины устрицы от Юных дебютанток.

У бедного Джимми разбито сердце из-за Айрис Энн Муди, он вломился к ней в дом и дебоширил, потому что она взяла и вышла замуж за другого.

На днях папе позвонила Пичи Уигам, попросила приехать и забрать Джимми. Он сидел пьяный в «Элите» и не уходил, а тамошним посетителям не нравится, что в их ночном клубе для цветных торчит белый.

Когда мы добрались туда, Джимми успел отключиться, и Пичи уложила его в своей комнате в задней части клуба. Папе потребовалась помощь двух цветных, чтобы дотащить его до машины. Пока я ждала в комнате Пичи, я слышала, как в соседней комнате кто-то ходит. Попробовала открыть дверь — заперто.

Может, у Пичи есть парень и они живут вместе. Она не слишком красивая, но очень богатая. Наверняка этому парню нужны только ее деньги. Пичи приторговывает контрабандным виски. Папа говорит — если тебе что-нибудь понадобится, просто попроси у Пичи. Она достанет это «что-то» и с радостью тебе продаст.

Помимо богатства, она еще знает тайну дочери белого шерифа, так что ее никогда не арестовывают, как других цветных.

Больше всего денег приносит ей морг для цветных, которым она владеет, этот морг — единственный в округе Харвин.

Хоронят согласно очередности, Пичи ведет предварительную запись.

28 августа 1952

Хорошо бы эти двое как-то договорились. Мама то ненавидит папу, то они оба накидываются на меня. То она талдычит, что он дрянной, никудышный отец, и заявляет, что нечего мне вообще обращать на него внимание. Потом вдруг она с ним нежничает, а меня игнорирует. Прямо не знаю, что и думать.

Чтобы сходить в туалет, мне нужно пройти через их комнату, так я и сделала, а они как заорут на меня в два голоса. Папа меня даже шлепнул. Это случилось среди бела дня, и папа, наверно, сошел с ума, потому что там даже нет двери, чтобы постучать, — только экран с москитной сеткой.

Я не знала, что они решили вздремнуть и что мама легла без одежды. Я спросила, что она делает, а она сказала, что показывала папе шрам от операции по удалению матки.

Она мне соврала. Папа и так видел ее голой. Ну и черт с ними!

Я проверила, города для девочек, куда я могла бы поехать жить, нет, есть только город для мальчиков. С мальчишками все цацкаются!

29 августа 1952

Как думаете, у Энн Блайт^[47] фальшивые зубы? Парикмахерша в салоне красоты «Нита» считает, что фальшивые.

Сегодня я ходила стричься для конкурса фотографии Смайли Бернетта. Эрлайн, которая делала мне стрижку, сказала, что у этой Энн Блайт во рту хватит фарфора, чтобы накрыть чай на десять персон.

Салон красоты декорирован в темно-красных тонах. Темно-красные кожаные кресла, и все парикмахеры в темно-красной униформе, у каждого приколата темно-красная пластиковая карточка с именем.

Наверное, хозяйка этого салона, миссис Нита Бивер, обожает темно-красный цвет.

Меня туда повезла Эдна, потому что мама работала. Мне дали посмотреть журналы с кинозвездами, чтобы выбрать стрижку, и денег за это дополнительно не взяли. Я нашла для себя модель: Лизбет Скотт в фильме «Темный город».^[48]

Уши у меня чуть не сгорели, пока сидела под сушкой. Их плохо прикрыли ватой. Шпильки аж покраснели, так раскалились, до сих пор отметины сзади на шее, где они прикасались к коже. Эрлайн чуть меня не убила, причесывая, несколько зубьев от расчески отломала. «Девочка, — говорит, — у тебя волосы как грива у лошади». По словам миссис Дот, у аристократов волосы тоньше пчелиного крылышка, так что тут я, видимо, в полете. Закончив меня мучить, Эдна сказала, что я как две капли воды похожа на Лизбет Скотт, но папа возразил, что я больше напоминаю Бетти Фернесс.^[49]

Стрижка стоила два с половиной доллара, да плюс чаевые. Мама сказала, что парикмахеру нужно обязательно дать на чай. Только белая шваль не дает чаевых. Будь моя воля, я бы ей ничего не давала за то, что она обломала свою расческу об мою голову.

Я совершила ошибку, потому что фотоконкурс начнется завтра в десять утра, так что мне всю ночь придется сидеть сиднем. Иначе вся прическа коту под хвост.

Эрлайн сказала, что Кей Боб Бенсон специально для конкурса Смайли Бернетта записалась на укладку на семь тридцать утра, чтобы прическа не попортилась. Я и не знала, что можно назначить визит в парикмахерскую на семь тридцать.

Майкл, дурачина, заболел корью и никуда не идет, так что доллар за то, чтобы он не ходил, я потратила зря. Он сказал, что все по-честному, потому

что из-за меня он пропустил выступление Тауни Кисточки. Память у него как у слона.

Мы с папой всю неделю трудились над моим сломанным зубом — для фотоснимка. Он раздобыл белую восковую свечу и приклеил кусочек на место обломка самолетным клеем, так что вы ни в жизнь не догадаетесь, что у меня зуб сломан.

Прямо дожидаться не могу завтрашнего утра. Надеюсь, седло к пони все же прилагается. Джимми Сноу отвезет меня в театр на своем автомобиле «Генри Джей»^[50] в девять, потому что по субботам мама с папой очень заняты в баре.

30 августа 1952

Сегодня я стояла перед коктейль-баром в восемь утра, готовая ехать. Ждала, ждала, но Джимми Сноу так и не появился.

В десять я пошла по шоссе навстречу Джимми, чтобы сэкономить время.

Я прошла десять миль до Магнолия-Спрингз, а он так и не появился на этом шоссе.

К тому времени, как я добралась до кинотеатра, воск на зубе растаял. Впрочем, это было уже неважно, потому что началось кино, а Смайли Бернетт уехал.

Домой меня подвезли Кей Боб Бенсон с матерью. Кей без умолку болтала, мол, шоу получилось замечательное и она наверняка выиграет этого пони, потому что все остальные дети просто уроды. Я подумала: ну уроды так уроды. Может, она выиграет пони и разрешит мне на нем покататься или еще чего. Джимми Сноу я не завидую. Мама надеется, что он умер, потому что если нет, то горько пожалеет: человеку, который так огорчил ее дочь, не поздоровится!

Я так перегрелась от ходьбы по солнцепеку, что едва ноги таскаю. Может, родители меня пожалеют, позвонят Пичи Уигам и закажут пони, но пока не звонили.

31 августа 1952

Знаете, почему Джимми Сноу за мной не приехал? Он попал в тюрьму.

Узнав, что Айрис Энн Муди и ее новоиспеченный муженек вернулись из свадебного путешествия, он пролетел над их домом и засыпал его порошком ДДТ.

Удивительно, как он умудрился прицельно попасть только на один их дом и не затронуть соседние. Мы ходили туда посмотреть, так вот, дом укутан сугробом, будто на дворе Рождество. Джимми — чемпион опыления!

Ковбоски сегодня уезжали, и я ходила прощаться. Я на них еще сержусь, но хотела в последний раз сфотографироваться в автомате. За четвертной получаешь четыре фотографии, и я сфоткалась двадцать два раза, с улыбкой и без, но на четырех снимках Майкл сунул ко мне свою рожу и все испортил. Я все равно сохраню их для передачи «Это твоя жизнь».

Хэнк через две недели уволится и зимой станет работать у отца Томми Джо. Я буду по нему скучать, но он сказал, что приедет меня навестить.

Ззамечаательная Вельвета собирается уезжать. Мы не можем себе позволить платить ей после окончания сезона. Урррааа!

Школа скоро начнется. Мама не хочет, чтобы я училась в Магнолия-Спрингз. Слишком провинциально там все. Она хочет отправить меня в католическую школу-интернат и собирается выбрать для этого Академию имени святой Урсулы в Новом Орлеане.

Скоро мы отправимся в Новый Орлеан посмотреть на эту школу. Мама наняла бухгалтера, чтобы проверил наши бухгалтерские книги и сказал нам, сколько мы заработали. Зовут его мистер Лилли, и у него нет одной руки, но вместо крюка, как у Гарольда Рассела в фильме «Лучшие годы нашей жизни», у него резиновая рука, точно у пупса.

Мама злится, что я все время пялюсь на резиновую руку, но я ничего не могу с собой поделать. Хотя в основном она просто лежит у него на коленях. Интересно, где он ее взял, эту руку. Наверное, от какой-то большой куклы. Пальцы на ней сложены горстью, и она желтого цвета. А что, если кто-то пожмет ему руку и она отвалится? Или он случайно оставит ее на столе в ресторане?

2 сентября 1952

Мама на меня сердится. В Новом Орлеане мы остановились в дешевом отеле, и я разбила настенное зеркало в ванной комнате. Но я не виновата. Я

решила, что это зеркальный шкафчик для лекарств, хотела поглядеть, вдруг там кто-нибудь чего-нибудь оставил, оно и оторвалось. Мама боится, что теперь нам семь лет везти не будет.

Когда мы вернулись, мистер Лилли сообщил маме, что мы ничего не заработали. А наоборот, в долгах. Папа много денег потратил на лицензию для торговли спиртными напитками. Коктейли мы делали с мороженым вместо солодовой основы, и папа не смешивал мясо с хлебом в котлетах для гамбургеров, как это делают все остальные продавцы.

Папа считает, что качество важнее количества, но теперь у нас большие неприятности. В ноябре нам нужно платить по кредиту, а денег нет. Мама поняла, что все плохо, в ту минуту, когда я разбила зеркало.

Она зла вдвойне еще и потому, что в Новом Орлеане мы купили школьную форму, а теперь мне не по карману там учиться. Наверное, буду до конца жизни теперь носить синюю юбку и белую блузку.

А я рада, что не буду учиться в Новом Орлеане. Мать-настоятельница сказала, что моей соседкой по комнате будет хорошая девочка из Колумбии, это в Южной Америке. Вот уж совсем мне не хочется жить в одной комнате с охотницей за головами.

Теперь я буду ездить на школьном автобусе вместе с Майклом. Кей Боб Бенсон до школы подвозит мама. Рррразумеется!

Вернувшись из Нового Орлеана, я первым делом отправилась искать Эдну, но она гуляла с каким-то моряком, который хочет на ней жениться. Вечером Эдна сообщила, что решила принять его предложение. Она чувствует, что должна снова выйти замуж, чтобы у ребенка был отец. Я не хочу, чтобы она выходила за этого моряка. Он янки. Я спросила, почему она не может остаться здесь, с нами, а Эдна ответила — не могу, и все.

Это Рой Гриммет виноват, потому что он ее уговорил. Теперь она подружилась с мамой. Я слышала, как мама ей сказала:

— Мы с мистером Харпером делали это до пятого месяца.

Я вошла и спросила:

— Что делали?

А мама:

— Танцевали.

Ясное дело, врет. Она ненавидит танцевать с папой. Даже думать об этом не хочу.

На собрании Юных дебютанток миссис Дот задала тему для разговора: «Как принимать помощь от цветных». Она сказала, что надо опасаться излишней фамильярности и каждый должен знать свое место в доме, потому что воспитанные цветные не хотят сильно сближаться с белыми.

Только невоспитанные цветные лезут со своей дружбой. Если у вас в доме есть цветной, нужно всегда быть полностью одетым, чтобы не свести его с ума, и если за два квартала от дома заметил в окно, как идет цветной, то нужно быстро одеться прилично.

Наш христианский долг — проследить, что цветной помощник получит вашу старую одежду и прочие вещи, какие вы захотите ему отдать, но чтобы эти вещи ни в коем случае не были новыми, за исключением Рождества, и никогда, никогда под страхом смерти не произносить слово (она произнесла его по буквам) «Н-И-Г-Г-Е-Р». Только белая шваль так их называет. Я сказала это слово всего один раз. Но это не считается, потому что Вельвета меня не слышала.

Если дотронешься или обнимешь цветную женщину — это нормально, но лишь бы не цветного мужчину — ни-ни! А самое главное — никогда не садиться с ними за один стол есть. Они этого не любят, и вы должны выделить им отдельный пластмассовый стакан для питья. Цветные не станут тебя уважать, пока ты не будешь уважать их право на личное пространство.

Жаль, мама этого разговора не слышала. Вельвета пьет из первого попавшегося стакана, и садится с нами за стол, и все такое прочее. Так что мама зря так. Вельвета потеряет к ней всякое уважение, если она будет продолжать в том же духе. Мне в голову не могло прийти, что белым нельзя пить из пластмассового стакана. Я все время пью из стаканчика из-под виноградного желе «Валлиец».

Мысль дня миссис Дот: «Хорошие манеры — это твой билет для путешествия в мир: туда и обратно».

4 сентября 1952

Рой Гриммет — подлый обманщик, ненавижу его. Надеюсь, он пальнет себе в сердце из собственного лука, а попросит меня вытащить стрелу, чтобы спасти ему жизнь, я и пальцем не шевельну. Надеюсь, у него в трейлере сломается замок и он замерзнет там до смерти. Или сверзится со скалы. Жаль, у меня нет такого пулемета, как у миссисипских девиц. Я бы понаделала в нем дырок, а заодно еще и кислотой полила.

Сегодня они с Мавой возили Эдну в Пенсаколу выходить замуж. Она плакала и ехать явно не хотела.

Рой вернулся со свадьбы около шести вечера, хохоча почему зря. Он

бросил на стойку старое обручальное кольцо Эдны и спросил, не желает ли кто-нибудь его купить. Сказал, что сам ей это кольцо покупал.

На самом деле у нее никакого мужа-то и не было, она просто глупая провинциальная девка, которая случайно залетела, слава богу, что он наконец выдал ее замуж.

Я швырнула в него чизбургером и картошкой и крикнула, что он грязный лжец и хуже змеинового дерьма.

Мама потребовала, чтобы он не говорил при мне такие вещи, и увела меня в комнату. Еще она сказала, что шокирована моей грубостью. Пришел папа, положил мне на лоб мокрую тряпку и сказал, что я должна знать правду. Эдна не была замужем. Они это давно знали. Мама затрясла головой и возразила — нет, папа ошибается. Она была замужем. Потом они начали спорить. Нужно быть таким глупым, как папа, чтобы поверить Рою, а не Эдне. Мужчины вечно друг за друга горой стоят.

Они вышли на улицу и некоторое время орали друг на друга, потом папа принес мне апельсиновый сок, от которого меня вырвало. Не понимаю, почему он всегда приносит мне апельсиновый сок, стоит мне огорчиться. Ненавижу апельсиновый сок. Лучше бы коктейль принес. Папа сообщил, что они с мамой все обговорили и пришли к выводу, что мама права. Рой Гриммет лжец. Рой говорит это, просто чтобы набить себе цену. Я так и знала.

Гад... Гад... Гад... Змеиное дерьмо... Гад.

6 сентября 1952

Сегодня я получила письмо от Роя Гриммета, он просит прощения за вранье и пишет, что Эдна была замужем. Вообще-то ее погибший муж был героем войны, как и Джимми Сноу. Вот так-то. Небось извелся весь, пока писал это письмо. Все равно ненавижу его, к тому же у него почерк в точности как у моей мамы, с такими же завитушками. А у меня — копия папиного. У нас и глаза с папой одинаковые, голубые, и волосы. Будь мы одного возраста, сошли бы за близнецов.

Мама говорит, я день ото дня становлюсь все больше на него похожа, во всем. В детстве я была милая девочка, но папа, вернувшись с войны, стал играть со мной в грубые, мальчишеские игры и превратил в пацанку. Ну и что в этом плохого? Не выношу фифочек-сюсюкалок. Сразу на ум приходят инициалы К.Б.Б.

Занятия начнутся не раньше середины сентября, потому что большинство детей, посещающих школу в Магнолия-Спрингз, живут на фермах и должны помогать родителям собирать картошку.

Представляете, я буду вращаться в обществе детей креветочников и картофельщиков.

Мистер Ромео сказал, что Шелл-Бич после Дня труда превращается в пустыню. Жду не дождусь. Надоели туристы с их злобными детками. Кстати, о злобе, я так злюсь на Феликс, что прямо не знаю, как быть. Она сжевала всю желтую бахрому с подушки, которую оставил Джесси Легур. Единственная вещь, доставшаяся мне в наследство, — и напроць испорчена. Наверно, она это сделала просто со скуки.

Мы с папой пребываем в радостном возбуждении: на следующей неделе состоится соревнование — «Родео пятнистой форели», мы собираемся принять в нем участие и выиграть. Я уверена.

Папа уже месяц назад купил у Харви Андервуда форель-победительницу и положил в морозильник. Маме сказал, что это рыба для чучела. Весит она двенадцать фунтов и две унции.^[51] Не представляю, чтобы кто-то поймал рыбку больше нашей. Рекорд составлял тринадцать фунтов, но было это шесть лет назад. У нас отличный шанс!

Человек (то есть мы с папой), поймавший самую большую пятнистую форель в течение трех дней рыбалки, получает первый приз, а это лодочный мотор «Эвинруд», что равнозначно 146 долларам. Второй приз — удочка «Плай-флекс» стоимостью 36 долларов. Нам только лодку останется купить, и все!

13 сентября 1952

Ой, ну вообще, погодите, сейчас расскажу. У меня есть совершенно секретная информация о Кей Боб Бенсон. Моя мама и миссис Родео каждый день пьют кофе и болтают, болтают, болтают. Сегодня я случайно оказалась под окном в тот момент, когда миссис Родео говорила маме, что есть причина, по которой мать Кей Боб Бенсон так ее балует. Потому что Кей Боб Бенсон — ребенок, полученный по спецзаказу!

Когда миссис Бенсон исполнилось сорок, а детей у нее так и не было, она пошла к врачу и выяснила, что с ней все в порядке, а вот у мистера Бенсона проблемы. Ей не хватило мужества сказать ему об этом, и поэтому, рассказала миссис Ромео, Кей Боб Бенсон — результат искусственного

оплодотворения, которое проделал над миссис Бенсон врач из Нового Орлеана! Поскольку у мистера Бенсона что-то не то с простатой и завести второго ребенка она не может, не вызвав подозрений у мужа, то Кей Боб Бенсон — ее единственное дитя, других у нее никогда не будет.

Миссис Ромео собиралась рассказать маме о какой-то женщине, с которой крутит роман муж миссис Дот, но тут окно захлопнулось, и я ничего не услышала. Ха! Я знала, что в Кей Боб Бенсон есть что-то смешное!

15 сентября 1952

Завтра последний день «Родео пятнистой форели», все идет по плану. Рано утром в первый день соревнования мы с папой пришли к штабу «Родео», зарегистрировались и отправились к выделенному нам месту на реке. Папа устроил большое показательное выступление: вроде он вовсе не ожидает что-нибудь выиграть, а просто решил порадовать свою дочурку, которой все лето не уделял никакого внимания, поскольку был ужасно занят. И заставил меня каждый день грести туда-сюда по реке: пусть люди видят, что мы рыбачим.

Каждый день мы приходили и бездельничали, дремали и ничего не ловили. Я брала свое духовое ружье «Ред райдер» и стреляла по змеям. И лопала конфеты, а папа пил пиво и рассказывал мне о войне. В пять вечера мы возвращались к штабу «Родео пятнистой форели» в магазине живого корма. Папа говорил: «Что ж, нынче не повезло. Не клюет» — и делал разочарованный вид, чтобы сбить их со следа.

В первый день, когда мы туда приехали, я помахала рукой девочке-инвалидке, Бетти Колдуэлл. Она сказала:

— Привет, Фэй, как поживаешь?

Я ответила:

— Хорошо.

Потом вышла ее мать и направилась напрямиком к нам, сунула мне в руки пепельницу из ракушки, которую я прислала Бетти, и сказала — спасибо, не надо больше посылать им пепельниц, поскольку у них никто не курит и не пьет, после чего развернулась и ушла. Она могла бы использовать ее под булавки или еще какие мелочи. Бетти Дэвис, например, курит. Не вижу в этом ничего страшного.

Пока я палила из ружья, убивая время, папа все рассказал про то, как

они с мамой познакомились, как ходили по кафешкам и веселились. Они ходили в кафе «Серебряный башмачок», и в кафе «Каса Лома», и в кафе «Капля росы». Папино изложение их романа отличается от маминого. По его словам, она за ним бегала, чтобы он на ней женился, но я-то лучше знаю. Папа говорит, что мог бы заполучить любую девчонку в Джексоуне, но выбрал маму, потому что она была очень застенчивая. Однажды днем он приехал за ней в своем голубом «десото»^[52] и повез гулять. Сиденье обожгло ей ноги, а он и не знал, пока она не начала кричать. Она была слишком хорошо воспитана, чтобы сказать об этом. Я знаю, что мама у нас леди. Все это говорят, но я не стала бы утверждать, что в ней до сих пор осталась хоть капля той застенчивости.

Форель-победительницу мы переложим из морозилки в холодильник сегодня вечером, чтобы к завтрашнему дню она оттаяла и была свеженькой.

18 сентября 1952

Форель была твердая, как доска, когда папа достал ее из холодильника. Поэтому он положил ее в кастрюлю с кипятком и запер в багажнике машины. Когда мы прибыли к штабу «Родео пятнистой форели», папа опять повыступал насчет того, как ему до сих пор не везло, может, он сегодня хоть одну рыбку поймает. Иначе что же про него подумает его дочурка. Потом мы, как всегда, помотались туда-сюда по реке, чтобы все нас увидели. Потом погребли назад, к своему местечку, и стали ждать, когда разморозится форель. Да, не зря эти холодильники стоили папе чертову уйму денег. Около двух часов дня форель наконец оттаяла, но из-за того, что ее сунули в кипяток, глаза у нее стали мутными. По мне, вид у нее был далеко не свежий. Папа тоже так подумал и начал ругаться. Потом ему в голову пришла идея.

Он сказал: «Никуда не уходи. Если кто-то подойдет, скажи, что я отлучился в туалет». Я сидела и ждала, и надо вам сказать, я не знаю, что может пахнуть хуже мертвой форели.

Примерно час спустя он крадучись появился из кустов, напугав меня до полусмерти. И заставил принести рыбину к кустам, куда он приволок весь свой набор для набивки чучел, включая искусственные глаза и самолетный клей. Искали мы целую вечность, но нашли-таки глаза для форели. Они оказались великоваты и не того цвета, но папа сказал, что судьи вряд ли заметят. Он вырезал у бедной форели настоящие глаза и на

их место приклеил пластмассовые. Потом мы сидели и дули на них, чтобы скорей высохли, и часам к четырем рыба имела вид вполне сносный. Правда, странноватый, но папа сказал — ничего, зато кажется, что она умерла от испуга. Я же говорила, мой папа предпочитает во всем видеть светлую сторону.

Только мы собрались уезжать, как мимо на лодке проплыл какой-то старичок и крикнул:

— Слыхал я, Эммет Вивер сегодня утром поймал тринадцатифунтовую.

Наша форель весила всего двенадцать фунтов и две унции. Вижу, папа сейчас в обморок упадет. Но мысль у него работает быстро. Он схватил мою коробку с пульками для духового ружья и все их затолкал в рот этой бедной форели. К тому времени, как мы прибыли в штаб, все, кроме нас, уже взвесили своих рыб.

Пока что победителем была рыба Эммета Вивера, которая весила не тринадцать фунтов, как сказал тот старик, а двенадцать фунтов восемь унций.

Знаете, что сделал папа, войдя в комнату? Сунул мне рыбу и сказал:

— Глядите, ребята, что поймала моя дочурка.

Я просто поверить не могла. Я сказала:

— Ой, нет, пап. Это же ты поймал.

Он сказал:

— Нет, милая, это ты. Беги и взвесь ее.

Если бы взгляды могли убивать, он был бы мертвее этой рыбы с пластмассовыми глазами. Я-то понимала, что он делал. Он вел себя так, будто на самом-то деле поймал рыбу он, но, будучи хорошим отцом, милостиво позволил своей дочурке насладиться славой. Я попыталась всучить ему рыбу обратно, но все уже успели настолько умилиться его замыслу, что буквально подтолкнули меня к весам. Я очень бережно положила рыбу на чашу весов. Чтобы пластмассовые глаза не стукнули на всю комнату о железяку.

Наша форель весила двенадцать фунтов девять унций. Значит, в ней, быстро подсчитала я в уме, семь унций свинцовых пулек. Все захопало и разом заговорили:

— Дочка Билла Харпера победила.

Я обернулась — папа улыбался, его хлопали по спине, вся честь досталась, разумеется, ему. И тут ко мне подлетела миссис Дот, принялась меня обнимать, целовать и говорить, как она горда, что Юная дебютантка выиграла первый приз, и что меня надо сфотографировать для газеты.

Я не спускала глаз с форели. Когда судья подошел, чтобы взять ее, я цепко выхватила рыбину у него из-под носа. Официальный фотограф «Родео пятнистой форели» начал крутить меня так и сяк, чтобы я приняла красивую позу для фотографии в газете. Мне велели поднять наш улов повыше за хвост и широко улыбнуться. Улыбнуться мне было сложновато, потому что если пластмассовый глаз вывалится на пол и они поймут, что рыба сдохла еще месяц назад, меня отправят в тюрьму. Миссис Дот умрет, если одна из ее Юных дебютанток станет уголовницей и рецидивисткой. Чем больше я об этом думала, тем хуже мне становилось. Сердце стучало как бешеное, а губы дрожали. Я бы не смогла улыбнуться, даже если от этого зависела бы моя жизнь. Меня все держали под прицелом фотоаппарата, говорили:

— Не отпустим, покуда не улыбнешься. Улыбнись-ка пошире, дорогуша.

Руки у меня начали уже трястись, и вся форель затряслась как в припадке. Вот-вот глаза у нее вывалятся, ну! Один уже выпучился немного, но не о глазах мне стоило беспокоиться, нет, потому что в этот момент изо рта форели полезли дробины, одна за другой они сыпались на мол. Я вся покрылась холодным потом, но вы вряд ли видели улыбку шире той, которую я выдала.

Надо же побыстрее сделать эту чертову фотографию! Миссис Дот сказала:

— Ой, поглядите-ка, она поймала беременную форель, в ней полно икры!

Слава богу, подрос папа, подхватил рыбу, перевернул головой вверх, задрал повыше и сказал:

— Я заберу эту форель, сделаю из нее чучело и подарю устроителям «Родео пятнистой форели» в качестве трофея.

Все согласились, что это отличная идея, особенно я. Он сказал, что нужно поскорей отвезти ее домой, пока не протухла.

Мама ждала нас. Папа сказал:

— Смотри, что Дейзи поймала, — и быстренько упрятал форель в морозильник, даже не дал ей рассмотреть как следует. И велел не открывать дверцу в течение двадцати четырех часов, иначе форель испортится.

Мама ему поверила. Она так гордилась моей победой, что, надо вам сказать, оно того стоило.

Папе не придется слишком возиться, чтобы сделать чучело из этой рыбины. Глаза-то уже есть.

Видели бы вы, какая фотография получилась. Впервые в жизни я попадаю в газету, и в таком ужасном виде, совсем не похоже на Селесту Холм. В колонке «Пара слов от Дот» миссис Дот пишет: «Юная дебютантка Дейзи Фэй Харпер — чемпион по рыбалке среди женщин». И дальше до конца статьи она обсуждает правила рыболовного этикета для мужчин и женщин. Вы знали, что женщина сама никогда не наживляет червяка на свой крючок?

Мой папа поставил лодочный мотор в сарай рядом с коктейль-баром. Лодки у него пока нет, так что не знаю, что в этом моторе полезного. Мы с мамой хотим, чтобы он его продал. Нам нужны деньги, чтобы платить за коктейль-бар, но папа говорит, как только он начнет делать чучела, у него будет достаточно денег, чтобы выплатить кредит и купить лодку. О пони — ни слова. Он уже начал набивать электрического угря.

Мистер Ромео был прав, что после Дня труда берег опустеет. Здесь больше ни единого человека, и почти все жители разъехались на зиму, кроме Майкла, меня и дочерей ловцов креветок. Кей Боб Бенсон поехала навестить своих бабушку с дедушкой и небось очередную куклу от них получить.

21 сентября 1952

Мама с папой отправились сегодня на глубоководную рыбалку с мистером и миссис Дот, а я осталась дома, поскольку они побоялись, что я начну сбрасывать рыбу в море.

Я играла возле шоссе, вдруг в квартале от меня на обочине остановилась машина. Смотрю — в ней двое целуются и обнимаются при свете дня. Брр!

Часом позже они подъехали к коктейль-бару, и я пошла сказать им, что мы закрыты. И знаете, кто был в этой машине? КЛЮД ПИСТАЛ!!! Я чуть в обморок не упала. Он спросил, где мама с папой, и я ответила, что рядом, должны вот-вот подойти, что было ложью, часов до шести они точно не вернутся, но он, кажется, напрочь забыл, что он меня ненавидит, потому что спросил, не позволю ли я его подруге Руби воспользоваться туалетом. Неудивительно, что ей приспичило: в машине было полно банок из-под пива.

Когда я отвела ее за угол бара и показала туалет, она спросила:
— Чей ты будешь, мальчонка?

— Я девчонка, — ответила я.

По всей видимости, набралась она неслабо, потому что у меня же волосы хвостом, ну и вообще. Она неплохо выглядела, с длинными темными волосами, но ей уж точно несладко живется, раз она ходит на свидание с таким уродом, как Клод Пистал.

Покончив со своими делами, она решила причесаться и подкрасить губы. Тут я поняла, что она очень богата, потому что на пальце у нее было крупнейшее, краснющее рубиновое кольцо, я таких в жизни не видела. Я спросила, настоящий ли это рубин, и она сказала — да. Сказала, что ее зовут Руби Бейтс и у нее есть сестра-близнец по имени Опал. Отец подарил ей это кольцо с рубином, а Опал — кольцо с опалом, когда им обоим исполнилось двадцать один. Потом она начала оплакивать своего папочку, потому что он был самым добрым человеком на свете. Я не знала, что сказать, но, наверное, она была немного того, потому что перестала плакать так же внезапно, как начала. Кое-как расчесалась и накрутила губы вкривь и вкось. Моя мама красится идеально.

Руби спросила, как меня зовут, и я сказала — Дейзи Фэй Харпер. Она, похоже, смешнее имени не встречала и чуть не умерла со смеху. Я, говорю, не виновата, что меня назвали в честь вазы с цветами, оказавшейся в маминной палате, я же ничего не могла поделать. Проводив ее обратно к машине, я сказала: «Приятно было познакомиться» — и пошла прочь. Не хотела лишний раз встречаться с Клодом Писталом. А теперь вот думаю: пожалуй, быть названной в честь вазы с цветами не смешнее, чем в честь кольца!

22 сентября 1952

Джимми Сноу заехал в гости, и папе пришлось сказать ему, что нашей половины платежа за коктейль-бар у него нет. Джимми Сноу говорит: ничего, у меня тоже нет моей половины. Джимми — классный парень. Мама умирает от беспокойства, а папа повторяет: не волнуйся, что-нибудь придумаю.

Он все набивает электрического угря, но туловище угря получается комковатым. Мама хочет знать, кому в мире вообще придет в голову покупать чучело электрического угря. Если папе не удастся справиться с угрем, он примется за фламинго.

Приезжал этот проповедник, Билли Банди, пытался продать маме

религиозную швейную машинку. Папа спросил, что в этой швейной машинке такого религиозного, и Билли сказал:

— Если покупаете такую машинку, Господь вас благословит.

Он уже много продал с помощью радио, но маме машинка не нужна, да и в любом случае нам это не по карману.

На прошлой неделе состоялось последнее в сезоне собрание Клуба юных дебютанток, и миссис Дот написала в своей колонке «Пара слов от Дот», что все мы наслаждались народными мексиканскими танцами, которыми «нас порадовала школа танцев Корки Кинг под руководством Корки Кинг». Вранье. Я ими ни капли не наслаждалась. Кей Боб Бенсон считает, что это величайшая прелесть на свете. И утверждает, что она лучшая ученица Корки Кинг и что Корки Кинг сказала, что она может стать профессиональной танцовщицей, когда вырастет.

Знаете, как Кей Боб Бенсон обозвала меня, когда я случайно наступила в центр большой шляпы, вокруг которой мы танцевали? Сухопутной крысой! Я ничего ей не ответила, но она ходит по тонкому льду. Я могла бы назвать ее результатом искусственного оплодотворения, но не назвала же. И раз уж зашла речь об этом идиотском танце со шляпой, что толку разучивать иностранный танец? Сколько раз, по-вашему, мы съездим в Мексику? К тому же я ненавижу все испанское. Особенно испанскую макрель. Мама с папой поймали порядка трехсот испанских макрелей, когда ездили на глубоководную рыбалку. Если я съем еще хоть штучку, меня стошнит.

Хорошо, что это было последнее собрание. Миссис Дот говорит теперь только о тех далеких временах, когда она была маленькой. О своей выпускной вечеринке в Мемфисе она рассказала нам по меньшей мере раз десять. Я-то лично слушаю спокойно, но вот остальные Юные дебютантки — гадины, смеются над ней за ее спиной. Когда мама с папой ездили с ней и ее мужем на рыбалку, мистер Дот только и делал, что потешался над миссис Дот, пока та не расплакалась. Гад. Наверное, она страшно расстроилась, потому что на последнем собрании даже не приготовила для нас мысль дня. Говорила только о том, как она была счастлива в юности, весела и беззаботна, порхала с вечеринки на вечеринку и плясала с красивыми молодыми людьми, которых в те времена было множество. Потом поглядела на нас с такой нежной грустью в глазах и сказала:

— Как бы я хотела, чтобы кто-нибудь взял все эти дни, часы и минуты, вложил в конверт, заклеил и снова подsunул мне под дверь.

30 сентября 1952

Уроки начались, ох, как я рада. Мама с папой ссорятся, ссорятся, ссорятся, только тем и заняты. Вообще-то школа мне не понравилась, но в нашу учительницу я просто влюбилась. Зовут ее миссис Сибил Андервуд, и она красавица, очень похожа на Джин Тирни.^[53] И представляете, она родственница по мужу мистеру Рою Андервуду, выростившему курицу с десятью пальцами.

Учиться в школе не сложно по сравнению с моей прошлой школой. Дети картофельных фермеров не так умны, как пятиклассники в Джексоне. Я даже домашние задания могу не делать, но мне ужасно мешает застенчивость. Однажды миссис Андервуд подмигнула мне, и я так покраснела, что пришлось голову к самой парте опустить. Когда у тебя кожа светлая и видно, как ты краснеешь, это сущий кошмар. Прямо не знаю, что со мной творится. Если она вызовет меня читать вслух, я, наверное, просто умру.

Я почти всегда знаю ответ, но не могу поднять руку. Она становится тяжелой, как будто налита свинцом. И вообще, люди, которые то и дело тянут руку, — нахальные янки.

Миссис Андервуд на второй день вызвала маму и спросила, всегда ли я была такой стеснительной, и мама сказала — нет, никогда не была, напротив, у них с папой возникали со мной трудности как раз обратного характера. Миссис Андервуд озабочена тем, что я не разговариваю с другими детьми, но я скорее с ней заговорю, чем с ними. Я ничего не знаю о картошке и креветках, да и знать не хочу.

До сих пор стоит жара. Мама Кей Боб Бенсон приволокла в класс здоровенный вентилятор и направила прямиком на Кей Боб. Я умираю от духоты, но с ней не сяду, даже если мне заплатят.

Сегодня утром в школьном автобусе Майкла ждал Большой Сюрприз. Мама каждый день собирает ему с собой обед. Этот поросенок начинает его хрюпать еще по дороге в школу. Сегодня он достал из пакета крутое яйцо и, выпендриваясь как обычно, разбил о голову, но его мама, должно быть, позабыла это яйцо сварить, потому что оно оказалось сырое. Да к тому же испорченное. У Майкла было такое лицо! Ничего смешнее я в жизни не видела.

Я пошла к водителю, миссис Баттс, и сказала, что ей лучше притормозить, потому что Майкл сидит с тухлым яйцом на голове.

Миссис Баттс остановила автобус и велела открыть все окна, потому

что вонь стояла невыносимая. Майкла отправили в конец салона и повезли домой.

Все опоздали в школу, но ничего. Увидеть его лицо — это, я вам скажу, того стоило.

Днем я пошла к Майклу домой, потому что в школе он так и не появился. Он рассказал, что к тому времени, как миссис Баттс довезла его до дома, яйца засохло и стало твердым как камень, и его маме понадобилось восемь раз мыть ему голову шампунем «Сияние».

Папе пришлось сдаться и отказаться от идеи сделать чучело фламинго. Шея у птицы до того длинная, что не желает стоять прямо. Он уж и вешалку от пальто туда вставил, и всякое пробовал ну не держится, хоть тресни, так что теперь он взялся за рысь, подарок Джимми Сноу.

21 октября 1952

Я в школе уже три недели, а до сих пор не могу поднять взгляд на миссис Андервуд. Скоро у меня отрастет второй подбородок, оттого что без конца смотрю вниз. Она провела тест на скорочтение, и у меня лучший результат. Учусь я в шестом, а читаю по норме девятого класса, так что до девятого могу лодырничать.

Мама сердится. Она не дает мне с собой еду, зато дает деньги, поскольку детям очень важно на обед есть горячее, а в школе есть кафетерий. Но кое-кто с инициалами К.Б.Б. сказал своей маме, а та сказала миссис Ромео, а та — моей маме, что в обеденную перемену я хожу в ларек «Свинья и свисток» и покупаю барбекю с кока-колой. Во-первых, вранье. Я беру чизбургеры. Во-вторых, миссис Дот, которой я восхищаюсь, сказала, что уж где-где, а в кафешке смерть ее ни за что не застигнет, раз уж ее дядя, Уиллис Б. Креншоу, задохнулся, подавившись костью зубатки в кафетерии «Красная звезда» в Сельме, Алабама, в 1936 году. И в-третьих, вот меню из школьного кафетерия только на эту неделю, напечатанное в газете «Магнолия-Спрингз». Судите сами.

Понедельник — спагетти с фрикадельками и мороженое.

Вторник — колбаса, картофельные палочки, сакоташ^[54] и полперсика.

Среда — сосиска с сыром, рис с подливкой, шпинат

с маслом, кокосовый пудинг.

Четверг — салат с тунцом, маринованная свекла, макароны с сыром и банан.

Пятница — тушеная говядина, стручковая фасоль и желе.

Фу!

Папа закончил чучело рыси, даже не верится. Она широко улыбается. Мама говорит, никто не купит рысь с улыбкой от уха до уха и вот что значит учиться на таксидермиста по почте. Мама права. Эта рысь совсем не похожа на дикого зверя. Если честно, вид у нее такой, будто она умерла от хохота, потому что ее защекотали до смерти.

Не знаю, что с мальчишками не так. Я играю в бейсбол не хуже любого из них, но они девчонок не принимают. До шестого класса мальчики были нормальные. А теперь ведут себя как придурки. Их любимое развлечение — ржать над тем, что Пэтси Руфь Коггинс носит лифчик. Меня они на этом не застукают. Мама Майкла сказала, что я должна попросить свою маму купить мне бюстгальтер, но я не стала.

Я мечтаю о черной атласной японской курточке. Брат Эми Джо Снайпс прислал ей такую из Кореи. У нее дракон на спине и всякие разности.

Мама с папой прекратили ссориться из-за денег и начали ссориться из-за какой-то женщины, с которой папа, по маминому убеждению, крутит роман. Кей Боб Бенсон сказала, что ее мать видела моего папу в пивном баре с какой-то женщиной, но я ей не верю. А мама, похоже, поверила, потому что вчера папа поздно вернулся, а она схватила ружье и грозилась пристрелить его. Папа изо всех сил держал дверь с москитной сеткой на заднем крыльце, чтобы мама не могла выйти и как следует прицелиться. Положение у него было неудачное: если побежит, она ему выстрелит в спину, а если останется на крыльце, она может выстрелить через сетку. Папа оказался в безвыходном положении и крикнул, что ему нужна моя помощь. Я встала между ним и мамой, меня-то она застрелить не хочет.

Мама зверски разозлилась. Она отступила и так лягнула дверь, что сшибла ее с петель, и папа улетел от крыльца на восемь футов. Она гоняла его по всему берегу, но так и не поймала.

На перемене миссис Андервуд отвела меня в сторонку и сказала: я знаю, что у твоих мамы с папой сейчас трудный период в жизни. Я говорю: неправда, все в порядке. Кей Боб Большой Рот Бенсон лучше держать свой большой рот на замке. Все равно, сказала миссис Андервуд, если я захочу с ней поговорить, то пожалуйста, в любой момент, я ее любимая

шестиклассница, и ей бы не хотелось, чтобы я вечно сидела с опущенной головой. Я с самого начала знала, что я ее любимица. Соперников мне в этом классе, конечно, раз, два и обчелся, но все равно приятно.

Иногда я представляю, что школу охватил пожар, а миссис Андервуд заперта в классе. И я вбегаю и освобождаю ее, и она так радуется, что целует меня и крепко обнимает. Хорошо бы она узнала, как я спасла Анжелу Пистал, из какого-нибудь другого источника, не от меня. Я пыталась подговорить Майкла, чтобы он ей рассказал, но он отказался. Ну и ладно. А то начнет расписывать, как он спас Анжелу и меня, а заодно переплыл Английский канал. Этот залив шириной всего в пятнадцать футов.

Хорошо бы иметь «Бьюик Супер 8» с норками^[55] по бокам. Я бы пригласила миссис Андервуд покататься.

27 октября 1952

Сегодня Кей Боб Бенсон сказала:

— Ты что, вообще не переодеваешься? На тебе с начала занятий один и тот же костюм.

А я ей:

— Переодеваюсь, каждый день. Просто у меня куча похожих белых блузок и синих юбок.

В Юных дебютантках она меня доставала, а в школе и того больше.

Шестиклассникам предстоит большая вечеринка в канун Дня всех святых. Вы бы слышали, что эти тупые шестиклассники предлагали в качестве смешного предмета для поисков в игре «Мусорщик идет на охоту». Мое предложение было самым интересным. Я написала «альбиноса», но Кей Боб Бенсон завопила, что знает, кто это написал — Дейзи Фэй Харпер. Вроде предполагалось, что голосование будет анонимным. Миссис Андервуд посчитала, что найти альбиноса будет слишком сложно, но я подсказала ей одно имя — Ула Сур, которая живет недалеко отсюда, в цветном квартале. Все равно она не поддержала идею бегать среди ночи по улицам, полным цветных. Вот дьявол! Наверняка кто-нибудь из этих местных детей мог бы найти альбиноску. Такой был шанс — и мимо! А виноват во всем сами знаете кто.

Наверное, я буду республиканкой, когда вырасту. Нам пришлось выбирать «десять лучших предметов для поиска» путем голосования.

Миссис Андервуд сказала, что так поступают демократы. Я могла бы придумать им десять классных вещей. Вместо этого мы будем искать чепуху вроде зубной щетки, окурка сигары, спонжика для пудры и тюбика от закончившейся помады. Пфф.

Я пошла в театральный магазин «Элвуд» и купила себе шикарный маскарадный костюм дьявола для Дня всех святых — красное трико с рогами и торчащим вверх хвостом. Резиновый трезубец, который шел с ним в комплекте, конечно, ерунда полная, но Джимми Сноу обещал привезти мне настоящий.

Послушайте, какое объявление напечатано сегодня в газете:

НОЧЬ ВСЕХ СВЯТЫХ В ТЕАТРЕ МАГНОЛИЯ-СПРИНГЗ

ПРИХОДИТЕ, ПРИХОДИТЕ, УВИДИТЕ САМОЕ
УЖАСНОЕ ШОУ ВЕКА.

ЛЕДЕНЯЩЕЕ КРОВЬ ШАМАНСКОЕ ШОУ
БЕЗУМНЫХ ВРАЧЕЙ.

КРОВЬ БРЫЗЖЕТ ПОВСЮДУ!

ПО СРАВНЕНИЮ С ЭТИМ ЗРЕЛИЩЕМ
ФРАНКЕНШТЕЙН ПОКАЖЕТСЯ МАМЕНЬКИНЫМ
СЫНОЧКОМ.

БЕСЧЕЛОВЕЧНЫЕ МОНСТРЫ ВОЛЬНО
РАЗГУЛИВАЮТ СРЕДИ ПУБЛИКИ.

ПРИВИДЕНИЯ, УПЫРИ И ОБОРОТНИ СОЙДУТ
СО СЦЕНЫ, ЧТОБЫ ПОСИДЕТЬ РЯДОМ С ВАМИ

ВЫ УВИДИТЕ СВОИМИ ГЛАЗАМИ, КАК
ДЕВУШЕК ПРИНОСЯТ В ЖЕРТВУ БЕЗЖАЛОСТНЫМ
ЧУДИЩАМ!

ОТПИЛИВАЮТ ГОЛОВУ БЕНЗОПИЛОЙ!

ВАМ МОГУТ ВЫРВАТЬ ЯЗЫК!

ВАМПИРЫ ОТВЕДАЮТ ВАШЕЙ КРОВИ!

УБИЙСТВО НА ГЛАЗАХ ПОЧТЕННОЙ
ПУБЛИКИ!

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: ДЕВУШКАМ В ОДИНОЧКУ
ПРИХОДИТЬ ЗАПРЕЩАЕТСЯ!

ВХОД — 50 ЦЕНТОВ. МОГИЛЬЩИКИ И

СОТРУДНИКИ ПОХОРОННЫХ БЮРО ПРОХОДЯТ БЕСПЛАТНО.

Жаль, что это театр для белых. Пичи Уигам могла бы прийти бесплатно, раз она владелица похоронной конторы.

Но я не пойду. И знаете, почему я пропущу это шоу, возможно, лучшее шоу в моей жизни? Потому что, когда миссис Андервуд спросила класс, когда мы хотим устроить вечеринку — в ночь перед Хэллоуином или в ночь на Хэллоуин, сами знаете кто встал и сказал:

— Ой, нет, миссис Андервуд, это будет не настоящая ночь всех святых, если не на Хэллоуин ее устраивать.

Я указала на то, что среди нас есть те, кому может быть интересно пойти колядовать или в кино, и если устроить вечеринку накануне, мы как раз убьем двух зайцев.

Миссис Андервуд сказала:

— Давайте проголосуем. Кто за ночь на Хэллоуин?

Кей Боб Бенсон так резко вскинула руку, что удивительно, как она не оторвалась. После чего все картофельные дети и креветочные дочки проголосовали «за». Я расправлюсь с мисс Кей Боб Бенсон, даже если это будет последнее, что я сделаю в жизни.

Как бы ни хотелось мне на шоу в театр, я не пойду, потому что миссис Андервуд огорчится, если меня не будет на вечеринке. К тому же я еще ни разу не видела ее ночью.

29 октября 1952

Сегодня я реализовала свой план!

Спросила миссис Андервуд, можно ли нам с Майклом устроить собственное шоу на вечеринке. Она спросила: «Какое шоу?» И я рассказала, что мы хотели бы сделать дом ужасов. Посетители станут заходить туда по одному. Она подумала и сказала, что идея ей нравится, так что мы с Майклом будем весь день трудиться.

Он хотел назвать это «Чертог крови и кишок, заходите, если осмелитесь». Я предложила название «Дом тысячи ужасающе ужасных ужасов», но Майкл сказал, что поскольку ужасов мы придумали только восемь, то его название больше подходит. Я согласилась, потому что он мой партнер в самой-жестокой-мести-на-все-времена.

Папа написал нам объявление: «ЧЕРТОГ КРОВИ И КИШОК — ВХОДИТЕ, ЕСЛИ ОСМЕЛИТЕСЬ». Из букв течет нарисованная кровь!

У меня уже готов сценарий. Мы с Майклом заняты подготовкой реквизита. Папа дал уродливую резиновую маску. Я буду мадам Бодини, самой уродливой женщиной в мире. Майкл будет моим верным помощником Грондо Кошмарильо. Кто-то завяжет входящему глаза и заведет в «ЧЕРТОГ КРОВИ И КИШОК — ВХОДИТЕ, ЕСЛИ ОСМЕЛИТЕСЬ».

Я произнесу страшным голосом:

— Я ЗНАМЕНИТАЯ МАДАМ БОДИНИ, САМАЯ УРОДЛИВАЯ ЖЕНЩИНА В МИРЕ... НА ВАС ПОВЯЗКА, ПОТОМУ ЧТО НИ ОДНОМУ СМЕРТНОМУ НЕ ВЫЖИТЬ, ЕСЛИ ОН ВЗГЛЯНЕТ НА МЕНЯ... ЛИЦО МОЕ ТАК УЖАСНО, ЧТО РАЗРЫВ СЕРДЦА ВАМ ГАРАНТИРОВАН.

Потом я говорю:

— ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В «ЧЕРТОГ КРОВИ И КИШОК — ВХОДИТЕ, ЕСЛИ ОСМЕЛИТЕСЬ»... ПРЕДУПРЕЖДАЕМ, НАЗАД ПУТИ НЕТ... ВЫ ВХОДИТЕ НА СОБСТВЕННЫЙ СТРАХ И РИСК... УСТРОИТЕЛИ НЕ ВОЗЬМУТ НА СЕБЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ВЫ ПОСЕДЕЕТЕ ОТ СТРАХА, НО ВЕРНУТ ЧАСТЬ ДЕНЕГ В РАЗМЕРЕ СТОИМОСТИ КРАСКИ ДЛЯ ВОЛОС. ПОЩУПАЙТЕ СТРАШНЫЙ ГОРБ НА СПИНЕ МОЕГО ВЕРНОГО ПОМОЩНИКА ГРОНДО КОШМАРИЛЬО.

Горбом послужит моя расшитая подушка, которую Майкл засунет под рубашку.

Когда посетитель продвинется на шаг вперед, я скажу:

— ВЫ ВОШЛИ В «ЧЕРТОГ КРОВИ И КИШОК — ВХОДИТЕ, ЕСЛИ ОСМЕЛИТЕСЬ», ГДЕ ЧУДИЩА ЖУЮТ И СПЛЕВЫВАЮТ МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ.

Майкл изобразит рычащее жевание и плевание, а я засмеюсь жутким смехом.

Потом скажу:

— ПОЩУПАЙТЕ СВЕЖЕВЫРВАННОЕ СЕРДЦЕ МАЛЕНЬКОГО РЕБЕНКА, ОНО ЕЩЕ ТЕПЛОЕ.

Мы положим посетителю в руки кусок сырой печени.

— ПОГРУЗИТЕ РУКИ В ВЕДРО ТЕПЛОЙ КРОВИ ТОГО ЖЕ РЕБЕНКА.

Томатный суп «Кемпбелл» на ощупь не отличается от крови.

— ВОТ ГЛАЗ СУМАСШЕДШЕГО ЗЛОДЕЯ, КОТОРЫЙ ТАК

ОБЕЗУМЕЛ ОТ УЖАСА ПРИ ВЗГЛЯДЕ НА ЖУТКОЕ ЛИЦО МАДАМ БОДИНИ, ЧТО ГЛАЗА У НЕГО ВЫСКОЧИЛИ ИЗ ОРБИТ. БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ, У НАС ОСТАЛСЯ ТОЛЬКО ОДИН ГЛАЗ. ВТОРОЙ Я СЪЕЛА ЗА ЗАВТРАКОМ. НЯМ-НЯМ, ВКУСНОТИЩ-Щ-ЩА.

И я подсуну ему очищенную от шкурки виноградину.

Потом мы вложим ему в руку брелок от ключей в виде кроличьей лапки, я скажу:

— ВОТ МЕРТВАЯ КРЫСА, ГРОНДО ОТКУСИЛ ЕЙ ГОЛОВУ, КОТОРУЮ В ДАННЫЙ МОМЕНТ ЖУЕТ.

Майкл издаст жующий звук, а я снова засмеюсь жутким смехом.

Мы проведем его еще на шаг вперед и скажем:

— ВЫ ПРОДОЛЖИЛИ ПУТЬ ПО «ЧЕРТОГУ КРОВИ И КИШОК — ВХОДИТЕ, ЕСЛИ ОСМЕЛИТЕСЬ» И ПОПАЛИ В ПАУТИНУ ГИГАНТСКОГО ТРЕХНОГОГО ПАУКА, КОТОРЫЙ, ПОКА Я ГОВОРЮ, ИДЕТ ПО ВАШЕЙ РУКЕ — ИЩЕТ, КУДА БЫ ВАС УКУСИТЬ.

Тут я наброшу на лицо посетителя сетку для волос, купленную в салоне красоты «Нита», а Майкл положит на его руку лисий воротник своей мамы.

— ВОТ БЛЮДО С ВЕДЬМИНСКИМИ РОДИНКАМИ, КОТОРЫЕ ОТВАЛИЛИСЬ ОТ УЖАСА.

Пока мы не нашли ничего похожего на родинки, но продолжаем поиски.

— СТОЙТЕ СПОКОЙНО, ЗНАМЕНИТАЯ СТОРОЖЕВАЯ ЗМЕЯ МАДАМ БОДИНИ ПОДНИМАЕТСЯ У ВАС ПО РУКЕ.

Мы взяли пять сосисок и воткнули на конце пару зубочисток в качестве зубов. Дождемся ночи и склеим их, чтобы получилась длинная змея.

— А ТЕПЕРЬ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ, ПРЕДЕЛЬНЫЙ СУПЕРУЖАС ВСЕХ ВРЕМЕН... ПРИГОТОВЬТЕСЬ И ПОМНИТЕ, УСТРОИТЕЛИ НЕ НЕСУТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИНФАРКТЫ... ГОРСТЬ ЧЕРВЕЙ И ЛИЧИНОК, ТОЛЬКО ЧТО ВЫНУТЫХ ИЗ ЖИВОТА ЧЕЛОВЕКА, УМЕРШЕГО ОТ ЧУМЫ.

Это будет спецзаказ для Кей Боб Бенсон!

— ПОЗДРАВЛЯЕМ. ВЫ ДО СИХ ПОР ЖИВЫ. НО ВЫ ЕЩЕ НЕ ВЗГЛЯНУЛИ В ЛИЦО УЖАСНОЙ МАДАМ БОДИНИ.

Майкл сдернет с посетителя повязку, а я посвечу фонариком себе подбородок и завязку. Ну как? Недурно, а? Все это будет очень правдоподобно. Мы даже горячую воду в комнате приготовим, чтобы сердце и кровь были теплыми.

А мама Майкла до сих пор на него злится, потому что накануне мы у них дома искали подходящий для крови продукт и не сразу остановились на томатном супе «Кемпбелл», а сначала попробовали свекольный сок, но он оказался слишком жидким. Остатки свеклы и сока Майкл выбросил в туалет, куда через несколько минут зашла мама Майкла. Когда она закончила свои дела, мы услышали ее крик, чтобы Майкл срочно привел отца, и она продолжала кричать: «О господи! О господи!» — снова и снова. Папа вбежал к ней и тоже принялся кричать. Короче, Майкл забыл спустить воду. Вот она и подумала, что умирает, или еще чего.

1 ноября 1952

В День всех святых папа и Джимми Сноу пришли после уроков в школу, соорудили из одеял и покрывал шикарную комнату и повесили вывеску. Внутри было темно и хорошо. Мы принесли все наши ужасы и горячую воду, чтобы согреть кровь и сердце маленького ребенка. Я заставила Майкла пять раз повторить его роль. Свою я знала. Джимми сдержал слово и привез мне настоящий трезубец.

Папа заехал в ночной клуб «Элита», и я забрала пакет, который заказывала у Пичи Уигам. На Пичи всегда можно положиться. Она отличная бизнесменша. К пяти я была в костюме дьявола, и два часа я не могла сесть, иначе хвост помялся бы. На вечеринку нас отвезла мама Майкла, и я наконец увидела его костюм, который он держал в секрете. Он нарядился пиратом с черной повязкой на глазу. Если спросите мое мнение, можно было и чего поинтересней придумать. Мы еле засунули трезубец в машину, но справились. Я всю дорогу стояла на заднем сиденье, блюла свой хвост. Для своих лет я довольно высокая, поэтому мне пришлось немного наклониться. Мама Майкла вела машину со скоростью черепахи, я думала, мы никогда не доедем. Когда доехали, придурочный Майкл так разволновался, что не дождался, пока я вытащу пакет и трезубец, и захлопнул дверь, прищемив мне хвост. Так что он таки сломался, я даже миссис Андервуд его показать не успела.

Видели бы вы костюмы, в которых явились картофельно-креветочные детки. Там было не одно привидение, а сто. Один дурак нарядился пилигримом. Была ведьма и пугало, а маленький лысый мальчик из моего класса, Вернон Мусбургер, пришел в образе злобной картофелины. У этих людей одна картошка на уме.

Кей Боб Бенсон вырядилась Девой феей, этот костюм ей сшили по спецзаказу в Меридиане. Костюм занял первое место, естественно. Чего можно было ожидать со сломанным хвостом, но миссис Андервуд сказала, что я очаровательна. Она была очень красивой в голубом свитере с вышитыми инициалами С.А.

Там был мешок мелочей, которые можно вытаскивать за десять центов, мне достался пэдлбол^[56] с летучей мышью на шарике и жестяная лягушка, которой можно щелкать, я ее сменяла Майклу за набор шариков и пару восковых губ. Он чуть с ума всех не свел, всю ночь напролет щелкая этой штукой.

Мы ели попкорн и красные и черные лакричные конфеты, которые я на дух не перевариваю. Миссис Андервуд повесила по всей комнате картонных скелетов, черной и оранжевой гофрированной бумаги, черных кошек и ведьм. Могу поспорить, она бы запросто могла работать профессиональным декоратором.

Была там большая металлическая ванна с плавающими в воде яблоками. Я бы к ней и близко не подошла, потому что миссис Дот рассказала на заседании Юных дебютанток, как ее кузина вышла замуж за очень богатого банкира из Мобила и на их свадьбе он случайно утонул — захлебнулся, пытаясь без рук съесть такое яблоко. Только представьте, кузина миссис Дот побывала в один и тот же день и невестой, и женой, и вдовой. Миссис Дот и теперь яблок не ест.

Когда остальные ушли на дурацкую «мусорную охоту», мы с Майклом занялись приготовлением «ЧЕРТОГА КРОВИ И КИШОК». Ведьмины родинки мы сделали из засахаренных кукурузных зерен, с которых я предварительно сгрызла белые кончики, что было мне совсем не в тягость, ибо только эта часть мне в них и нравится. Мы подогрели кровь и сердце и стали ждать первого посетителя. Эми Джо Снайпс играла роль приветливой хозяйки «ЧЕРТОГА КРОВИ И КИШОК» и завязывала посетителям глаза. Для повязки я приспособила бабушкин подарок — шейный платок с картой Миссисипи. Эми Джо Снайпс было велено, когда Кей Боб Бенсон подойдет к двери, провозгласить: «Вот идет Девая фея», чтобы я успела подготовиться.

Первым нашим посетителем стал Герберт Холк. Мы его до смерти напугали. Он чуть не раздавил виноградный глаз. Когда он вышел, я попросила Майкла, чтобы он, когда производит жевательно-плевательные звуки, не плевался в посетителя, потому что это негигиенично. И к своему тексту добавила слова: «ОСТОРОЖНО, НЕ РАЗДАВИТЕ ГЛАЗ». У Майкла был страшноватый вид, потому что он ловил яблоки в корыте, не сняв

повязку на глаз, и теперь пол-лица у него было в черной краске.

Следующие посетители пошли без эксцессов. Видели бы вы их лица, когда в конце я на них орала. Народу у нас было много, но пришлось сделать перерыв, потому что кровь остыла.

Когда я сказала Эми Джо Снайпс, что можно снова запускать, Майкл, отвечавший за подогрев сердца, так разогрел печень, что не удержал в руках и уронил. И произошло это, когда зашел Вернон Мусбургер, а ведь он мне нравится. Вы никогда не пытались найти кусок печени в полной темноте? Это заняло целую вечность. А потом догадайтесь, кто пришел! Я чуть не померла. Миссис Андервуд. От страха меня подвел голос. И к этому времени от змеи осталась только одна сосиска — остальные оторвались, а все ведьмины родинки слиплись в комок. Надеюсь, она не заметила. Она изображала страшный испуг, но я-то знаю, что ей было не страшно. И когда Майкл должен был сорвать с нее повязку, он не дотянулся и только сдвинул ее, так что миссис Андервуд пришлось снимать ее самой. Это совсем сбило меня с толку, и вместо вопля я просто сказала: «Бу!» Наверное, она подумала, что я совсем дура.

Посетители шли, как овцы на убой. Одна девочка описалась, когда я подсветила себе лицо снизу фонарем и заорала. Я начала волноваться, подошла к входу и спросила хозяйку:

— Где Добрая фея?

— Добрая фея не пришла, — ответила она «гостеприимным» голосом.

— Почему? — спрашиваю.

Она:

— Не знаю. Ваш следующий посетитель готов, мадам Бодини.

Я сказала:

— Зайди-ка.

Она:

— Что?

Я:

— Пойди сюда.

Потом слышу, она говорит:

— Подождите здесь, я должна пойти в «ДОМ КРОВИ И КИШОК — ВХОДИТЕ, ЕСЛИ НАДО» для беседы с мадам Бодини.

Я забыла, что она не видела меня в образе мадам Бодини. Взглянув на меня, она подпрыгнула фута на три. Я велела ей пойти и узнать, почему не идет Добрая фея. И сказала, что это «ЧЕРТОГ КРОВИ И КИШОК», а не «ДОМ», и «ВХОДИТЕ, ЕСЛИ ОСМЕЛИТЕСЬ», а не «ЕСЛИ НАДО».

Спустя несколько минут она вернулась и доложила: Добрая фея

считает всю затею глупой и детской, и вообще это сплошной обман, она не позволит двум идиотам вылить томатный суп на ее сшитый по спецзаказу костюм. Я проинструктировала хозяйку на дальнейшие действия: вернуться и сказать, что мы пропустим ради нее томатный суп, но если она не придет, я расскажу миссис Андервуд, что она списывала на контрольной по арифметике, чего в действительности не было, она же у нас умница-разумница. Но Кей Боб Бенсон знает, что я любимица миссис Андервуд, а значит, она может мне и поверить. Очень скоро хозяйка провозгласила: «Вот идет Добрая фея», и она вошла. Я БЫЛА К ЭТОМУ ГОТОВА.

Прежде всего она сказала:

— Дейзи Фэй Харпер, твой папаша — изменщик и пьяница, а ты паршивая береговая крыса, и если ты хоть чем-нибудь меня испачкаешь, мама заставит тебя за это платить.

Мы заставили ее пощупать горб, а когда вручили сердце мертвого ребенка, только что убитого, она подавила показной зевок и сказала:

— Да это просто кусок печенки.

Кастрюлю с кровью мы пропустили, я слово держу. На мертвую крысу она сказала:

— Это брелок с кроличьей лапкой. Вот же цепочка.

Надо было снять цепочку.

А когда я дала ей подержать глазное яблоко, она сказала:

— Виноградина.

Пока она выбила 1000 очков из 1000 возможных.

Я сказала:

— ВЫ ПОПАЛИ В ПАУТИНУ ГИГАНТСКОГО ТРЕХНОГОГО ПАУКА, КОТОРЫЙ, ПОКА Я ГОВОРЮ, ИДЕТ ПО ВАШЕЙ РУКЕ — ИЩЕТ, КУДА БЫ ВАС УКУСИТЬ.

Она даже договорить мне не дала:

— Ничего подобного. Это сетка для волос, а это какой-то кусок облезшего меха.

Да, слепая из нее получилась бы что надо.

Ведьмины родинки я пропустила, слишком уж ей нравилось отгадывать. Мы сразу перешли к сосиске, а когда добрались до тарелки, полной кишок и жил, она сказала:

— Это макароны с сыром.

Я говорю:

— Правильно, Добрая фея, — хотя это были спагетти. Потом я сказала: — БУДЬТЕ ГОТОВЫ УВИДЕТЬ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ, ПРЕДЕЛЬНЫЙ СУПЕРУЖАС ВСЕХ ВРЕМЕН... ГОРСТЬ ЧЕРВЕЙ И

ЛИЧИНОК, ТОЛЬКО ЧТО ВЫНУТЫХ ИЗ ЖИВОТА ЧЕЛОВЕКА, УМЕРШЕГО ОТ ЧУМЫ... А ЭТО ОЧЕНЬ ЗАРАЗНО.

— Снова макароны с сыром, — сказала она.

А я:

— Мадам Бодини и ее верный помощник позволят себе не согласиться с Доброй феей.

Она топнула ногой и сказала:

— Вам не удастся меня одурачить. Это макароны с сыром, просто нарезаны мельче. Неужто я не узнаю, столько раз их ела.

Это правда. В школьном кафетерии повара большие приверженцы макарон с сыром.

Я сказала:

— Мадам Бодини спорит с Доброй феей на пять долларов, что это не макароны с сыром.

Тогда она разозлилась и сорвала с глаз повязку. К этому моменту черви и личинки доползли ей уже до середины руки.

Такого громкого крика вы вовек не слыхивали. Она так ломанулась оттуда, что сорвала входную портьеру «ЧЕРТОГА КРОВИ И КИШОК — ВХОДИТЕ, ЕСЛИ ОСМЕЛИТЕСЬ». Мадам Бодини закрылась до утра. По секрету сообщаю: червей и личинок добыла по моему спецзаказу Пичи Уигам, она, если помните, владелица кладбища для цветных.

4 ноября 1952

В сегодняшней колонке «Пара слов от Дот» сказано: «Хитом вечеринки в честь Дня всех святых у шестиклассников миссис Андервуд стало шоу ужасов, поставленное Юной дебютанткой Дейзи Фэй Харпер и маленьким Майклом Ромео. Шоу оказалось таким правдоподобным и страшным, что одна девочка выбежала оттуда сломя голову и крича от страха. Поздравляем с прекрасной работой!»

Угадайте, кто со мной не разговаривает. Даже миссис Андервуд заметила, что Кей Боб Бенсон слишком эмоциональна для своего возраста.

Мама снова злится на папу, потому что у него не хватает денег на оплату кредита, а срок — пятнадцатого.

— Спроси папу, где же теперь все его дружбаны-собутыльники, — сказала она мне.

Эл Барабанщик уехал. Джимми Сноу продул все, что у него было, в

покер братьям Пистал, а когда папа пошел попросить хоть каких-то денег у Билли Банди, радиопроповедника, тот ему только процитировал: «В долг не бери и в долг не давай».

Папа сказал:

— Они тебе в Библии найдут цитату на все случаи жизни.

Мама все время требует от меня: скажи папе то-то, скажи папе се-то, хотя мы все сидим в одной комнате. Мне приходится переводить: «Папа, мама говорит то-то, мама говорит се-то». Они меня просто с ума сводят!

Мистер Кертис Хонивелл и его девичья армия получили новый камуфляж для партизанской борьбы. Зеленые в пятнах мешковатые штаны и рубахи и такой же шлем с сеткой. Не хочу совать нос в чужие дела, но сдаётся мне, что если они собираются вести свою борьбу на берегу, то лучше им одеваться в белое. На песке ничего белого не видно. Уж я-то знаю. Как-то я торчала у Майкла, и тут моя мама кричит, зовет домой есть испанскую макрель. Я помчалась со всех ног за домами и внезапно оказалась в воздухе, совершила полное сальто и рухнула на спину, как тонна кирпича. От удивления я так и осталась лежать, теряясь в догадках, пока не увидела над собой белую бельевую веревку мистера Ромео. Я так неслась, что не заметила ее, налетела подбородком и перевернулась. Мама собирается проверить мне зрение.

Миссис Дот везет всех Юных дебютанток, Майкла — почетного Юного дебютанта — и Анжелу Пистал в город под названием Дафна на роллердром «Радужный», где играет настоящая живая органистка. Зовут ее Принцесса Белое Облако, у нее отец — индеец ханкпапа,^[57] а мать — чиппева,^[58] и в «Паблик лайф тудей» она объявлена Самой Музыкально Одаренной Индианкой. Там сказано, что она играла на органе в бродвейских театрах по всей стране. Жаль, что она не из племени черноногих индейцев. Я бы чем угодно пожертвовала, лишь бы лично поглядеть на черноногого индейца, мечтаю об этом почти так же, как об альбиноске. Я никогда не встречала ни китайца, ни эскимоса, ни человека из Лапландии, страны полуночного солнца. Никогда не видела снега, а у лапландцев он лежит круглый год. У меня есть стеклянное пресс-папье, там внутри домик. Если пресс-папье потрясти, поднимается снежная буря. Я могу смотреть на эту штуковину часами!

А правда, было бы здорово, если бы я вышла замуж за Джонни Шеффилда, который играет Бомбу, мальчика из джунглей, и поехала жить в Лапландию? Я бы весь год держала елку наряженной, и мама, папа, миссис Андервуд и, может быть, Джимми Сноу приезжали бы на каникулы.

Сначала мне пришлось бы пересечь океан. Есть такие большие корабли, которые туда-сюда все время плавают, я знаю, потому что миссис Дот рассказывала, что на ее сестру однажды на таком корабле напали. По словам миссис Дот, ее сестра не очень расстроилась, она думала, что тот мужчина был иностранцем, а они сами знаете какие. Но когда его поймали и выяснилось, что он говорит по-английски и работает продавцом подержанных машин в Уиллинге, Западная Виргиния, с сестрой миссис Дот случился настоящий нервный припадок, и с тех пор она на кораблях больше не плавает.

8 ноября 1952

Томми Джо, девушка, которая вышла за Хэнка Тернера, позвонила папе. Рыдая, она сказала, что Хэнк ушел в магазин три дня назад и до сих пор не вернулся. Они не ссорились, ничего такого, он просто бесследно исчез. Папа позвонил междугороднему телефонному оператору в Миннесоте и попросил телефон миссис Тернер. Потом позвонил миссис Тернер, она взяла трубку и ответила — да, у нее есть сын по имени Хэнк, но она его не видела шесть лет, и он в розыске, потому что в Миннесоте у него тоже есть жена и ребенок. Он никогда не учился в Миннесотском университете, и брата-близнеца у него нет. Хэнк попал в аварию, и теперь у него в голове металлическая пластина, поэтому, думает она, он забывает возвращаться домой, забывает, что у него есть жена и ребенок. Странно. Не видела я у него в голове никакой пластины.

Томми Джо бесится, потому что он забрал ее машину, а она беременна. Когда ушел дедушка Петтибон, он сделал это намеренно, но Хэнк такой милый, я знаю, он это не нарочно. Мама надеется, он не забудет о жене и не женится еще раз на другой.

Миссис Дот возила нас на днях на роллердром «Радужный», и мы отлично провели время. Принцесса Белое Облако, органистка, сидела в центре катка в индейском платье и головном уборе из перьев, а как она играла — ураган! На мне были синие джинсы, но Кей Боб Бенсон выпендривалась в специальном костюме для катания, на личных роликах с голубыми помпонами. Она умеет ехать назад, надо же. Я вперед-то с большим трудом двигаюсь, а Анжела и вовсе на ногах не стоит. Миссис Дот возила ее за ручку. Нам пришлось кататься в парах. Мы с Майклом упали раз восемь. А Кей Боб Бенсон с Эми Джо Снайпс — ни одного. Она

задирала нос всякий раз, как проезжала мимо. Обычно мы в это время валялись на полу. Кроме того, она подошла к управляющему и сказала, что двое детей создают опасность для катающихся. Одно время я мечтала, что могу стать фигуристкой, как Соня Хени,^[59] но теперь передумала. Если на колесиках так трудно ездить, то представляю, каково на льду. Соней Хени я восхищаюсь даже больше, чем Эстер Уильямс,^[60] у которой ненатуральные волосы.

Юным дебютанткам было отказано в просьбе посетить цирк, потому что миссис Дот до смерти боится слонов. Этот страх появился у нее после того, как ее вторая кузина оставила свой красный «студебекер» перед зданием библиотеки, где она проводила исследование своей родословной. Когда она вышла в шесть часов, капот машины был сплюснен в лепешку. Рядом стояли какие-то люди из цирка, они объяснили, что слониха Джуди проходила мимо и просто-напросто села на капот, они не успели ее остановить. На представлении она привыкла садиться на красный стул и поднимать передние ноги и, увидев красную машину, перепутала и подумала, что это ее стул. Кузина миссис Дот заставила этих людей поехать с ней домой, потому что муж ни в жизнь не поверит, что на ее машину села слониха.

Но зато скоро мы отправимся на районную ярмарку в Харвин и посмотрим сельскохозяйственную выставку. Слонов там не будет, только коровы.

10 ноября 1952

Вы ни в жизнь не поверите. Коктейль-бар Харперов сгорел дотла. Я бездомная. Папа в ярости, поскольку думал, что страховка будет чуть не вдвое больше. Неделю назад мы с мамой обедали в кафе «Бадди». Мне надоело сидеть и ждать, пока мама выкурит свои сто сигарет и выпьет сто чашечек кофе, и я пошла к Майклу. И вдруг вижу — из деревянного сарая рядом с коктейль-баром идет дым. Там загорелась целая куча ветоши, которая пахла бензином. Я схватила стоявшее там ведро и четыре или пять раз бегала за песком. Огонь почти погас, и я стала кричать и звать папу. Когда он обошел дом и увидел, что я делаю, он, вместо того чтобы гордиться мной, наорал, мол, идешь к Майклу — и иди себе, а об остальном я позабочусь.

Мы с Майклом играли в «старую девственницу», и как раз когда

очередь быть старой девственницей дошла до Майкла, подбежали несколько человек и стали колотить в дверь и кричать:

— Харперы горят!

Я с минуту сидела, пока до меня дошло, что я Харпер. Выскакиваю — да, действительно, дом наш полыхает вовсю, любо-дорого посмотреть. Папа сидит напротив и попивает пиво, а все остальные носятся вокруг, как куры, когда им отрубят голову. Через несколько минут из «Бадди» вернулась мама и, увидев, что случилась, села на дорогу и стала рыдать по своей шубе из серебристой лисы. Я так разволновалась из-за маминой лисьей шубы, что забыла про Феликс. А вспомнив, ринулась искать, не слушая маминых запретов. Я звала, звала и скоро услышала ее мяуканье из-под дома, быстро заползла туда и вытащила кошку. Хорошо, что дом накренился. Несколько человек выбрасывали из окна вещи, я побежала к ним и попросила принести мое свидетельство о рождении и детские рисунки из нижнего ящика стола. Но эти люди меня не слушали. Я говорила снова и снова, что мне эти рисунки нужны для передачи «Это твоя жизнь», но спасли они только телевизор, который разбили, выкидывая из окна, матрас и несколько простыней и наволочек.

Люди, которые пытаются вести себя как герои и пользуются своей грубой силой, чтобы справиться с маленькими детьми, просто дураки. Наша машина сгорела бы вместе с домом, но Майкл, которому всего двенадцать, заскочил в нее и вывел во двор. Я тоже забралась в машину и, заметив на сиденье несколько своих школьных учебников, схватила их и швырнула в огонь. Подумала, что таким макаром избавлю себя от необходимости делать домашнюю работу, но, к сожалению, на завтра в газетной статье под заголовком «КОКТЕЙЛЬ-БАР ХАРПЕРОВ СГОРЕЛ ПРИ ПОЖАРЕ» среди прочего написали, что их дочурка Дейзи Фэй Харпер была замечена за выбрасыванием в огонь своих учебников. Вот черт! Неудивительно, что звезды Голливуда ненавидят репортеров, потому что в результате какой-то навязчивый доброжелатель купил мне новые учебники.

Мы потеряли все, что у нас было, включая всех животных из морозилки, но мы с папой стараемся во всем видеть светлую сторону. Сгорели все эти белые блузки и юбки и то, что осталось от испанской макрели. Слава богу, на мне были джинсы и моя любимая красная с белым фланелевая рубашка. Мамин и папин друг по имени мистер Уайт, владеющий несколькими коттеджами чуть дальше по берегу, пустил нас в один из них, и теперь мы там живем. Через день-два после пожара папа позвонил мне к машине, открыл багажник и сказал:

— Ты гляди-ка, что у нас тут.

Там была моя жестяная коробка с личными записями на замке с кодом, подаренная мне подушечка и чучело рыси. Мне было жалко только, что в этом багажнике не оказалось моего свидетельства о рождении и детских рисунков. Мама в ярости, что ее шуба из серебристой лисы и сумочка с головой крокодила не попали в число чудесно спасшихся вещей.

Она снова не разговаривает с папой. По ее словам, папа «тупой сукин сын из преисподней, которому Бог выделил мозгов не больше, чем свинье». Если она когда-нибудь выяснит, что пожар — его рук дело, она его наверняка прибьет, особенно когда узнает, сколько мы получим по страховке.

На следующий день после пожара папа послал меня ждать страховщика. Все это время я простояла, поскольку песок был еще такой горячий, что не сядешь. Из Магнолия-Спрингз приезжало много народу посмотреть на пожарище, а Кей Боб Бенсон заставила женщину, работавшую на ее мать, привезти ее на машине. Она остановилась прямо напротив нашего дома, сидела и хохотала. Когда я нажаловалась на нее маме, она сказала, что будет и на нашей улице праздник. Пришла миссис Дот и так плакала, так плакала. Говорила: просто не верится, что такая трагедия произошла в семье одной из ее Юных дебютанток. Она приняла это очень близко к сердцу, больше всех огорчилась и посвятила нам целую колонку «Пара слов от Дот». Написала, что я очень храбро себя вела, когда на следующий день стояла на месте катастрофы в ожидании страховщика, как стойкий оловянный солдатик, вздернув подбородок, чтобы не плакать. Я и не думала плакать, просто тихо радовалась по поводу этих белых блузок и синих юбок, не говоря уж об испанской макрели, но в статье эта фраза смотрелась, что и говорить.

Все ко мне очень добры, и мама Майкла заставила его отдать мне джинсы и рубашку. Мальчиковые синие джинсы — это самый класс. Люди стараются дать нам кучу вещей, но мама почти ничего не берет. Слишком горда, чтобы принимать подаяние. А я думаю, пусть бы сначала поглядела, что дают, а потом уж решала, отказаться или нет. Когда я посоветовала ей обратиться в передачу «Королева на день», потому что из этого выйдет отличная грустная история, она как разрыдается. Маме надо устроить с миссис Дот рыдательное соревнование. Мама не знает, но я сразу же по окончании шестого класса собираюсь найти себе работу и купить ей новую шубу из серебристой лисы, с непротертыми локтями. Ой, прямо не терпится увидеть ее лицо, а если денег хватит, еще и сумку из крокодиловой кожи ей добуду.

14 ноября 1952

Сегодня мама уехала жить к сестре в Виргинию. Сказала, что просто не может больше оставаться с папой и что я пойму, когда стану старше. Она хотела, чтобы я поехала с ней. Я маму очень люблю, но не представляю, как оставлю папу. Кроме того, мне мой шестой класс нравится. Миссис Андервуд читает нам «Нэнси Дрю и тайну осыпающейся стены». Так интересно, чем все закончится. Ох, по одной главке читать — никакого терпения не хватит.

Когда мама уезжала, у нее даже сумки с собой не было — положить было нечего. Миссис Дот подвезла ее до Магнолия-Спрингз, а там она села на автобус. Ничего, вернется, всегда возвращается. Она взяла с меня обещание писать каждую неделю, а если папа угодит в тюрьму, пойти жить к миссис Дот.

В тот вечер папа жутко напился. Я просила его столько не пить, а он мне — заткнись, оставь меня в покое, садись на автобус и катись в Виргинию к мамочке, видеть тебя не могу. Сказал, что никогда меня не любил. Вранье. Просто он расстроен из-за мамы. Все равно мне обидно, но слезы мои он фиг увидит.

Ничего, я ему на следующий день отомстила. Перед тем как уйти в школу, оставила записку: «Вчера вечером тебе звонила Билли Дж. Туэйт».

16 ноября 1952

Миссис Андервуд завела меня сегодня в раздевалку и спросила, не ссорятся ли снова мои мама с папой. Я сказала «нет», и это правда, потому что мама в Виргинии.

— Я чувю, что-то не так, — сказала миссис Андервуд.

А я спросила:

— Что на сей раз наговорила Кей Боб Большой Рот Бенсон?

Миссис Андервуд ответила, что Кей Боб Бенсон ничего не говорила, просто она видит это по моему поведению. Ну не знаю, как уж она это видит. Я в последнее время шучу, травлю анекдоты и смешу весь класс, так что по мне вряд ли можно что-то увидеть. Наверняка Кей Боб Бенсон язык распускает.

19 ноября 1952

Сегодня пришло письмо от мамы. Она жива-здорова. Получила работу официантки и, как только сможет, прийдет за мной. Удивительно, что она до сих пор не вернулась. Наверное, разозлилась сильнее, чем я думала. Так надолго она еще не уезжала, и я по ней скучаю.

Помните маленького лысого мальчика, Вернона Мусбургера, который нарядился на Хэллоуин злобной картошкой? Вы не представляете, до чего жестоко люди могут обращаться с человеком только из-за того, что у него на голове нет волос. Обзывают его по-всякому — бильярдным шаром, Папашей Уорбаксом^[61] и Генри — так зовут лысого мальчика из забавного мультика. Я называю его только Верноном. Он из бедной семьи и в детстве заболел, и от этой болезни у него выпали все волосы и брови. Мама купила ему шляпу из искусственной кожи, которую он даже летом не снимает. Единственный раз я видела его без шляпы — когда он был картошкой. Я всегда зову его в свою команду, когда мы играем в футбол, потому что остальные выбирают его в последнюю очередь.

Миссис Андервуд велела нам написать сочинение, какими мы хотели бы стать, когда вырастем. У меня сочинение «Почему я хочу быть лысой, когда вырасту». Миссис Андервуд отобрала его вместе с тремя другими для районного соревнования на ярмарке в Харвине. Я написала, как было бы здорово летом класть мокрое полотенце на макушку. Не надо будет ездить в салон красоты «Нита», где о твою шевелюру сломают расческу. Перед выходом всего лишь берешь бархотку и слегка полируешь голову, а если попадешь в драку, никто тебя не схватит за космы. И в старости ты не поседеешь, и тебе не придется краситься в фиолетовый цвет. Вернон не представляет, как ему повезло. Большинство сочинений были скучными, но погодите, сейчас вы услышите, кем хочет стать Кей Боб Бенсон. Она хочет стать Мисс Америка, когда вырастет, как Иоланда Бетбезе,^[62] или матерью Иисуса, если случится второе пришествие. О боже. Придется ей раздвоиться. А что до меня, то уж если Иисус Христос когда-нибудь вернется, я бы предпочла быть им, а не его матерью. Папа меня учил: всегда борись за главный приз.

21 ноября 1952

Готовы? Сейчас расскажу. Это даже круче «ЧЕРТОГА КРОВИ И КИШОК — ВХОДИТЕ, ЕСЛИ ОСМЕЛИТЕСЬ». Мы с Майклом после уроков пошли на берег, он, как всегда, стрелял по сваям и жестянкам из винтовки 22-го калибра. Ружье досталось ему на день рождения, чему я в глубине души завидовала, потому что девочке никогда не подарят настоящего ружья. Майкл только один раз дал мне стрельнуть из своей дурацкой винтовки, хотя я — талисман у девичьей армии. Корчишь из себя Роя Роджерса — и ради бога, корчи пожалуйста, только не упрашивай меня играть роль Дейл Эванс, ^[63] это выше моих сил. Он говорит, что двух Роев Роджерсов быть не может, поэтому мне достается Хопалонг Кэссиди, ^[64] второй из лучших.

Он носился по берегу, стреляя, и вдруг заметил что-то у кромки воды напротив отеля «Хаммерс Кристиан». Что-то похожее на мешок картошки, но, подбежав, Майкл обнаружил, что это вовсе не картошка. Это была мертвая женщина с дырой от пули прямо между глаз! Майкл не нарочно в нее попал. Он ее даже не видел. Да и не ожидаешь, что кого-то занесет на пляж в это время года. Ну вот, мне всего одиннадцать, а я уже стала свидетелем убийства. Поскольку других свидетелей не было, я решила, что из-за одного несчастного случая Майклу не обязательно садиться на электрический стул. Между законом и дружбой я выбрала дружбу. Не знаю, что вы теперь обо мне подумаете, но мы поклялись друг другу на крови, что никому не скажем.

Ну, я пошла домой и села смотреть «Нашу мисс Брукс», а примерно через час в дверь забарабанили какие-то люди. Вот так и приносят дурные вести, правда? Нашли, мол, мертвую женщину на берегу возле пирса. Я не знала, что делать, кроме как пойти с папой поглядеть. Мертвое тело — как-никак событие, и если бы я сказала, что не интересуюсь, это выглядело бы весьма подозрительно. Я была обязана защитить Майкла от закона.

Когда мы пришли на место, почти стемнело. Ветер гнал к берегу барашки и таинственно завывал. Круглая луна на глазах становилась оранжевой. Полицейские огородили все черно-белой лентой, светили на женщину фонариками и непрерывно бормотали что-то в рацию — точь-в-точь как в кино.

У Хаммеров, которые страшно важничали, потому что тело было найдено на их территории, есть противный внук по имени Грег. Знаете, что он сделал, когда все отвернулись? Нырнул под ленту и попытался снять с женщины часы и кольцо. Я лично думаю, что нужно быть очень смелым, чтобы дотронуться до мертвяка в темноте. Не надо было ему мешать, хотя

сомневаюсь, что часы будут ходить, если это не «Таймекс». По телевизору однажды «Таймекс» засунули в стиральную машину — а им хоть бы хны.

Скоро приехал катафалк из Магнолия-Спрингз. И в этот момент подошел Майкл вместе со своими папой и мамой. Позже я узнала, что Майкл прибежал домой и спрятался под кроватью, так что родителям пришлось искать его. Он был бледен как простыня, несмотря на то что итальянец.

Майкл глянул на меня, но я старалась прикинуться совершенно спокойной. Мы, между прочем, на крови поклялись, и я хранила верность клятве. А вот Майкл через три минуты упал на песок и принялся рыдать и вопить, что это он убийца, что он убил эту женщину сегодня днем. Я держала рот на замке. Однако его признание не произвело никакого фурора, полиция сказала, что женщину убили из пистолета и мертва она около трех дней.

Печально, когда человек делает подобное признание без толку. Чтобы хоть немного утешить Майкла, я сказала, что если бы женщина не была уже мертва, то он вполне мог оказаться убийцей. За спиной у меня началась какая-то возня. Я оглянулась. Грегу бабушка устроила взбучку. Ей даже пришлось повалить его на землю, чтобы отнять то, что он стащил. Грег визжал и пытался укунить ее за ногу. А миссис Хаммер направилась напрямиком к полицейским и сказала: «Вот, мой внук взял это у мертвой женщины» — и отдала им кольцо.

Едва я увидела это кольцо, как поняла, что мертвая женщина — это РУБИ БЕЙТС! Я не узнала ее сразу без макияжа. И я завопила:

— Я знаю, кто эта женщина! Это Руби Бейтс, подруга Клода Пистала!

— Что ты сказала, девочка? — удивился полицейский.

Я повторила:

— Это Руби Бейтс, и она подруга Клода...

Но мама Майкла, не дав договорить, зажала мне рот с такой силой, что у меня перед глазами искры заплясали. Она сказала полиции, что я сама не знаю, что несу, просто у меня истерика от вида мертвеца. Я попыталась повторить про Руби, но она меня как ущипнет! Нет уж, лучше заткнуться.

После мама Майкла утатила меня прочь и спросила, с чего я вообще решила, что это подруга Клода Пистала. Я ответила, что он однажды целовался с ней в машине, а потом попросил меня отвести ее в туалет.

— С чего ты взяла, что это та самая женщина, что была с Клодом Писталом?

Я говорю:

— По кольцу. Я бы это кольцо где угодно узнала.

Она подумала минутку, потом сказала:

— Ты не видела никакой женщины с Клодом Писталом.

Я говорю:

— Нет, видела.

Она:

— Нет, не видела.

Я:

— Нет, видела.

Тогда она говорит:

— Дейзи Фэй Харпер, поверь мне, ты не видела никакой женщины с Клодом Писталом. Ты меня поняла?

И тогда я сказала:

— Поняла, только я видела.

Она велела мне не упоминать его имя ни при каких обстоятельствах, потому что Клод Пистал — самый жестокий человек во всем округе Харвин, и трудно даже вообразить, что он сделает, если я расскажу, что он знал эту женщину. До меня вдруг дошло: она права, ведь и Пичи Уигам назвала его злобным как змеиное дерьмо. Миссис Ромео спросила, как я думаю, он вспомнит, что я видела их вместе? Я сказала — вряд ли, он был очень пьяный. А она спросила, кто еще знает, что я их видела. Никто, отвечаю. Я никому не говорила, даже папе, что само по себе уже чудо, поскольку обычно я всем все выкладываю, треплюсь без продыху. Она взяла с меня обещание держать язык за зубами и никогда больше, до конца жизни, не произносить вслух имен Руби Бейтс и Клода Пистала, иначе она позвонит моей маме и попросит забрать меня в Виргинию.

Папа спросил, о чем это мы разговаривали с мамой Майкла.

— О своем, о женском, — ответила я.

Такой ответ кладет конец любым расспросам.

Чем постоянно пользуется мама.

Газеты только и пишут, что о мертвой женщине. Полиция сообщила, что ее зовут Руби Бейтс. Я же говорила! Она из Меридиана, жена мистера Эрла Бейтса. У нее остались сестра, миссис Джулиан Уилсон, по всей вероятности, это и есть Опал, и брат, мистер Ли Халприн, который живет в Лас-Вегасе, штат Невада. Убили ее одним выстрелом в голову, и к тому времени, как обнаружили тело, Руби была мертва уже шестьдесят восемь часов. Полиция даже выяснила, что напоследок она ела горох с морковкой. Я бы не хотела, чтобы моей последней едой был горох с морковкой.

Пистолет, из которого ее застрелили, полиция нашла на берегу в паре кварталов от бывшего коктейль-бара Харперов. Руби приехала на такси из

самого Меридиана. Наверняка удивилась, увидев, что коктейль-бара больше нет и негде воспользоваться туалетом. Полиция назвала это самоубийством, сказала, что она зашла в воду и выстрелила себе в голову. Потом ее тело вынесло на берег около отеля «Хаммерс Кристиан». Вот что мне интересно. Выстрелив себе между глаз, каким образом она успела выбросить пистолет на берег? Папа указал на то, что если ее принесло вдоль берега от коктейль-бара, то она проплыла под пирсом Джорджа Потлоу. Пирс этот оброс ракушками по сваям, и Руби должна была вся исцарапаться, но на ней не было ни царапинки, не считая дырки между глаз.

В школе миссис Андервуд разрешила мне встать и рассказать классу, как мы с Майклом нашли мертвую женщину. Я отлично это исполнила, с жестикуляцией и всем прочим. После этого она разрешила классу задать вопросы. Слышали бы вы эти вопросы! Некоторые вообще не поверили, что мы нашли мертвую женщину. И разумеется, Кей Боб Бенсон вскочила и рассказала, как ее мама нашла ногу. Ну и что! А мы целое тело нашли! С шестиклассниками лучше не связываться.

На переменках я хожу через футбольное поле в старшую школу, и мальчик-десятиклассник по имени Марвин Трэшер каждый день дарит мне шоколадки «Маундс», а иногда «Элмонд джой». Еще я частенько беседую с учителями старших классов. И вообще пользуюсь повышенным вниманием как жертва, во-первых, пожара и, во-вторых, развалившейся семьи.

23 ноября 1952

Миссис Дот периодически заходит меня навещать, и, надо сказать, в последнее время ведет она себя странновато. Она теперь не снимая носит заколки с цветами «Клуба юных дебютанток» — розовые и цвета морской волны — и заставила меня сесть и выслушать лекцию по теме «Веселье и искусственный шелк», которую я уже слушала на собрании Юных дебютанток. Иногда она сюсюкает со мной, как с младенцем. Миссис Ромео говорит, что в ее колонке «Пара слов от Дот» за прошлую неделю не было ни капли здравого смысла.

В школе миссис Андервуд рассказала нам о девочке, которая заразилась бешенством и сошла с ума. Кормить ее приходится, подсовывая поднос под дверь. Когда кто-нибудь из ее домашних приближается, она кричит: «Не подходите, а то вдруг я вас укушу». Слышали бы вы, как весь

класс просто грохнул, включая Майкла. Миссис Андервуд сказала, что в бешенстве нет ничего смешного. Эта девочка знала, что если она кого-нибудь укусит, то человек тоже заразится бешенством, и умерла, лишенная всякой ласки. Я так плакала, что миссис Андервуд пришлось отвести меня к школьной медсестре.

Когда я сидела в медпункте, туда вошла девочка из старшей школы и сказала:

— Ох, миссис Смит. Я ужасно себя чувствую. У меня месячные начались, и живот просто огнем горит.

Миссис Смит подошла к большой морозильной камере и достала ей кока-колу. Интересно, подумала я, а мне почему не дали кока-колу? Я рассказала Пэтси Руфь Коггинс, самой тупой девочке в мире, что знаю, как раздобыть бесплатную кока-колу. И на перемене мы пошли туда и я сказала:

— Ох, миссис Смит, у меня живот горит от чего-то ужасного, и у Пэтси Руфь тоже.

Она спросила:

— У вас сильные спазмы?

Я говорю:

— Нет, у нас месячные, вот я и подумала, может, мне нужна кока-кола, и Пэтси Руфь тоже хочет.

Пэтси Руфь сказала:

— Я бы предпочла «Доктор Пеппер», если у вас есть.

Убила бы прямо! Разумеется, миссис Смит выдала нам по кока-коле и таблетке аспирина. Я сказала, что мне никакого аспирина не нужно, а тупица Пэтси Руфь слопала обе таблетки. Мы допили колу, поблагодарили и ушли.

Сегодня я туда вернулась. Миссис Смит спрашивает:

— У тебя что, месячные до сих пор не закончились?

Я ей:

— Нет, в том-то и дело, еще хуже стало. У меня живот такой горячий, что я его за версту обхожу, боюсь обжечься.

Но кока-колы она мне не дала. Поглядела в какие-то свои записи и сказала:

— Ты сейчас пойдешь к врачу. Это ненормально, у тебя месячные уже неделю длятся.

Я говорю:

— Слушайте, я ведь даже не в этой школе учусь. Просто мимо проезжала. Я живу в школьном автобусе и еду в Висконсин.

Это вранье ничего хорошего мне не дало, потому что у нее были записаны наши с миссис Андервуд имена с прошлого посещения. Меня же туда водили, когда я не могла перестать плакать. Она отвела меня назад в младшую школу и сказала миссис Андервуд, что у меня месячные длятся уже неделю, причем стало только хуже. Миссис Андервуд поглядела на меня с удивлением и спросила, правда ли это. Я сказала:

— Ну, я не уверена, неделю у меня это или нет, но живот у меня горячий.

У миссис Андервуд стало странное выражение лица. Она поблагодарила медсестру и сказала, что позаботится об этом.

Она велела всем погулять на перемене подольше, а меня завела в класс, усадила и спросила:

— Ты уверена, что у тебя месячные?

Я сказала — не уверена, но мне кажется, что да.

— А почему ты так думаешь?

Я сказала:

— Мне захотелось кока-колы.

Тогда она спросила, знаю ли я, что такое месячные. Я говорю: ну, смотря в каком смысле, наверно, имеется в виду период времени. Я еще знаю слова «годовой» и «квартальный». Она сказала:

— Дейзи Фэй Харпер, тебе мама не рассказывала, что такое месячные?

— Да вроде бы нет, иначе я бы помнила, — ответила я.

Попалась, как крыса в мышеловку! И на глазах у миссис Андервуд!

Она спросила:

— Знаешь, что такое тампаксы?

— Конечно, у мамы дома есть целая коробка.

Она спросила:

— Знаешь, для чего они?

— Конечно, — говорю. — Мама сказала, они для того, чтобы вытирать пыль в труднодоступных местах.

Миссис Андервуд откинулась на спинку стула, положила ногу на ногу и сказала:

— Видимо, мне придется рассказать тебе, что такое месячные.

И рассказала. Она мне все рассказала. Оказывается, это означает, что ты стала женщиной, и все такое. Мне хотелось провалиться на месте. Ничего кошмарнее в жизни не слыхала. Надеюсь, она ошибается и никаких месячных у меня не будет. Мне одиннадцать лет, и я еще слишком мала, чтобы слушать такие ужасы. Представляете, мама не знала, для чего нужны тампаксы, и вытирала ими пыль! Нет уж, пусть ей бабушка рассказывает, я

лично не собираюсь заниматься маминым половым воспитанием. Мне такие разговоры не нравятся.

24 ноября 1952

У МЕНЯ СЕРЬЕЗНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ! Вчера в школе я сидела и слушала, как миссис Андервуд читает нам «Тайну свистящей волынки», глава 14, «Трудности на горе», и тут кто-то постучал в дверь класса. Миссис Андервуд прервала чтение на самом интересном месте и пошла посмотреть, кто там. Вернувшись, она сказала:

— Дейзи Фэй, к тебе приехали дядя и тетя. Они ждут в машине.

Я так обрадовалась! Ведь это, скорей всего, тетя Миньон и дядя Реймонд из Виргинии, и мама наверняка с ними. Они привезли ее домой — сюрприз!

Миссис Андервуд велела мне собрать вещи, она отпускает меня пораньше, только чтобы я не забыла сделать дома упражнения на странице 57 из учебника математики. Я собралась, выбежала и запрыгнула в машину. И знаете что? Это были вовсе не мои тетя Миньон и дядя Реймонд. Я этих людей никогда в жизни не видела. И сказала:

— Эй, по-моему, вы забрали не ту девочку.

Женщина сказала:

— Ты Дейзи Фэй Харпер, так ведь?

Я говорю: «Да», но они уже тронулись, увозя меня с собой. Я говорю:

— Подождите, я вас совсем не знаю.

Она спросила:

— Это ведь тебя назвали в честь вазы с маргаритками? Цветы стояли в палате твоей матери?

Я занервничала.

— Откуда вы знаете? — спрашиваю.

И тут вижу кольцо у нее на пальце и сразу понимаю, кто она такая, — Опал, сестра убитой женщины! И начинаю орать, что пусть сейчас же остановят машину и выпустят меня, а то полиции все расскажу. Я попыталась выскочить, но мужчина запер все двери.

Опал сказала:

— Не бойся. Мы тебе ничего дурного не сделаем. Мы просто хотим поговорить о моей сестре Руби.

Я спросила мужчину:

— А вы кто?

— Ее муж, — сказал он, кивая на Опал.

Опал спросила:

— Хочешь мороженого?

Идея мне показалась заманчивой, кроме того, я подумала, что если мы будем на людях, то я смогу убежать в случае чего. Но они привезли меня в придорожное автокафе, где можно есть, не вылезая из машины.

Когда подошла официантка, я заорала, что меня похитили, срочно вызывайте полицию. Она засмеялась, потому что знала меня. Однажды мы с Майклом сюда заходили. Я вошла с кастрюлей на голове и сказала ей, что я — Джонни Яблочное семечко.^[65] Так что теперь она приняла все за очередную шутку, и я сдалась. Заказала свежавыжатый апельсиновый сок и банановый сплит. Но этим людям я ничего говорить не собиралась. Я пообещала маме Майкла, что в жизни не произнесу имен Клода Пистала и Руби Бейтс.

Опал сказала:

— Я хотела познакомиться с девочкой, о которой рассказывала моя сестра Руби. Ты ей очень понравилась, и мы надеемся, ты сможешь нам найти ее убийцу. Мы знаем, что это Клод Пистал, и приложили все силы, чтобы завести против него дело, но Клод лжет и говорит, что никогда не был знаком с Руби Бейтс. Руби мне все про него рассказала, и я предупредила ее: не портить свою репутацию, не гуляй с ним, но она только сказала — успокойся, единственный человек, кто видел нас вместе, это Дейзи, девочка, которая живет на берегу и которую называли в честь вазы цветов. Так я тебя и нашла.

Ну, надеюсь, те, кто одарил меня сим идиотским именем, удовлетворены сполна! Придумали бы мне что-нибудь простенькое, к примеру Мэри, и ничего этого не было бы.

Затем заговорил мужчина, попросил меня подумать о четырех детках Руби, бедных сиротках. За дуру меня принимает. Я сказала:

— Мистер, я в шестом классе учусь и умею читать некрологи, никаких деток у нее не было, по крайней мере, до сих пор. (Ага, съел!) Лучше отвезите меня домой.

Он попробовал подкатиться с другой стороны.

— Разве тебе не горько, что убийца Руби бежит на свободе, когда ты можешь посадить его в тюрьму, где ему самое место? Как бы ты себя чувствовала, если бы речь шла о твоей маме, а кто-то знал убийцу и не помог тебе?

Он продолжал развивать тему мамы, но я только губы сжала и

уоставилась в окно. Да, чувствовала я себя неважнецки, но не настолько плохо, чтобы позволить себя убить в случае, если Клода вовремя не арестуют.

Опал принялась плакать:

— Пожалуйста, Дейзи, помоги. Ты единственная можешь мне помочь.

Потом ее муж завел все по новой:

— Дейзи, подумай сама. Если мы с Опал выяснили, что ты видела Клода и Руби вместе, неужели ты думаешь, что Клод в конце концов об этом не вспомнит? Представь, что он с тобой тогда сделает.

— Вы же ему не скажете, правда?

Я готова была себя задушить. Ведь до этой секунды я ни в чем не признавалась, ну что мне стоило держать рот на замке! Дядька сделал вид, что не заметил, и продолжал гнуть свое:

— Мы не хотим этого, Дейзи, но может настать время, когда нам придется сказать полиции.

Так они меня обрабатывали час с лишним, но я больше рта не раскрыла, вернее, раскрыла, но всего один раз, чтобы заказать горячий сливочный десерт с бананами и орехами.

В конце концов они сдались и вернули меня к школе, как раз успели к школьному автобусу. Пусть миссис Андервуд впредь проверяет, кому отдает своих учеников. Надо было посмотреть их паспорта. В автобусе меня всю дорогу тошнило. Миссис Баттс пришлось трижды останавливаться. Когда я добралась до дому, угадайте, кто сидел рядом с папой? Опал и ее муж, мои похитители.

У папы был озабоченный вид. Мужчина увидел меня и сказал:

— Дейзи, я мистер Килгор из ФБР.

А врал, что он муж Опал! Фэбээровцы вроде бы не должны врать. К тому же он тайком записал на пленку наш разговор в машине. И теперь меня заставили сесть и включили пленку.

— Послушайте этот кусок, мистер Харпер. Тут-то она и попалась.

Они включили тот момент, когда я спрашиваю, не скажут ли они про меня Клоду Писталу. У меня явный южный акцент. Они прокрутили еще немного пленку, но дальше только их голоса да звуки, сопровождающие процесс поедания десерта.

— Эта запись будет представлена в суде как доказательство, мистер Харпер, потому что ребенок никак не мог узнать, что сестру Руби зовут Опал, кроме как от самой Руби, поскольку в некрологе она фигурирует как миссис Джулиан Уилсон.

Папа взглянул на меня:

— Это правда?

Я не знала, как ответить, чтобы себя не очернить. И сказала:

— Я хочу поговорить со своим адвокатом.

Неправильный ход, потому что папа схватил меня за шкуру и потрянул так, что чуть голова не оторвалась.

Он сказал:

— Это не шутка, хватит разыгрывать из себя задницу, сейчас же выкладывай, а то как дам!

Так разозлился, что и впрямь готов был убить меня, не дождавшись, когда это сделает Клод Пистал.

Мистер Килгор попросил его успокоиться, — возможно, я просто испугалась. И я им все рассказала, но при этом ни разу не произнесла имен Руби Бейтс и Клода Пистала. Использовала только местоимения «он» и «она», а когда они уточняли — «Руби» или «Клод Пистал», — молча кивала. Так и не дала им шанса подловить меня и еще раз записать голос.

Я рассказала, как ждала в «Синей гардении», чтобы мне заплатили за приклеивание ушей Анжелы, и как он мне угрожал, и как Гарольд Пистал предупредил, чтобы я не рассказывала родителям, как жестоко вел себя Клод. Потом рассказала мистеру Килгору о том дне, когда Клод привез Руби воспользоваться туалетом. Это случилось, когда мама с папой поехали на рыбалку с мистером и миссис Дот и наловили чертову уйму испанской макрели.

Мистер Килгор попросил уточнить дату, и папа позвонил мистеру Доту. Мистер Дот вспомнил число и заодно напомнил папе, что он до сих пор не отдал ему половину стоимости за аренду лодки. Папа наверняка пожалел, что позвонил.

Когда я закончила рассказ, мистер Килгор признался, что записывать меня на пленку было незаконно. Провели меня! Но он сделал это ради моей же безопасности, Клод социально опасен, и ФБР подозревает его в нескольких убийствах в этом округе, но у них пока нет доказательств. Я должна только подписать бумагу, где говорится, что я видела Руби Бейтс и Клода Пистала вместе днем 21 сентября. Нам не о чем волноваться. Может, меня вообще не вызовут в суд. Вот-вот, к тому моменту я небось буду уже мертва.

Папа, наверное, прочел мои мысли, потому что спросил:

— Погодите, а откуда мне знать, что моей девочке ничего не грозит?

Мистер Килгор сказал:

— Мистер Харпер, верьте мне. Нам доподлинно известно, где сейчас находится Клод Пистал.

— И где же? — спросила я.

Мистер Килгор ответил:

— Я не имею права говорить, но не волнуйся. Я вернусь завтра с юридическим документом за твоей подписью. А пока ни с кем это не обсуждай, даже с миссис Ромео.

Опал сказала, что не знает, как меня благодарить, я, мол, сделала ее самым счастливым человеком на свете. Конечно, подумала я, это же не ее собирается убить Клод Пистал.

Папа всю ночь просидел с Джимми Сноу, не сомкнув глаз и не выпив ни капли спиртного.

Утром, до моего ухода в школу, мистер Килгор вернулся с документом на подпись. Напоследок он сказал:

— Мисс Харпер, я хочу, чтобы вы знали, я допрашивал многих крутых ребят, но вы по сравнению с ними самый крепкий орешек. Снимаю перед вами шляпу.

Я была на седьмом небе, пока не села в автобус и не поняла, что сказал он это, просто чтобы сделать мне приятное, ибо на то, чтобы меня расколоть, ему потребовалось всего полдня. Я продалась за банановый сплит и горячий сливочный десерт, да к тому же не сделала упражнения на странице 57 из учебника математики.

Я не то чтобы не доверяла ФБР, но на случай, ежели случится какая-нибудь осечка, все же записала комбинацию кодового замка от коробки с личными бумагами и положила листок в коробочку от леденцов от кашля «Луденс», а коробочку сунула в носок и все вместе спрятала в жестянку из-под сигар, которую заклеила самолетным клеем, убрала в пакет и закопала на берегу. И дала Майклу карту с указанием места, где это зарыто. Если меня убьют, он должен найти и раскопать. Вернее, я дала половину карты. Потом заставила папу отвезти меня в цветной квартал и отдала Пичи Уигам вторую половину. Сказала, чтобы она ни при каких обстоятельствах не отдавала ее Майклу, пока я жива, и она пообещала. Вопросов не задавала. Вот почему она так успешно ведет бизнес.

А это моя прощальная записка, на всякий случай.

Тем, к кому это относится

Если вы читаете это письмо, значит, я мертва. Меня убил Клод Пистал. Не верьте, что я умерла от естественных причин, как бы это ни выглядело. Поверьте, он меня хладнокровно убил.

Я, Дейзи Фэй Харпер, будучи в здравом уме и в шестом классе, торжественно клянусь, что видела Клода Пистала и Руби Бейтс вместе днем 21 сентября сего года, они целовались, а следовательно, они друг друга знают. Если не верите, спросите ее сестру Опал, известную как миссис Джулиан Уилсон, и мистера Килгора из ФБР.

Прощайте, мама и папа. Я вас очень любила. Вы со мной прекрасно обращались, когда я была жива, и я очень это ценю. Пап, не переживай, что не достал для меня пони. Может, я бы о нем и не смогла заботиться как следует. Постарайся держаться, пап.

Прощай, Майкл Ромео, мой верный друг. Передай миссис Андервуд от меня особое «прощай» и скажи, что она лучшая учительница в моей жизни.

Прощайте, миссис Дот, и Джимми Сноу, и весь шестой класс, за исключением Кей Боб Бенсон, она знает почему.

Прощай, Пичи Уигам. Спасибо за личинок. Прощайте все, кто меня любил, когда я была жива, включая мистера Кертиса Хонивелла и его девичью армию.

Прощайте, бабушки и дедушки, и один двоюродный дедушка, и тетя Бесс, и Сью Лавеллс, и Эдна, которая замужем за матросом в Пенсаколе.

Прощай, Анжела, и привет твоим маме и папе. Надеюсь, уши у тебя меньше топырятся. Мистер Пистал, мне жаль, что я посадила вашего брата в тюрьму и, возможно, на электрический стул, но он этого заслужил.

Да, и ты, Хэнк Тернер, прощай, если тебя когда-нибудь найдут.

Это мое последнее завещание, простите, что оно такое маленькое, но вы же знаете, почти все мое имущество сгорело. Мою любимую расшитую подушку я оставляю маме. Одежду завещаю Майклу, хотя, может, он и не захочет носить девчачьи джинсы. Если не захочет, отдайте их Пэтси Руфь Когтинс.

Мою кошку Феликс я оставляю папе.

И последнее, что я должна сказать. Я несу ответственность за то, что коктейль-бар сгорел. Я

сделала это не нарочно, так что не отнимайте у папы страховку. Все равно ее ни на что не хватит.

Дейзи Фэй Харпер

25 ноября 1952

Папа, Джимми Сноу и Билли Банди сегодня отправились в «Синюю гардению» сказать Гарольду Писталу, чтобы передал сообщение своему брату Клоду: если он осмелится приблизиться ко мне на сто ярдов, папа его убьет. А если Клод Пистал убьет папу, то Джимми Сноу убьет Клода, а если тот убьет их обоих и Билли Банди, то есть целая группа других людей, которые убьют его. Вряд ли у папы есть целая группа других людей, но получилось здорово!

Гарольд успокоил папу. Ничего ни с кем не случится. Клод в Южной Америке и сюда не вернется, потому что в Детройте на него кое-кто точит зуб. Вернувшись домой, папа позвонил мистеру Килгору, и мистер Килгор сказал — да, Клод в Южной Америке, а если надумает вернуться, то ФБР его схватит за жабры, не успеет глазом моргнуть. Папа был доволен как улитка, и я тоже. Я слишком молода, чтобы умереть.

Напишу-ка я той девочке из Южной Америки, которую удочерил «Клуб юных дебютанток», скажу ей, если она когда-нибудь встретит человека по имени Клод Пистал, пусть с ним не разговаривает, потому что от него одни беды.

26 ноября 1952

В школе сегодня была другая учительница. Миссис Андервуд в больнице в Магнолия-Спрингз, ей в субботу утром удалили аппендикс. Она вернется через две недели. Ну вот, пока я дрожала за собственную шкуру, бедная миссис Андервуд очутилась на операционном столе. Мы написали ей выздоровительные письма. Мое было в шесть страниц длиной плюс анекдот. Обедаю в «Свинье и свистке», я решила съездить к ней лично и убедиться, что с ней все в порядке. Не доверяю я этой новой учительнице. Может, она пытается заполучить работу миссис Андервуд.

В больнице медсестра сказала, что детей без взрослых не пускают. Я

целую вечность искала какого-нибудь взрослого. Наконец один умственно отсталый парень по имени Лерой, который вечно ошивается у аптеки «Биг Би», согласился со мной пойти, но прежде пришлось ему купить мороженое.

Я говорю медсестре:

— Вот мой взрослый.

Но она подняла глаза и сказала:

— Лерой, ну-ка вон отсюда, марш домой.

Ой, прямо не знаю, ей не угодишь. Он же взрослый, правильно?

Тогда я обошла больницу вокруг и нашла другой вход. Заглянула во все палаты, большинство людей были старенькие и спали. У дверей одной палаты стояли четверо. Один из них читал Библию. Кто бы там ни был в комнате, он умирал. А вдруг это миссис Андервуд? Я стала бегать по коридорам и кричать:

— Миссис Андервуд, миссис Андервуд!

И когда эта медсестра поймала меня и поволокла к выходу, из палаты в другом конце коридора донесся голос миссис Андервуд:

— Это Дейзи?

Я вырвалась из рук медсестры и побежала в ту палату, и там оказалась миссис Андервуд, она сидела на кровати в красивой пижаме с голубыми кружевами. Она совсем даже не умирала. И тут на меня напала эта медсестра, злая как черт. Я своими воплями перебудила ей всех пациентов.

Миссис Андервуд попросила ее, чтобы я осталась — пожалуйста! Медсестра не хотела меня пускать, но все остальные пациенты трезвонили в колокольчики, и она сказала:

— Ой, ну ладно, только на пять минут, не больше.

Миссис Андервуд была удивлена, что я приехала.

— Дейзи, скажи на милость, что ты тут делаешь? — спросила она.

Я объяснила, что мне захотелось убедиться, что с ней все в порядке, ведь однажды я тоже очутилась в больнице, мне удаляли гланды, и это было ужасно. Миссис Андервуд сказала, что все нормально, пусть я за нее не беспокоюсь. Я доложила, что мы написали ей выздоровительные письма, а потом как дурочка пересказала все, что написала в своем письме, включая анекдот. Теперь никакого сюрприза не получится, когда она его получит.

На обратном пути я сообразила, что впервые вижу миссис Андервуд без косметики. Она натуральная красавица, прямо как Дорис Дэй.

28 ноября 1952

Миссис Дот повезла нас на ярмарку округа Харвин. У меня было 15 долларов, и я не сомневалась, что выиграю шикарный подарок для миссис Андервуд. Мы набились в машину точно сардины. Анжелу Пистал пришлось усадить к себе на колени. Это самая костлявая девочка в мире.

Эми Джо Снайпс с сестрами болтали о том, на какие аттракционы пойдут. Даже Кей Боб Бенсон разволновалась, потому что забылась и обратилась ко мне с вопросом. Она со Дня всех святых со мной не разговаривала, но когда я ответила, она поняла, что наделала, глянула с презрением, буркнула: «А ты кто такая?» — и нос задрала.

Когда мы добрались до ярмарки, все небо было залито фейерверками, и миссис Дот пришлось оставлять машину в миле от входа. На улице было жуть как холодно, вокруг луны сияло кольцо. Мы вошли в огромную арку с надписью «Добро пожаловать на ярмарку округа Харвин и сельскохозяйственную выставку», а потом целую вечность ждали, пока миссис Дот купит билеты, и Майкл так разнервничался, что, не дойдя до ярмарки, купил пупса на палочке у какого-то типа, торгующего смешными пуговицами и прочей чепухой. У них громадное колесо обозрения, я такого никогда не видела. Кей Боб Бенсон купила белую деревянную указку с наклеенными на нее блестяшками. Там были аттракционы: гусеница с бело-зеленым парусиновым верхом, который закрывается, когда ты садишься, чертово колесо, врезающиеся машинки — Майкл мечтал на них покататься — и гигантская карусель. И на каждом аттракционе играла своя музыка.

Миссис Дот заставила всех нас держаться вместе и посетить выставку, прежде чем мы разбежимся по аттракционам. Я купила кукурузную собаку, и мы отправились в большой амбар с коровами, овцами, свиньями, у некоторых повязаны ленты с медалями и написано, где они их завоевали. После них следовала выставка тракторов компании «Джон Дир» и фермерского оборудования, на которое мне было совершенно наплевать. А воняло там и вовсе неопишимо.

Потом мы пошли в большое здание, где показывали тыкву весом в двенадцать фунтов и какие-то зверски огромные початки кукурузы. Там продавали банки с вареньем, желе, огурцами и крошечными кукурузными початками и много самодельной одежды из магазинов домоводства со всего округа. Надеюсь, смерть меня не застанет в такой одежде. Я себе покупаю вещи в универсаме «Элвуд». Многие церкви нашили лоскутных одеял, но

мне больше приглянулось электрическое. Мы посмотрели выставку рисунков каких-то школьников, ничего кошмарней в жизни не видала, а потом перешли к сочинениям. Я искала свое, но его не было. Победило сочинение какого-то типа из Локслея, оно называлось «Когда я вырасту, я хочу быть хорошим американцем». А кто не хочет?

Я уже изнывала, хотелось покататься на аттракционах, выиграть какой-нибудь приз. Майкл тоже. Наконец, когда миссис Дот добралась до секции садоводства, у нас появился шанс. Ее конкурсная работа «Магия болот» получила ленточку, но я лично не углядела там никакой магии — обыкновенное чучело утки, сидящей в каких-то водорослях. Она так увлеченно рассказывала о своей работе, что мы с Майклом смогли незаметно улизнуть и побежали на ярмарку. Первым делом мы купили себе по шляпе, на которых женщина прямо при тебе вышивала твое имя любимым цветом. Я купила черную шляпу, с надписью «Дейзи Фэй» розовыми нитками. Майкл выбрал красную, а нитки — фиолетовые. Полнейшая безвкусица.

Мы покатались на сталкивающихся машинках. Безумный Майкл врезался во всех подряд. Какие-то ребята разозлились и в отместку врезались в нас, и я чуть не выбила зуб о яблоко в карамели, которое как раз собралась куснуть. Один у меня уже отколот, и второй терять я пока не хочу. Мы сделали шесть заходов, пока меня не затошнило. Все, говорю, я пас. Майкл не ушел. Сказал, что подождет машину получше. Ладно, говорю, встретимся возле чертова колеса через полчаса, и пошла к павильону, где можно попробовать сбить бейсбольным мячом черно-белых игрушечных котов, три броска за четвертак. Призы — часы, радио и лампа с гавайской танцовщицей. Когда включаешь ее, юбка колыхнется вверх-вниз. Я потратила пять долларов, пытаюсь выиграть для миссис Андервуд эту лампу, но так и не смогла сбить больше двух котов подряд. Эти мячи были недостаточно тяжелые, если вы меня спросите, потому что бросаю-то я отлично.

Наконец я сдалась и пошла в следующий павильон, где в небольшой бадейке плавали желтые пластмассовые утята. Можно было выловить из воды утенка, хозяин посмотрит на номер, написанный у него на брюхе, и скажет, какой ты выиграла приз. Я там долго стояла, смотрела, но никто ничего стоящего не выиграл. Он всегда доставал из-под стойки какую-нибудь ерунду вроде медной трубы или резинового паука, так что это я решила пропустить. Как раз подошло время встречаться с Майклом у чертова колеса, но он на двадцать минут опоздал.

Пришел он с Верноном Мусбургером. Мы втроем покатались на

чертовом колесе и слезли с него очень вовремя, потому что одна девочка дождалась, когда окажется на самом верху, и оттуда ее на всех стошнило. Еще мы покатались на гусенице и на безумной мышке. Майкл то и дело тягал по горсти воздушной кукурузы из коробок малышей, когда их родители отворачивались. Слышали бы вы, как мелюзга орала, но Майкл оказывался уже далеко. Там показывали ягненка с двумя головами в стеклянной банке, но я считаю, что он резиновый, жулики они! Мы посмотрели на толстого человека, но только зря деньги потратили. Мы с Майклом пришли к выводу, что Джесси Легур был толще, но Вернон сказал, что толстяк классный.

Мне больше всего понравился наполовину мужчина, наполовину женщина. Одна его сторона была одета в черный костюм с носком и ботинком на одной ноге, а на второй половине был макияж, а на ноге туфля на высоком каблуке и какие-то красные бриджи. У него была половинка усов. Я попыталась поговорить с ним, чтобы посмотреть, какой у него голос, мужской или женский, но служащий сказал, что разговаривать с этим человеком запрещено. Думаю, за сорок центов можно было хоть одну-то фразу услышать.

Мы бродили по ярмарке в поисках игры, где бы я выиграла приз, и вдруг увидели подходящий для миссис Андервуд подарок. Черно-белый пластмассовый кокер-спаниель в блестках. Он стоял на полке. Хозяин спаниеля угадывает вес. Он клялся, что может угадать, сколько ты вешишь, с точностью до трех фунтов. Я пошла и дала ему свой четвертак. Он взглянул на меня и сказал:

— Девочка, я думаю, ты вешишь девяносто два фунта.^[66]

Я надеялась и молилась, чтобы он ошибся, но встала на весы — и обнаружилось, что я вешу девяносто три фунта. Я заставила Майкла и Вернона тоже пройти тест, но оба раза он угадал. Наверное, настоящий эксперт. Я расстроилась, потому что миссис Андервуд наверняка понравился бы этот черно-белый кокер-спаниель.

Осталось у меня всего два доллара, поскольку за взвешивание Майкла и Вернона пришлось платить мне. Там был павильон, где нужно попасть деревянным кольцом на палку с прикрепленным призом, но ни один из призов меня не вдохновил. В основном там были пачки с сигаретами, а миссис Андервуд не курит. Потом я увидела, что хочу. Все, что надо, — это попасть центовой монеткой в пепельницу, и выиграешь золотую рыбку в маленьком круглом аквариуме. Я разменяла у хозяина аттракциона два доллара по центам.

Знаете, как трудно попасть монетой в простую пепельницу? Они из

нее выскакивают. После того как я потратила монет на сумму 1 доллар 68 центов, мой десятицентовик перескочил из одной пепельницы в другую. Ура! Я выбрала самую большую, самую золотую рыбку из всех. Миссис Андервуд будет от нее без ума. Вот только аквариум они не дают, представляете?

Дядька вылил мою рыбку в маленькую пластиковую коробочку с проволочной ручкой и вручил мне. Я говорю:

— Разве аквариум не прилагается?

— Нет.

— Почему? Что толку в рыбке без аквариума?

Он сказал мерзейшим тоном:

— Дорогуша, читайте, тут сказано: выиграйте золотую рыбку. Разве тут что-то говорится об аквариуме?

— Тогда зачем вы выставляете их в аквариумах и врите людям, что они получают рыбку с аквариумом?

— Тебе, короче, рыба нужна или нет?

Я взяла.

За этим ярмарочным народом глаз да глаз. Когда мы повернулись, чтобы уйти, Вернон Мусбургер показал ему палец. У меня оставалось тридцать два цента, и мы решили прокатиться на карусели. Я выбрала себе красивую белую лошадку с красным седлом. Майкл приглядел черную с золотым седлом, а Вернон коричневую. Когда карусель остановилась, я помчалась скорее занимать наших лошадей, чтобы на них никто не сел.

Нам с Майклом достались наши лошадки, а Вернон свою упустил, пришлось ему кататься на маленькой белой, с другой стороны карусели. Было здорово, моя лошадь взмывала высоко, намного выше, чем лошадь Майкла. Малышня все время махала своим родителям, а некоторые родители стояли рядом с лошадейю и придерживали своих чад, чтобы не свалились. Мы проехали кругов пятнадцать, а когда я взглянула вниз, угадайте, кто стоял в толпе. *Клод Пистал!* У меня чуть инфаркт не случился. Мы проехали еще круг — он стоит, не уходит, смотрит прямо на меня.

Да он пришел меня убить! У меня волосы на голове дыбом встали. Я спрыгнула с лошади и побежала. Миновала две скамейки, где сидели родители с детьми, и ринулась на другой конец ярмарки. Обернулась — идет прямо по пятам. Я толкнула человек десять, пока не оказалась за воротами ярмарки, и припустила на автостоянку. Чуть с ума не сошла, пытаюсь найти машину миссис Дот. Сердце просто выскакивало.

Отыскала машину, а она оказалась запертой, и кто-то идет за мной

следом. Я побежала к машине на самом конце стоянки, грузовик пикап, он тоже был заперт. С одной стороны — автостоянка, с другой — чистое поле, и я знала, что если побегу на это поле, Клоду Писталу предоставится прекрасная возможность меня пристрелить. Оставался один выход — забраться в кузов пикапа и спрятаться под мешками с картошкой. Я слышала, как кто-то открывает двери машин, хлопает ими и подходит все ближе и ближе. Скоро я уже ничего не слышала, кроме стука собственного сердца, а оно бумкало, как большой барабан. Вдруг кто-то обошел мой грузовик. Я восславилась Деву Марию! Этот кто-то влез в кабину, и машина выехала со стоянки на шоссе. Единственное, о чем я могла думать: «Спасибо тебе, пресвятая Дева Мария!» — хотя я даже не католичка. Потом меня осенило — а что, если это грузовик Клода Пистала! Когда мы остановились на светофоре, я заглянула в заднее окошко. За рулем сидел какой-то старик, а рядом спал мальчонка. Я заколотила в стекло и заорала:

— Выпустите меня!

Проснувшийся мальчишка перепугался до полусмерти.

Старик съехал на обочину и спросил, что я там делаю. Вряд ли он поверил, что я прячусь от убийцы, но, поскольку живут они рядом с Магнолия-Спрингз, он согласился высадить меня, когда доберемся до города. Спросил, не хочу ли я сесть рядом с ним на переднее сиденье. Я, конечно, хотела. От этих мешков с картошкой пахло не лучше, чем в хлеву.

Когда он меня высадил, я побежала — и бежала всю дорогу до ночного клуба «Элита». И колотила в дверь, пока мне не открыла Пичи Уигам в ночной рубашке.

— Господи, милая, мы же по понедельникам ночью закрыты, — сказала Пичи, но я уже ворвалась в дом. Она спросила: — Детка, что стряслось? Ты бледная как привидение.

Я стала тараторить со скоростью пулемета, без всякого смысла — как в колонке миссис Дот. Я знала, что хочу сказать, но ничего толкового не получалось. Пичи заставила меня глотнуть виски, чтобы успокоить. После чего я попросила позвонить папе и в ФБР, потому что Клод Пистал здесь и собирается меня убить. Через двадцать минут приехали папа с Джимми Сноу.

Я рассказала, что Клод Пистал не в Южной Америке, а прямо здесь, в Харвине, он меня преследовал и почти поймал. Выслушав, папа вышел в соседнюю комнату побеседовать с Пичи. Она отперла кладовку и принесла два бумажных пакета с неизвестным содержимым. Один пакет дала папе, другой Джимми. Папа подошел ко мне и сказал:

— Я хочу, чтобы ты осталась здесь, с Пичи, и ни о чем не волнуйся.

И только когда они ушли, я поняла, что потеряла шляпу с вышитым именем, но рыбка осталась при мне.

Пичи вынесла из кладовки большое ружье, поставила посередине комнаты стул и уселась на него. К этому времени я так устала, что едва держала глаза открытыми. Она велела мне идти в ее комнату и лечь спать, все будет в порядке, она позаботится о моей золотой рыбке. В комнате было темно, и на кровати лежал человек! Я понадеялась, что это не дружок Пичи, миссис Дот говорила же, что цветного мужчину трогать нельзя, но мне было уже все равно. Я улеглась рядом со спящим человеком и уснула.

На следующее утро я открыла глаза и не сразу поняла, где нахожусь. Потом повернулась и уперлась взглядом прямо в лицо УЛЫ СУР, АЛЬБИНОСКИ! Я стала звать Пичи, очень громко. Пичи примчалась с ружьем и спросила:

— Что случилось?

— У тебя в доме альбиноска, — сообщила я.

Тогда Пичи захохотала, потому что Ула Сур сидела на кровати с таким же ошалелым лицом, как у меня. Пичи сказала:

— Милая, ты ошиблась кроватью.

Я говорю:

— Ты не сказала, в какую мне лечь. Я не знала, что у тебя две кровати.

Она представила нас друг другу. Это ее, Улы Сур, шаги я слышала в соседней комнате, когда приходила забирать Джимми Сноу. Я извинилась, что напугала ее, но очень рада познакомиться, давно об этом мечтала. Она оказалась очень милой и не совсем белой. У нее на лице было два больших коричневых пятна, как у того кокер-спаниеля на ярмарке, совсем не страшных.

Мы встали, и Ула приготовила кофе. Я спросила Улу, почему она никогда не выходит на улицу. Она объяснила, что над ней с детства смеются из-за того, что она альбиноска, и ей это надоело. И знаете, что я еще выяснила? По ночам она работает у Пичи в качестве сотрудницы похоронного бюро и служанки. Представляете, у цветной есть служанка. Пичи сказала, что Ула — лучшая помощница в бюро из всех, кого она нанимала. Могу поспорить, что это Ула раздобыла мне личинок. Мы запустили музыкальный автомат в ожидании папы и любовались золотой рыбкой, которую Пичи пересадила в банку из-под соленых свиных ножек.

Около половины десятого за мной приехал папа. Я представила ему «Улу Сур, знаменитую альбиноску и сотрудницу похоронного бюро», а он

поблагодарил их за то, что позаботились о его дочурке. Он вернул Пичи два бумажных пакета, и она отнесла их в кладовку. Я спросила папу, что в тех пакетах, а он ответил:

— Неважно. Не бери в голову, поехали домой.

Я взяла свою рыбку и спросила Улу, нельзя ли когда-нибудь еще заехать с ней повидаться. Она сказала, что можно.

В машине я спросила папу, когда мне нужно ехать давать показания против Клода Пистала, а он говорит:

— Ты не поедешь.

— Не поеду?

— Нет, не поедешь.

— Почему?

— Не поедешь, и все, и больше не думай об этом.

— Почему? — Он не ответил, я снова спросила: — Почему?

Он сказал:

— Потому что Клод Пистал мертв, вот почему.

— Правда?

— Да.

— Ты уверен?

— Да, уверен.

Я подумала немного и спросила:

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, и все.

— Ты так же точно знал, что он в Южной Америке, а он там не был.

Тогда папа сказал:

— Если я говорю, что мертв, — значит, мертв. Я тебе когда-нибудь врал? А теперь заткнись, и больше об этом ни слова.

Я заткнулась, но вообще-то он мне врал, и довольно часто. Например, в тот раз, когда он сказал, что Санта-Клауса переехал автобус.

Он повез меня в «Тести Фриз» и купил коктейль, а сам сходил через дорогу за пивом. Приехали домой, а там нас ждет мистер Килгор из ФБР. Папа глянул на меня и буркнул: «Заткнись», хотя я даже не думала рот открывать.

Мистер Килгор сказал:

— Мистер Харпер, мы вас повсюду ищем. Я хотел вас предупредить, что Клода Пистала нашли застреленным на взлетно-посадочной полосе недалеко от Магнолия-Спрингз.

— Слава богу, — обрадовался папа. — У вас уже есть подозреваемые?

— Мы уверены, что это преступные разборки, — ответил мистер

Килгор. — У него десять пулевых ранений. Мы выяснили, что он был замешан в поставках наркотиков с Кубы. Вообще-то многие члены банды ошивались в клубе «Синяя гардения». Мы выжидали момента, чтобы их арестовать.

С этого момента я думала только о том, что, похоже, играла в покер с убийцами. Просто удача, что я не пыталась жульничать, как порою с папой. Мистер Килгор рассказал, что Клод улизнул из Южной Америки на Кубу, нанял маленький самолет и приземлился на старой посадочной полосе, которой пользуются лишь летчики-опылители. На самом деле это опылитель по имени Джимми Сноу нашел тело и позвонил им. Папа поблагодарил мистера Килгора за информацию. Мистер Килгор высказал сожаление, что меня зря напугали.

Когда он уехал, я посмотрела на папу, а папа на меня. Мне было любопытно, откуда он в десять часов знал, что Клод мертв, если тело к тому времени еще не нашли. Но тут мы услышали вой сирен. Три полицейские машины подъехали к нашему дому и остановились.

Человек пять полицейских выскочили и принялись колотить в дверь с криком: «Откройте, полиция».

Папа открыл, и полицейский спросил:

— Дейзи Фэй Харпер здесь?

— Это я, — сказала я.

Интересно, думаю, что они собираются со мной сделать.

Полицейский спросил:

— Ты в порядке?

— Да, в порядке, а что?

— Слава богу, малышка, мы тебя с вечера ищем. Тут одна гражданка, миссис Дот, с ума сходит от беспокойства.

Миссис Дот позвонила в дорожный патруль Харвина и в полицию с историей о том, что девочку на ярмарке похитил белый работороговец, и всю ночь эта гражданка закатывала истерики, угрожая пропечатать полицейских в газете и испортить им репутацию, если меня не найдут.

Тут вмешался папа:

— Я Билл Харпер, ее отец. Возможно, я смогу все объяснить. Моя дочка провела ночь со своей подругой и забыла сообщить миссис Дот.

Полицейский сказал:

— А где были вы, мистер Харпер? Вас тут всю ночь прождали.

Папа сказал:

— Ну, я не хотел бы говорить при всех. Можно вас на секунду?

Папа с полицейским ушли в другую комнату, где я их как бы не

услышу, но я, конечно, слышала каждое слово, потому что папа говорил довольно громко.

— Э-э, уважаемый, вы знаете женщину по имени Рэйтта Уокер? — Видимо, полицейский знал, потому что засмеялся, а папа сказал: — Видите ли, мы с женой разошлись и...

Полицейский сказал:

— Не беспокойтесь, дружище. Что-то в этом роде я и подозревал.

— Спасибо, — поблагодарил папа.

Потом полицейский сказал:

— Ну ладно, парни. Поехали. — И повернулся ко мне: — Ты так больше не делай, девочка. Эта бедная миссис Дот просто чокнутая.

— Где она? — спросила я.

Как выяснилось — в кабинете шерифа, с врачом и мамой Майкла, которая прикладывает к голове миссис Дот пузырь со льдом.

Наконец они ушли, папа посмотрел на меня, а я на него.

Я спросила:

— Кто такая Рэйтта Уокер?

Он сказал:

— Никто.

Я спросила:

— Ты уверен?

Он сказал:

— Уверен.

Я спросила:

— Ты уверен, что уверен?

Он сказал:

— Я тебе когда-нибудь врал?

И я сдалась.

И отправилась к миссис Дот, и уж как она обрадовалась! Если бы что-то случилось с одной из ее Юных дебютанток, она бы просто умерла. Я не стала ей рассказывать, что произошло на самом деле. А то не миновать еще одной истерики.

После этого я упростила папу повезти меня в больницу в Магнолия-Спрингз — вручить миссис Андервуд золотую рыбку. На этот раз я вошла через парадный вход, потому что со мной был ВЗРОСЛЫЙ. Там сидела все та же медсестра и все так же грубила. Против правил, говорит, приносить животных в больницу.

Папа сказал ей, что если она не впустит меня к миссис Андервуд с этой чертовой рыбой, он разберет эту больницу на кирпичи, несмотря на то

что она деревянная.

Медсестра чуть не зашипела от злобы:

— Ладно, идите, но теперь я понимаю, в кого ваша дочь.

Видели бы вы лицо миссис Андервуд. Как она радовалась. Сказала, что рыбка куда лучше черно-белого пластмассового кокер-спаниеля в блестящих.

Когда мы ушли, я спросила папу, правда ли, что миссис Андервуд похожа на Джин Тирни.

— Да, как две капли воды, — согласился папа.

Я же говорила. Напишу Джин Тирни письмо, пусть знает, что у нее есть живой двойник в Магнолия-Спрингз, штат Миссисипи.

Майкл и Вернон Мусбургер поведали мне, что миссис Дот держала их на ярмарке еще два часа и всех там на уши поставила, заставив меня искать. Даже Кей Боб Бенсон таскалась по ярмарке, выкликая мое имя, — в паре с клоуном в костюме крокодила. Пропустила я это зрелище. Майкл и Вернон спросили, почему я как безумная соскочила с карусели, не докатавшись, и я ответила, что мне срочно понадобилось в туалет и я поехала домой, потому что не хотела пользоваться общественным туалетом, куда всякие придурки ходят. И знаете что? Они мне поверили!

Видели бы вы газеты... Повсюду на первых полосах — Клод Пистал. Опубликовали даже фото Джимми Сноу, указывающего на то место, где он нашел тело. Джимми на этой фотографии очень смахивает на альбиноса. В статье сказано, что в теле было десять пуль от трех разных пистолетов, три пули, 22-го калибра, попали в печень. Кто-то здорово стреляет, если он, конечно, не в сердце целился. Настоящее имя Клода — Клод Пиастелия, он сидел в тюрьме за разные преступления, в том числе за убийство. Ох, как я рада, что он мертв. Единственное, чего не могу понять, — это как папа уже в 9.30 утра знал, что он мертв, если в газетах сказано, что Джимми Сноу нашел тело только в 10.08.

6 декабря 1952

Сегодня Гарольд Пистал привел Анжелу попрощаться. Они переезжают из-за всей этой шумихи в газетах по поводу Клода. Слава богу, Анжела еще не умеет читать. Она была в шапке Дэви Крокетта, по которой с ума сходит. Вряд ли она знает, что Клод умер. Когда мы все пошли

прогуляться по берегу, я сказала Гарольду, что сожалею, что его брата убили. Но поскольку врать я не хочу, я также сказала, что сожалела бы еще больше, если бы он не хотел убить меня, ведь я, в конце концов, единственный ребенок и нужна своим домашним. Гарольд думает, может, это даже к лучшему, что брат мертв. Анжела увлеклась замком из песка и не слышала нас, и Гарольд признался, что Клод убил свою жену в приступе ревности и после этого изменился. Я не сильно удивилась. Спросила, могли ли Клод убить Руби Бейтс, и Гарольд ответил — возможно. Кроме того, Гарольд знал от Клода, что я видела того вместе с Руби. Я чуть в обморок не упала. Значит, он вспомнил!

— Так и знала, что в тот вечер на ярмарке он пытался меня убить.

— Он не пытался тебя убить, Дейзи.

— Не пытался?

— Нет, он просто искал Анжелу и подумал, что она может быть с тобой.

— А я думала, он пришел меня убить.

— Он бы тебя никогда не убил. У него рука бы не поднялась, и это одна из причин, почему он уехал из страны. Он боялся, ты вспомнишь, что видела его вместе с Руби.

— Я все равно уверена, что он хотел меня убить.

— Он бы тебя никогда не тронул, ты же спасла жизнь Анжеле.

— И все же он меня ненавидел.

— Нет, он просто считал, что тебе нечего болтаться в ночном клубе с его друзьями. Он им не доверял.

— Он же меня даже не поблагодарил за то, что я спасла ее.

— Он не мог, он не хотел, чтобы кто-то знал...

— Что знал?

— Что Анжела его дочь. Мы взяли Анжелу после смерти ее матери, ей было около полугода.

Сказать, что я была ошеломлена, — ничего не сказать.

Гарольд заставил меня поклясться, что ничего никому не скажу, и я поклялась. Спросила Гарольда, есть ли у него подозрения, кто мог убить Клода, он сказал — нет. А вот я кое-что начала подозревать, но думать об этом не хочу.

Анжела обняла меня на прощанье и пообещала писать, когда научится. Я не могла не думать о том, как мне повезло, что она в тот день выпала из лодки. Бедная Анжела. Буду по ней скучать. Только подумайте, ей придется идти по жизни с этими большими ушами, и к тому же не зная, что она итальянка.

15 декабря 1952

Я — Матушка Гусыня в рождественском спектакле! Зла не хватает. Остальные ребята из моего класса будут играть в другой сцене, а меня определили в сцену с первыми и вторыми классами. Выбора у меня не было, потому что миссис Андервуд пообещала им, что я буду участвовать. А я-то хотела показать подражание Вогну Монро,^[67] спеть «Наперегонки с луной».

Когда занавес поднимается, я говорю: «Я Матушка Гусыня, и я очень волнуюсь. Пробил час вести всех моих маленьких героев к яслям поглядеть на младенца Иисуса, который только что родился под Вифлеемской звездой». Тут на сцену выходит Вифлеемская Звезда и кланяется.

Учительница первого класса, мисс Флоренс, звонит в колокольчик за сценой, и я говорю: «Это звучит волшебный колокол». Иду туда, где у них будет лежать большая книга из папье-маше, и говорю: «Ой, смотрите, вот Джек и Джилл», и эти двое из первого и второго класса выходят из книги, одетые в костюмы этих самых Джека и Джилл, не помню, кто они такие. Таким макаром я должна объявить их всех.

Когда выходит последний, Том, сын трубача, я говорю: «А теперь, дети, мы должны отправиться в Вифлеем посмотреть на младенца Иисуса, который только что родился под Вифлеемской звездой».

Снова выходит Вифлеемская Звезда и кланяется, и все мы идем к ней через сцену. В конце этой живой картины мы оказываемся стоящими в хлеву.

Глупость какая-то. Матушки Гусыни еще и в помине не было, когда жил Иисус.

Миссис Андервуд бьется над сценой в хлеву. Старается быть демократичной и предлагает голосовать, кто будет играть Марию и Иосифа. Я даже голосовать не вправе, Кей Боб Бенсон заявила, что мне нельзя давать голос, поскольку я в другой части шоу.

Я даже не приму участия в параде на День благодарения: некому сшить мне костюм пилигрима. Все равно это дурацкий парад. У них была платформа на колесах, символизирующая переправу Вашингтона через Делавэр, впрочем, это был всего лишь Джордж Кроуфорд в черной шляпе, сидящий в лодке, которую его папа пристроил на их пикап с надписью на кузове: «Канализационные отстойники Кроуфорда». Мальчик по имени Джимми Бек изображал волны — ездил на велосипеде с гофрированной бумагой и собачкой в корзине. Кей Боб Бенсон была статуей Свободы в

серебряной короне из картона. Еще там играл духовой оркестр из средней школы Магнолия-Спрингз, но они совсем уж никуда не годились. Ни один не попадал в ноту, к тому же у них явный перебор с трубачами. Лучше всех в этом параде показали себя миссисипские девицы, девичья армия мистера Кертиса Хонивелла.

На собрании Юных дебютанток мы раскрашиваем листья магнолии в два цвета — розового олеандра и морской волны, чтобы украсить рождественскую елку, которую миссис Дот воткнула в песчаную дюну «для праздничной красоты». Приходится прикалывать украшения булавками, чтобы ветер не срывает. А на днях и само дерево свалилось.

Я получила от мамы чудесное письмо. Она попробует приехать ко мне на Рождество. Жду не дождусь. Жаль, не могу раздобыть ей серебристую лису.

В школе мы тянули бумажки с именами, какое имя тебе досталось, тому подарок покупаешь. Нельзя тратить больше четвертака. Я вытянула Ребу Куигли, но поменялась с Пэтси Руфь Коггинс, которой достался Вернон Мусбургер. Интересно, кто вытянул меня. Надеюсь, не кто-то из детей картофельных фермеров. Не хочу ничего самодельного. Собираюсь купить миссис Андервуд аквариум для рыбки, чтобы она могла вынуть ее из банки от соленых свиных ножек, которую выдала мне Пичи Уигам.

Вчера мы с Майклом ходили в театральные магазин «Элвуд» покупать подарки. В отделе готового платья для мальчиков и девочек я увидела манекен мальчика, одетый в клетчатый костюм. На нем был светлый парик, который как нельзя лучше подошел бы для головы Вернона Мусбургера. У парика есть пробор и все такое. Вернону даже причесываться не пришлось бы, потому что на парике волосы прилизанные, очень аккуратно смотрится. Если я раздобуду парик, ему в роли пастуха не придется носить эту коричневую шляпу из искусственной кожи.

Я спросила менеджера, миссис Хильду Джинкс, сколько стоит этот светлый парик, но оказалось, он не для продажи. Я сказала Майклу, что задумала стянуть этот парик с головы мальчика-манекена, когда все отвернутся. Вернону Мусбургеру он гораздо нужнее, чем манекену, потому что манекену не играть в рождественской пьесе. Майкл отказался пособничать в краже парика, потому что не хочет провести Рождество в тюрьме. Я говорю: да не попадешь ты в тюрьму, это же я его украду. Робин Гуд воровал у богатых и отдавал бедным, а мы украдем у мертвого манекена, чтобы отдать живому, так что все нормально. Напомнила ему про Тауни Кисточку. Если он такой честный, то и мне придется выполнить свой долг и рассказать его матери всю правду, и ничего кроме правды. Мне

неприятно было шантажировать Майкла, но это вынужденная мера. Вернувшись домой, я заставила его всю ночь тренироваться, чтобы разыграть эпилептический припадок, пока у него не начало получаться.

Сегодня, как только закончилась репетиция, я сказала мисс Флоренс:

— Пойду немного прогуляюсь в костюме Матушки Гусыни и вернусь.

— Не вздумай выходить на улицу! — всполошилась она. — И чтоб не испачкала мне костюм!

— Ладно, но мне надо в туалет.

И с тем удрала, не дав ей слова вымолвить.

Майкл ждал меня на улице. Мы направились в город и по пути снова повторили план действий. Он зашел в «Элвуд» и принялся выбирать покупки, а я ждала в аптеке «Биг Би». Потом тоже вошла в «Элвуд».

Майкл бродил по магазину и громко, неестественно бормотал: «Та-ак, кому бы это подарить?» Брал вещи с полок и клал на место. Увидел меня и сказал:

— Интересно, а это маме понравится?

Вечно он переигрывает.

Миссис Хильда Джинкс поглядела на меня с любопытством. Я прошла в отдел детской одежды, пока она меня не остановила, и стала ждать, когда у Майкла случится припадок. Скоро он упал на пол и заорал:

— У меня эпилептический припадок! Помогите! У меня эпилептический припадок!

Он же не должен был ничего говорить! Все бросились к нему, я схватила парик, но какой-то идиот приклеил его к голове манекена. Наконец я его отодрала и выскользнула в дверь, никто меня не увидел.

С Майклом мы встретились в школе, он был страшно горд тем, что так здорово разыграл припадок. Когда я пришла домой, парик, пролежав весь день в моем учебнике географии, превратился в бесформенный ком. Я провозилась с ним несколько часов, потом натолкала в него газету, чтобы он держал форму.

Прямо дожидаться не могу, когда Вернон Мусбургер увидит мой подарок. У него будет лучшее Рождество в жизни. В «Клубе юных дебютанток» миссис Дот сказала: когда дарите кому-то подарок, убедитесь, что он принесет человеку радость и соответствует его характеру. Что лучше всего подойдет лысому мальчику, если не парик? Брови ему тоже нужны, но у манекена брови были нарисованными. Жалко. Может, на следующий год раздобуду ему брови.

23 декабря 1952

Сегодня в школе мы обменивались подарками. Я подарила миссис Андервуд аквариум, коробку конфет «Мери Белл» и духи «Голубой вальс». Мое имя досталось Джорджу Кроуфорду. Он подарил мне пять пачек мятной жвачки «Ригли»... ровно на двадцать пять центов. Скряга! Видели бы вы лицо Вернона Мусбургера, когда он получил парик. Сразу помчался к зеркалу — мерить. Парик отлично смотрелся, только на затылке и по бокам немного торчали вихры, но я подсказала, что их надо приклеить клеем или скотчем, и тогда будет просто идеально. Всем понравилось, кроме Кей Боб Бенсон, которая брякнула, что это дешевка, но могу поспорить, что стоит он намного больше четверти доллара.

После того как все мы открыли наши подарки и миссис Андервуд начала читать «Нэнси Дрю и спрятанная лестница», глава 1, «Улика для Нэнси», кто-то постучал в дверь. Миссис Андервуд пошла посмотреть, кто там, вернулась с широкой улыбкой и сказала:

— Дейзи Фэй, к тебе пришли.

Ну, думаю, началось, все по новой. Я попросила миссис Андервуд выяснить, кто там, и убедиться в подлинности его личности. Миссис Андервуд сказала:

— Дейзи, это сюрприз.

Я ответила, что не буду встречаться невесть с кем, такие сюрпризы мне ни к чему.

— Ну ладно, — сказала она тогда. — Вообще-то я не должна говорить тебе, но это твоя мама.

— У нее зеленые глаза и смешные брови? — уточнила я.

Миссис Андервуд сказала:

— Дейзи, я знакома с твоей мамой.

Выхожу я в коридор — стоит моя мама, прямиком из Виргинии. Как же я обрадовалась! Ох! Она пробудет здесь до конца Рождества, остановится в гостинице «Магнолия-Спрингз», потому что с папой до сих пор не разговаривает. Завтра вечером придет смотреть, как я играю в рождественском спектакле. Я помчалась домой за пижамой и кое-какими вещичками, а мама отправилась в цветной квартал навестить Вельвету. Она до сих пор считает Вельвету зззамечааательной. Жалко мне папу. Он очень огорчился, что мама здесь, а видеть его не хочет. Они с Джимми Сноу в соседней комнате заливают его горе. Надеюсь, к спектаклю протрезвеют.

Мама рассказала мне о своей работе в Виргинии. Она уже не

официантка, получила повышение. Она старшая официантка в очень престижном блинном доме в Шарлотсвилле — он так и называется, «Блинный дом», — и имеет право ходить в обычной одежде, а не носить униформу официантки. Когда поеду в Виргинию, смогу бесплатно поесть любых блинов, каких захочу. Я все люблю, кроме гречишных. На вкус они как гвозди.

Мы снова попали в колонку «Пара слов от Дот». Там сказано: «Миссис Уильям Харпер-младший и ее очаровательная дочь Дейзи Фэй зимуют в гостинице „Магнолия-Спрингз“». Мы же пробудем там всего четыре дня!

27 декабря 1952

Сегодня утром мама уехала. Так не хотелось ее отпускать. На Рождество она купила мне новый костюм, кое-какое бельишко, носки и подарила свою фотографию, сделанную в магазине. А я ей подарила новую пудру «Мерл Норман». Там приложена карточка с маминым цветом, натуральный бежевый. Мама сказала, что у нее как раз кончается, так что подарок ей как нельзя кстати. Наверное, у меня природный талант выбирать подарки.

Бабушка послала мне по почте несколько связанных крючком салфеток и вместе с тетей Бесс по 5 долларов. Мама назвала папу лентяем, потому что он дал мне 20 долларов, вместо того чтобы искать подарки. От Джимми Сноу я получила коробку носовых платков. Пфф! Я подарила ему связку из шести банок «Будвайзера», его любимого, а папе — «Пабст Блю Риббон». Пиво пришлось покупать у Пичи Уигам. В Миссисипи никто не продаст пиво ребенку, даже для подарка. Пичи и Ула Сур купили мне большую Библию с картинками, где Иисус, Мария и Иосиф — цветные. Мне было страшно стыдно, я-то им ничего не принесла.

Спектакль прошел хорошо, кроме моего выхода на сцену. Я смотрела в зал, пыталась найти маму. Папа и Джимми Сноу стояли сзади. Так же как и мистер Кертис Хонивелл со своей девичьей армией, но мамы я не видела. А когда заметила, оказалось, она сидит прямо рядом с миссис Хильдой Джинкс из театрального магазина «Элвуд»! И тут у меня из головы вылетел весь мой текст, потому что сразу после кражи парика мы с Майклом пошли на фильм «Я была воришкой» с Моной Фриман в главной роли. Видели бы вы, что с ней там сделали! Но когда мисс Флоренс прозвонила в колокольчик, я сказала:

— Ой, а вот и волшебный колокол. — И тут же вспомнила слова.

Свечка Джека Би Намбла погасла, не успел он и двух шагов пройти по сцене, выйдя из Библии, и он заплакал, а маленькая мисс Маффет задрала подол платья на голову, но кроме этого все прошло нормально.

Мне больше всех рукоплескали, даже больше, чем Санта-Клаусу. После спектакля мама с папой хвалили меня, соблюдая строгую очередность, чтобы друг с другом не заговорить. Я надеялась, они сойдутся, все-таки Рождество и у них общий ребенок, но нет, зря надеялась. Единственное, что мама сказала папе:

— Ну как твоя новая подружка?

Какая еще новая подружка???!!!

29 декабря 1952

Никогда ничего не покупайте в театральном магазине «Элвуд». Они нанимают злых и жестоких людей, представляющих угрозу для детей. Вчера вечером миссис Хильда Джинкс позвонила папе и сказала, что я заявила к ней в магазин в облике Матушки Гусыни и украла парик у манекена в отделе готовой одежды для детей, пока какой-то бедный мальчик корчился в эпилептическом припадке. Самое ужасное, что вся эта история — правда и возразить мне абсолютно нечего. Хильда Джинкс сказала, что если папа приведет меня в магазин и я верну парик, то она не выдвинет обвинений. Она не хочет, чтобы в дни послерождественской распродажи у нее в магазине красовался лысый манекен. Папе пришлось вести меня к Вернону вызволять парик. Так что теперь Вернон снова лысый.

Сегодня утром в семь тридцать папа привел меня к театральному магазину «Элвуд», и мне пришлось стоять там до восьми, ждать открытия. Наконец пришла миссис Джинкс. Я попыталась всучить ей парик, но она заставила меня пойти и положить его туда, откуда взяла. Это был кошмар. Ни одного посетителя еще не было, и все продавцы стояли за прилавками и пялились на меня. Было слышно, как тикают часы. Мне пришлось пройти мимо галантерейного и писчебумажного отделов, а когда я приблизилась к стойке с вышивками, старуха, что там работала, сказала:

— И как тебе не стыдно, да к тому же перед Рождеством.

Этот магазин длинной, наверное, в милю, а отдел готовой одежды для детей находится в самом конце. После того как я надела парик на голову

этому тупому манекену, на обратном пути мне снова пришлось идти мимо всех этих людей, и старуха с вышивками сказала:

— Позор, позор.

Выйдя на волю, я испытала самое большое облегчение в жизни.

И я вам скажу, театральный магазин «Элвуд» навсегда потерял одного из своих лучших покупателей. Представьте, так испортить Рождество бедному лысому мальчику.

30 декабря 1952

Сегодня ходила в аптеку «Биг Би», купила подарки для Пичи Уигам и Улы Сур на свои рождественские деньги. Для Пичи нашла средство для укладки волос «Роял Кроун» и румяна, а для Улы Сур — красивые белые пластиковые солнцезащитные очки с зеркальными линзами, через которые тебе видно всех, а твои глаза никто не видит. И себе такие купила, буду ходить в них на заседания «Клуба юных дебютанток» в следующем месяце. Нам предстоит беседа на тему «Как сервировать стол для вечеринки», так я теперь могу незаметно спать, если захочу, никто не заметит.

После Рождества в нашем классе появился новый мальчик, Флика Хикс. Раньше он учился в военной школе, но ему там очень не нравилось, и он вернулся сюда. Вы не поверите. Он как две капли воды похож на Джонни Шеффилда, у него вьющиеся волосы, и остальным тоже похож.

Некоторые скажут, я хвасталась, что имела самый большой успех в рождественском спектакле, но вот статья миссис Дот в колонке «Пара слов от Дот», слово в слово:

Сегодня представляю вам драматургический обзор ежегодного рождественского шествия, устроенного начальной школой Магнолия-Спрингз, и вот что хочу сказать: молодцы, ребята! Как всегда, подробный отчет с места событий. Знаете, в любых театрах все идет примерно одинаково, и темперамент здешних актеров не отличается от бродвейских. Насколько я понимаю, у нас произошла небольшая размолвка между мисс Кей Боб Бенсон, мисс Пэтси Руфь Коггинс и мисс Эми Джо Снайпс, которые втроем претендовали на роль Девы Марии, и, должна заметить, их режиссер, миссис Сибил

Андервуд, прекрасно разрешила проблему, вырезав роль Марии из пьесы и предоставив трем юным леди роли трех волхвов. Однако Марии остро не хватало в столь популярной сцене в хлеву. Майкл Ромео, исполнявший Иосифа, заодно прочитал часть диалога за Марию — и был великолепен. Вифлеемскую звезду сыграла маленькая Летти Хоукинс, чья мама, Грейси, — президент местного филиала «Вифлеемской звезды». Летти была сногшибательна в оловянной фольге. Как обычно, шествие закончилось знаменитой сценой у яслей, и самым ярким событием этой сцены было неожиданное явление Санта-Клауса, сыгранного нашим многоуважаемым директором мистером Дж. Т. Викори, которого сопровождал Пасхальный Кролик в исполнении его жены Хони. И насколько я поняла, весь ее костюм состоял из разноцветных салфеток «Клинекс». Но звездой вечера стала Дейзи Фэй Харпер, Юная дебютантка, которая сыграла Матушку Гусыню и представила нам самых очаровательных малюток не только здешнего театра, но и Бродвея. Дейзи Фэй была неподражаема и смешила нас великолепными, непринужденными репликами. Это было поистине оscarовское выступление, ей-богу, надеюсь, среди зрителей не присутствовали какие-нибудь знаменитые продюсеры, иначе нашу Дейзи Фэй мигом переманят на главную роль в Голливуд. Представление было шикарное, особая благодарность Джимми Беку, чья терьерша по кличке Леди сыграла роль верблюда. Меня попросили объявить, что ладан и мирра были предоставлены магазином «Хэтчер».

Могу поспорить, что Кей Боб Бенсон кусает локти. С бородой вид у нее был совершенно идиотский. Надеюсь, Флика Хикс читает колонку «Пара слов от Дот». Может, анонимно пошлю ему вырезку.

2 января 1953

В субботу мы с Майклом ходили в кинотеатр «Магнолия-Спрингз» на два фильма — «Супермен и двойной агент» с Джорджем Ривзом и Филлис Коутс и «Королева бандитов» («КАЖДЫЙ МУЖЧИНА СТАНОВИЛСЯ ЦЕЛЬЮ ДЛЯ ЕЕ ХЛЫСТА, ЕЕ ПУЛЬ, ЕЕ ПОЦЕЛУЕВ») с Барбарой Бриттон и Уиллардом Паркром. Когда мы покупали конфеты, вошел Флика Хикс в военной униформе. И не поверите — с кем. С Кей Боб Бенсон! Наверное, военная школа отшибла ему все мозги, если он считает Кей Боб Бенсон симпатичной. Он купил ей попкорна и прочего. Мне было так противно, что я бросила Майкла посреди «Королевы бандитов» и пошла в цветной квартал, отдать подарки Пичи Уигам и Уле Сур. Пичи ее подарок очень понравился. Ула была на похоронной службе. Когда я сказала Пичи, что мне нужно выпить, она дала мне апельсиновый сок. Я попросила виски «Уайльд терки», и выпила немного, и запила соком. Не больно-то и надо — подумаешь, пойти в кино в сопровождении парня с именем как лошадиная кличка.

23 января 1953

Вчера мы с папой смотрели «Клуб Микки-Мауса», а когда подняли глаза, за дверью стояли два фэбээровца. Я знала, что это фэбээровцы, потому что одеты они были в точности как мистер Килгор, очень аккуратные «люди в черном».

Невысокий сказал:

— Мистер Харпер, мы хотели бы знать, где вы находились в ночь на пятое ноября.

Папа ответил без запинки, что провел ночь с Рэйтией Уокер, по адресу Дивизион-авеню, 212, и что Джимми Сноу был с ним.

Человек записал это и сказал:

— Ну что ж, мистер Харпер, это совпадает с показаниями мисс Уокер и мистера Сноу.

Потом они извинились за беспокойство и уведомили, что это обычная процедура проверки.

Как же я разозлилась. Папа же говорил, что Рэйтия Уокер — никто, и тут оказывается, он провел с ней ночь! Могу поспорить, что все ночи, проведенные якобы с Джимми Сноу, на самом деле он проводил с ней. И этот человек говорит, что никогда мне не врал. Ха!

Сегодня, зайдя к старшим классам за своей шоколадкой «Элмонд

джой», я спросила Марвина Трэшера, слышал ли он о женщине по имени Рэйетта Уокер. Он в ответ спросил, откуда я вообще ее знаю. Я объяснила, что она не моя знакомая, а папы и Джимми Сноу. Он только засмеялся и сказал, что в этом он не сомневается, потому что Рэйетта никогда не встречается с мужчинами, которые ей не по душе. И добавил, чтобы я держалась от нее подальше, если не хочу испортить себе репутацию. Наверное, Рэйетта Уокер и есть та женщина, из-за которой ссорились мама с папой и которую мама Кей Боб Бенсон видела с моим папой в пивном баре. Завтра зайду к ней и скажу в лицо, что она разрушает мою семью.

24 января 1953

Сегодня взяла в школу ту мамину фотографию, что она подарила мне на Рождество, и Библию в картинках. После школы отправилась на Дивизион-авеню и отыскала номер 212 — маленький белый дом с провалившимся крыльцом. Мама сказала бы — дешевая государственная халупа. Я поднялась на крыльцо, постучала. Никого дома, кроме крошечной собачонки чихуахуа, заливавшей лаем.

Я прождала до шести вечера. Наконец пришла какая-то женщина. Увидев меня сидящей на крыльце, она испуганно сказала:

— Дейзи Фэй, что ты здесь делаешь?

Значит, знает меня. Я спросила, можно ли зайти, и меня впустили. К этому моменту я вспомнила, где ее видела. Она же работает в салоне красоты «Нита». Она очень похожа на Ивонну де Карло,^[68] только чуток покрупнее.

Зайдя в дом, она спросила, не желаю ли я присесть, но я не собиралась садиться в доме того, кто разрушает семьи. Я показала ей фотографию мамы и сказала, что мой папа женат на этой женщине, а я их ребенок. Сказала — знаю, что они с папой крутят роман. Весь город об этом знает, включая мою маму. Кроме того, моя репутация тоже погублена, а она мне пригодится, потому что я — Юная дебютантка. Еще у нас в школе скоро ужин для мам и дочерей, а мне по ее милости теперь придется идти на него одной.

Вид у нее был очень расстроенный, и она сказала:

— Дейзи, твой папа мне все про тебя рассказал, с самого твоего рождения. Я даже видела тебя в рождественском спектакле.

Я спросила:

— Правда?

Она сказала:

— Да, ты замечательно выступала.

Я спросила, заметно ли было, что я забыла текст, и она ответила — нет, совершенно незаметно.

Возвращаясь к теме разговора, я спросила:

— Если вы все обо мне знали, как же вы могли увести папу от такой хорошей жены?

На этот вопрос у нее не нашлось ответа. Сказала только, что не надо злиться на папу, потому что он меня очень любит, и они никому не хотели причинить боль — ни мне, ни маме. Потом добавила:

— Может, поймешь, когда вырастешь.

Вечно они пичкают тебя этой присказкой с вот такущей бородой.

Я сказала, что учусь в шестом классе, а читаю по нормам девятого, и понимаю довольно много, и ненавижу ее за то, что она обидела маму, и больше никогда не приду в салон красоты «Нита», и чтобы держалась подальше от папы и гуляла с одинокими мужчинами, — все это я выпалила одной фразой. Она спросила, не хочу ли я кока-колы. В кухне на холодильнике у нее висел на магните отчет миссис Дот о рождественском представлении. Могу поспорить, что она туда и не ходила, просто прочла газету.

Я заставила ее поклясться на Библии в картинках, что она оставит папу в покое. Она сказала, что оставит, если я так сильно ее ненавижу. Я сказала — да, так сильно. Отдала ей бутылку от кока-колы и ушла.

25 января 1953

Ох, батюшки, опять у меня неприятности. Вчера вернулась домой после Рэйтты, папы не было, я соорудила себе бутерброд с кокосовым маслом и вареньем, посмотрела телик и пошла спать. Но сегодня после школы застала папу дома, пьяного как сволочь.

Папа так рассердился за то, что я ходила к Рэйтте и взяла с нее клятву никогда больше с ним не видаться, что он бы меня убил, не будь рядом Джимми Сноу. Он плакал и орал: ты не понимаешь, что натворила, нечего лезть в дела, в которых ни черта не смыслишь. Я сказала, что у меня есть патриотический долг защищать маму и больше он не посмеет ее обидеть, предпочтя какую-то парикмахершу.

А он сидел и ронял слезы в свое пиво. Странно, он же вроде бы говорил, что она ему никто, что ж так убиваться-то.

Они с Джимми Сноу немного побеседовали, потом Джимми зашел ко мне в комнату и попросил прогуляться с ним по берегу. Я объявила, что это не поможет, поскольку на него я тоже зла за то, что вообще ходил с папой к этой Рэйтте, прекрасно зная, что папа женат. На берегу Джимми Сноу сказал:

— Дейзи, твои мама с папой разводятся.

Я крикнула:

— Ничего подобного!

Даже если они так говорят, это ничего не значит. Они с тех пор, как я родилась, все разводятся и разводятся. Мама перестанет сердиться на папу и вернется.

Джимми сказал:

— Я знаю, тебе хочется верить, что мама вернется, но это не так.

Я говорю:

— Даже если это правда, — хоть это неправда, — все равно папе нечего якшаться с какой-то дрянной парикмахершей, да, дрянной, об этом все говорят, между прочим.

Тогда Джимми сказал:

— Слушай, Дейзи. Рэйтта Уокер всем нам друг — и тебе, и мне, и папе.

Я чуть не взбесилась.

— Мне она никакой не друг. Она разбила мою семью, из-за нее мама ушла. Я ее ненавижу, хоть бы она сдохла и могильные черви жрали ей внутренности!

Джимми долго молчал. Потом сказал:

— Дейзи, присядь. Я должен кое-что сказать.

Я не хотела садиться из-за песчаных блох, но он снял куртку и постелил. Вечер был ясный, и в лунном свете я видела его лицо. Он пил, но был вроде не пьян.

Он поднял на меня глаза:

— Дейзи, я могу тебе доверять?

— Конечно, можешь. Я умею хранить жизненно важные секреты до могилы. У меня даже есть кое-какие факты о Майкле Ромео и одной стриптизерше, которые я утаила от его матери.

— Ты очень умная девочка, Дейзи, и достаточно взрослая, чтобы понять то, что я собираюсь тебе сказать.

Я была согласна с той частью высказывания, где говорилось про мой

ум, и велела ему продолжать.

И он продолжил:

— Мне бы очень не хотелось, чтобы ты совершила с Рэйеттой ошибку, о которой будешь жалеть всю жизнь. Итак, я тебе скажу это всего один раз и прошу дать слово чести, что никогда не спросишь об этом ни меня, ни кого-либо другого.

Я сказала:

— Даю, а теперь говори.

Он спросил:

— Уверена?

И я сказала:

— Да.

К тому моменту меня уже поедом ели комары и песчаные блохи. Если он мне сейчас же не скажет все, что хочет сказать, подумала я, меня сожрут заживо. К тому же это очень томительное ожидание, хуже, чем ждать следующей главы «Нэнси Дрю».

— В общем, Дейзи, если полиция когда-нибудь выяснит, кому принадлежит женский пистолет, пули из которого застряли в печени Клода Пистала, может, тогда ты поймешь, каким она была хорошим другом тебе и твоему папе.

Я сидела как пришибленная. Мне уже было не до песчаных блох с комарами. Я, конечно, это подозревала, но теперь точно знала, что было в тех бумажных пакетах, которые дала папе Пичи Уигам в ночь перед убийством Клода Пистала. Рэйетта, папа и Джимми Сноу убили Клода Пистала, чтобы меня защитить! Рэйетта солгала полиции — уже само по себе преступление — о том, что папа провел с ней всю ночь. Не говоря уж о том, что это погубило ее репутацию.

Я не сказала ни слова. Скоро мы вернулись в дом и обнаружили, что папа уже отключился. Проводив Джимми, я легла, но заснуть не смогла. Из-за меня у всех — даже у Пичи — столько неприятностей. А Клод даже не пытался меня убить!

Может, читаю я на уровне девятиклассницы, но порой здорово туплю. Я так жалела, что жестоко поступила с Рэйеттой. Только об одном я молилась: чтобы она держала рот закрытым и полиция не узнала, что это пули из ее пистолета. В общем, прочувствовала я выражение «многие знания — многие печали», оно явно не с потолка взято.

26 января 1953

Сегодня утром я пошла в салон красоты «Нита» и спросила у Рэйтты, не сходит ли она со мной на следующей неделе на ужин для мам и дочерей. Она принялась плакать прямо у рабочего места, над полунакрученной головой клиентки. Клиентка, конечно, пришла в ярость, потому что голова-то сохнет, а она вся косматая. Мне нужно купить платье для этого ужина, но в театральный магазин «Элвуд» я не пойду, уж будьте уверены. Когда вырасту, не стану лить слезы по всякому пустяковому поводу. Стыд и срам. За последние два дня я наслушалась рыданий выше крыши.

Когда я после школы приехала домой, папа был счастливей некуда. Наверное, Рэйтта ему позвонила. Он спросил, с чего это я подобрела-то, но я не могла ему сказать, поскольку обещала Джимми Сноу. Буду делать все, что в моих силах, чтобы доставить радость папе и Джимми Сноу, ведь они для меня на такое пошли! Мне за всю жизнь с ними не расплатиться. Если папа хочет встречаться с Рэйттой, пусть встречается. Когда разбогатею, куплю ему лодочный мотор и лодку в придачу. Они трое — единственные настоящие живые герои, которых я знаю.

Надеюсь, мама не узнает, что вместо нее я веду на ужин для мам и дочерей парикмахершу.

2 февраля 1953

Вечер с самого начала не заладился. Во-первых, когда мы приехали забирать Рэйтту, ее чихуахуа Трикси укусила папу за лодыжку, до крови. Это доказало теорию миссис Дот: малытки чихуахуа опасны. Однажды ее мать ехала на собрание организации «Дочери американской революции», и с ней в машине сидела чихуахуа, которую она любит больше жизни. Когда она подъезжала к светофору, эта тупая собачонка полезла за своим мячиком под педаль тормоза, и матери миссис Дот пришлось принимать жизненно важное решение — нажать на тормоз, чтобы не сбить двух человек, переходивших улицу, или размозжить голову своей собаке. Она выбрала собаку, и парочка пешеходов подлетела на восемь футов в воздух, причем один из них был в инвалидном кресле.

Оплатить больничные счета стоило ее матери целого состояния. Хорошо, что один из пешеходов был уже инвалидом, иначе она бы вовек не расплатилась.

Рэйтта надела ярко-синее шерстяное платье и такого же цвета туфли. Когда мы вошли, Кей Боб Бенсон была тут как тут:

— Это не твоя мама, это Рэйтта Уокер из салона красоты «Нита».

Я сказала:

— А то я не знаю, как выглядит моя мама. Рэйтта Уокер пришла вместо мамы, которая работает в Виргинии на высокой должности, старшей официанткой.

Миссис Андервуд была единственной, кто проявил уважение к Рэйтте. Остальные игнорировали нас весь вечер. На ужин подали цыпленка по-королевски с английским горохом. Ненавижу пересушенный горох, я бы даже под угрозой смерти ни одной горошины не проглотила с тех пор, как узнала, что последняя еда Руби Бейтс состояла из гороха и моркови. Миссис Дот произнесла речь под названием «Мама — лучший друг девочки», и какая-то старуха по имени Женева Корсетт спела песню «Мама». Вот уж идиотская песенка. Я и без нее знала, как пишется по буквам «мама». Потом нам пришлось спеть гимн Миссисипи, а Билли Банда прочитал молитву, на чем ужин и закончился.

Потом мы ждали, что папа нас заберет, а он опаздывал. Торчал в каком-то пивном баре и прибыл крепко навеселе.

Ненавижу уезжать последней. Рэйтта сказала, что ей очень понравилось, и, наверное, не врала, потому что она съела все, что было у нее в тарелке, плюс три красных желе.

Кей Боб Бенсон и ее мать пришли в платьях из серии «мать и дочь» и вели себя так, будто одеты с большим вкусом. Ну здесь и моды.

Очень смешно было, как Билли Банди молился, а все эти мамы с дочерьми на него таращились.

В этом году все свои «валентинки» я буду делать собственноручно. Флику Хиксу смастерю «валентинку» с лошадью. Он до сих пор проводит все свободное время с Кей Боб Бенсон, и это еще не все беды.

Приходил в школу человек и заставил всех проверить зрение, и оказалось, что я ничего, кроме большой буквы Е, на таблице не вижу. Придется покупать очки. Выбитый зуб и очки. Может, уже пора сдать?

6 февраля 1953

Сегодня мы с Рэйттой ходили в оптику и купили мне очки. Я хотела с коричневой оправой, как у Грейс Келли,^[69] но Рэйтта выбрала голубые, с крылышками наверху. Не могу сказать, чтобы я была от них без ума. Она говорит, они подходят к моим глазам и форме лица. Я надела очки и

увидела вдаль на много миль, так что могу теперь прочитать любую вывеску в Магнолия-Спрингз. У меня, наверное, зрение, как у Супермена. Отправилась похвастаться своими очками к Пичи Уигам и Уле Сур. Они сказали — отличные очки.

Бедняга Джимми Сноу в больнице в Магнолия-Спрингз, у него сломана рука и плечо в двух местах, потому что его самолет налетел на какие-то телефонные провода. Папа сказал, теперь ему долго лежать на вытяжке. Пойду его навестить и скажу, пусть проверит зрение, может, ему тоже нужны очки, наверное, он потому так часто бьется.

Получила письмо от мамы, она хочет знать, хорошо ли обо мне заботится папа и все такое. Пишет, что ей было бы спокойнее, если бы я переехала жить к ней в Виргинию, но я не могу бросить папу, я ему нужна.

Хотя папа с Рэйтией из-за чего-то ссорятся, она все равно со мной очень добра.

Я сказала папе, что лучше бы он поскорей помирился с Рэйтией. Я не сказала, почему так считаю, но если она сильно на него разозлится, то вполне может стукнуть в полицию. Папа очень смелый, если вообще решается с ней спорить. Я бы на его месте не стала. Ношу же я эти уродские голубые очки, правда?

По словам Кей Боб Бенсон, я в них похожа на угрюмого филина.

14 февраля 1953

Миссис Андервуд очень понравилась моя «валентинка». На ней переводная картинка с Шелл-Бич, Миссисипи. Я заготовила двадцать шесть «валентинок». Две осталось, так что одну я послала девочке в Южную Америку, которую удочерили Юные дебютантки, и одну — Вану Джонсону. Сама я получила всего три — от Майкла Ромео, Вернона Мусбургера и Пэтси Руфь Коггинс. Папа забыл про День святого Валентина, а мама еще не приехала.

16 февраля 1953

Сегодня утром, около 6.30, миссис Хаммер, хозяйка отеля «Хаммерс Кристиан», выглянула в окно и увидела женщину, голую, как младенец, которая, пританцовывая, бродила по берегу и собирала ракушки. Она

схватила одеяло и побежала прикрыть ее, и этой женщиной оказалась миссис Дот! Она вернулась в детство и думает, что снова маленькая. Миссис Хаммер позвонила мистеру Доту, и он сказал, что вечером его жена свихнулась, ударила его восемнадцать раз перочинным ножом и убежала на улицу голая. Он выжил, потому что ножик был маленький. Вызвали «скорую» и увезли ее в сумасшедший дом в Меридиане. Я велела папе поехать забрать ее, пусть живет с нами, но мистер Дот уже подписал все бумаги, и теперь ничего нельзя сделать. Честно говоря, все здесь жалеют, что она не схватила ножик побольше.

18 февраля 1953

Ненавижу этих дур, дочек охотников за креветками, меня от них просто тошнит. Мама Майкла собрала нас и сказала, чтобы мы купили подарок для миссис Дот, она передаст его, когда поедет ее навестить. Эти девчонки заявили, что не станут тратить свои деньги, потому что миссис Дот чокнутая и подарок ей без надобности. Представляете? Кей Боб Бенсон сообщила, что всегда знала, что миссис Дот сумасшедшая. Я спросила маму Майкла, нельзя ли мне с ней поехать. Оказалось, поехать-то можно, но войти будет нельзя, туда детей не пускают. Я купила для миссис Дот коробку конфет «Уитман». Когда она съест конфеты, сможет использовать коробку в качестве сумочки. Я видела, так сделала Оливия де Хэвилленд в фильме «Змеиное гнездо», где она сидела в сумасшедшем доме.

Когда мы туда приехали, я с удивлением обнаружила, что дом этот похож на самую обычную больницу, куда может каждый угодить. Миссис Ромео вошла, а примерно через час вышла, явно очень расстроенная. Ее так трясло, что ей пришлось выкурить пять сигарет, прежде чем она смогла сесть за руль. Вернулась она все с той же коробкой конфет — не взяли. Миссис Дот ничего не разрешают передавать. Миссис Ромео рассказала, что ее провели по длинному коридору, где на каждой двери щеколда. Люди, выжившие из ума, кричат как резаные. Миссис Дот живет в комнате с еще пятью или шестью женщинами. Она сидела на кровати в старом сером платье, волосы несколько дней нечесаны. Все время она пыталась поправить прическу и решила, что миссис Ромео — ее сестра или еще кто, и начала угощать ее воображаемым чаем с лимоном, сахаром и сливками. Подала миссис Ромео невидимую чашку. Она даже не понимала, где находится. Думала, что сидит у себя дома в Мемфисе, а все эти люди

пришли к ней в гости. Когда миссис Ромео уходила, миссис Дот совала чашку чая всем этим сумасшедшим женщинам, и одна из них взяла! Медсестра говорит, что миссис Дот в плохом состоянии и вряд ли когда-нибудь выйдет, но беспокоиться не о чем, потому что она совершенно счастлива и не страдает. Конфеты мы съели сами — а что нам оставалось?

20 февраля 1953

В воскресенье были с папой в кафе «Бон Тон», и папа наблюдал, как Билли Банди считает свои деньги. По словам Билли, чтобы заработать настоящие деньги на верующих, нужен Проводник в Рай. Проводник в Рай — это человек, который может внушить людям мысль, будто он доставит их на небеса. Лучшие Проводники в Рай — это дети и белокурые девушки. Однажды у Билли была белокурая девушка, которая специализировалась на общении со змеями. Денег в ящичек для пожертвований она собирала немерено, но однажды разозлилась на Билли, когда ее укусила змея, и в конце концов сбежала с механиком. В Луизиане был один мальчонка, сын священника, на которого Билли хотел наложить лапу, потому что это был не мальчонка, а истинная золотая жила. Но мамочка с папочкой имели на мальчонку свои виды и не поделились с Билли ни кусочком. Могу поспорить, что мальчик был кудрявым.

Билли зарабатывает около 150 долларов в неделю, для нас с папой это большие деньги, но по мнению Билли — жалкие гроши. Одно время он имел 500 долларов в неделю и теперь на 150 с трудом может прожить. Ему приходится платить алименты двум женщинам на пятерых детей. А не платить он боится, у него до сих пор проблемы с законом из-за продажи картинок «Последняя вечеря» с автографом.

Папа спросил Билли, трудно ли читать проповедь и обязательно ли ходить в семинарию, прежде чем тебя допустят к людям и к ящичку для пожертвований. Билли сказал — нет, нужно всего лишь говорить прихожанам то, что они хотят слышать, а потом напугать как следует, чтобы отдали тебе свои денежки. После чего Билли вернулся к своему занятию — считать и складывать купюры стопками.

Папа беспокоится, потому что страховочные деньги почти закончились, а нужно еще один взнос платить — за землю, на которой стоял коктейль-бар. Может, поэтому он придумал чудо.

Когда я сегодня вернулась, дома были папа и Билли Банди. Папа

втащил меня внутрь, запер дверь и закрыл все окна. Я не понимала, что происходит, но знала, что ничего плохого, поскольку вид у них был радостный. Они усадили меня в кухне за стол и спросили, не хочу ли я чего-нибудь, прежде чем они начнут со мной разговор. Я заказала кока-колу и бутерброд с печенкой, сыром, майонезом и горчицей, что и было мне спешно предоставлено. Билли Банди взглянул на меня и сказал:

— Да, ты очень везучая девочка, потому что твой умный папа придумал чудо, которое обогатит нас и, возможно, принесет тебе известность.

Чудо заключается в том, что я притворюсь, будто утонула, а потом восстану из мертвых в качестве нового Проводника в Рай у Билли Банди. Папа уверен, что сможет сделать аппарат, проецирующий на небо светящийся крест. Договорились, что Билли получает шестьдесят процентов дохода, а мне шиш с маслом. Я как это услышала, сказала папе, что, по моему мнению, он совершил не слишком выгодную сделку. Папа сказал — не волнуйся, все равно это куча денег. Билли Банди — очень хитроумный бизнесмен.

Билли хочет держать меня в царстве мертвых три дня, но папа сказал — нет, хватит и двадцати четырех часов. Он не хочет, чтобы мама прознала об этом, ее ни в коем случае нельзя волновать. Папа твердо стоял на своем, и наконец мы трое пожали друг другу руки. Итак, папе нужно приниматься за работу над аппаратом, а мне — держать язык за зубами.

22 февраля 1953

Вчера папа ездил в Меридиан и купил подержанный кинопроектор. Перед дыркой, откуда выходит свет, он приладил кусочек картона с вырезанным крестом. Вчера около трех часов ночи, когда все уснули, он меня разбудил и мы вышли на берег с удлинителем. И конечно, когда он включил проектор, на небе засиял великолепный крест. Ну голова, а! Теперь осталось только придумать, как заставить проектор работать на батарейках, потому что в день чуда я отвезу его на лодке в море, включу и, когда все увидят крест, потоплю лодку вместе с проектором, чтобы не оставить никаких улик. Очень важно определить время чуда, поскольку надо, чтобы крест увидело побольше людей. Папа и Билли Банди считают, что мы должны это сделать в облачный день. Я и представить не могла, сколько технических сложностей сопутствует чуду.

Чудо идет по плану. Нам нужна лодка. Билли Банди указал на то, что мистер Вентцель, живущий на реке Бон-Секур и сдающий напрокат лодки, скорее всего, не хватится, если одна пропадет. Вчера вечером Билли позаимствовал где-то грузовик, и около часу ночи мы втроем туда отправились. Остановились у реки, не доехав мили две до лодочного причала мистера Вентцеля. Потом Билли велел папе оставаться в машине, а мы с ним отправимся за лодкой. Для Билли этот поход был пустяковым благодаря бутылке виски, к которой он всю дорогу прикладывался, а вот меня заживо жрали комары, рожденные в тихих заводях Бон-Секур. По мне, так было бы намного проще, если бы папа подвез нас поближе, но меня никто не слушал. Поскольку мое доленое участие в чуде равно нулю.

Наконец мы добрались до причала, выбрали лодку и принялись ее отвязывать, как вдруг здорово посветлело. Поднимаю голову, глядь — наверху стоит мистер Колдуэлл, отец девочки-инвалида, и светит на нас мощным фонарем.

— Эй, что тут происходит? — спрашивает он.

Я подумала — все, нам каюк, но тут Билли хватает меня за шею и макает в воду со словами:

— Это я, брат Колдуэлл, провожу крещение для несчастной грешницы, случай очень срочный, требуется немедленное спасение.

И на ходу сочинил целую историю, как я пришла к нему среди ночи, умоляя спасти меня от жизни без Христа. Он говорил и говорил, но я мало что слышала, поскольку он продолжал меня топить, и мне пришлось бороться за жизнь.

Мои барахтанья Билли тут же использовал для пущего вранья:

— Видите, мистер Колдуэлл, как некоторые грешники сопротивляются спасению.

Мистер Колдуэлл, должно быть, поверил и, пожелав Билли удачи в божьем деле, удалился.

Я разозлилась на Билли как черт за то, что так долго держал меня под водой. Сказала, что я за чудо, как и они с папой, но не собираюсь жертвовать ради этого жизнью в столь юном возрасте.

Нам пришлось сидеть в воде, пока мистер Колдуэлл не погасил в доме свет, чему я не слишком радовалась, ведь каждый знает, что воды Бон-Секур кишат морскими змеями. Мало того, когда мы наконец отвязали лодку, Билли заставил меня грести всю дорогу до места, где ждала машина. Лодка оказалась тяжелой, мы еле затащили ее в кузов. Я пожаловалась папе, что Билли посадил меня на весла, Билли поклялся, что это исключительно ради практики, потому что мне придется грести во время

чуда и необходимо потренироваться. В общем, теперь эта лодка у нас в комнате, и мне нельзя никого приводить в гости.

В школе я была такой замученной, что проспала четырнадцатую главу «Нэнси Дрю» — «Джордж потерялся».

27 февраля 1953

Папа всю неделю красил украденную лодку. Теперь она цвета Мексиканского залива — чтобы ее не заметили с самолета. Проектор отлично работает на батарейках. Вчера ночью мы его опробовали.

Еще папа придумал гениальный ход, не зря он работал в кинотеатрах.

В Голливуде часто перед входом в кинотеатры выставляют картонные фигуры знаменитых актеров в натуральную величину. Папина идея такова: сделать из картона Иисуса Христа, Деву Марию и апостолов и на религиозных собраниях ставить их у меня за спиной. Каждую фигуру освещает свой прожектор. Притом одеть их по-настоящему и направить на каждую фигуру вентилятор, чтобы одеяния развевались на ветру. Папа говорит, это придаст драматическую окраску действию и принесет больше денег. А то у него все кончились.

Чудо назначено на следующий вторник, когда по прогнозам «Фармерс Атлантик» будет облачно. В ночь со вторника на среду я надену белую робу, в какой поют хористы, Билли стянул ее в своей церкви. Мы спустим лодку на воду, и я буду грести, пока земля не скроется из глаз. Тогда папа начнет бегать взад-вперед по берегу и убиваться, что его дочурка утопилась в Мексиканском заливе из-за его пьянства. У Билли как раз случайно в машине окажется камера — какое совпадение! — и он сфотографирует крест для газеты.

Ровно в 6.45 я включу проектор и вытащу гвоздь из дыры, которую папа просверлил в дне лодки. Папа считает, что лодке понадобится минут тридцать, чтобы затонуть, так что когда я доберусь до берега на спасательном круге, крест еще будет виден. Заметив людей, я брошу круг и доплыву до берега. Там, где помельче, встану и выйду на берег со сложенными как для молитвы руками и возведенными к небу глазами. Согласно плану, случится это в пять минут седьмого, папа успеет поднять переполох и заставит людей смотреть в мою сторону.

Выйдя на сушу, я, по сценарию, говорю: «Я была на небесах у моего Отца, и Он отпустил меня из царства мертвых, чтобы передать моему папе,

что хватит пить, и еще я должна сказать кое-что важное всем грешникам округа Харвин...»

Тут папа и Билли Банди хватают меня, тащат в дом и держат там три дня, а в пятницу я впервые после смерти покажусь на люди на религиозном собрании. Звучит вроде неплохо.

Девочка из Южной Америки, удочеренная Юными дебютантками, продолжает слать письма, но никто на них не отвечает, так что я все-таки напишу ей и скажу, что миссис Дот заболела, но не волнуйся, мы все равно будем посылать тебе деньги.

Могу поспорить, она вылитая Кармен Миранда!^[70]

2 марта 1953

Я восстала из мертвых. И вы просто не поверите, что было.

Вчера в час ночи я надела балахон хористки и мы втроем с Билли и папой выволокли лодку. Я села и поплыла. С собой мне дали проектор, фонарь, надувной круг, кусачки и несколько батончиков «Питер Пол».

Билли разрешил взять его «Таймекс», водонепроницаемые, противоударные часы, которые я должна выкинуть, когда брошу лодку, потому что человеку, спустившемуся с небес, негоже иметь на руке «Таймекс», так он считает. Пришлось согласиться, хотя я б с удовольствием оставила их себе, раз ему не нужны.

Еще у меня был листок с инструкцией — на случай, если забуду, что делать. Папа сказал — если умеешь прочесть инструкцию, что угодно сумеешь, и вот инструкции читать он меня научил на всю жизнь. Я гребла, гребла и гребла, как можно дальше, и в первый же час съела все батончики.

Конечно, за пять часов сидения в лодке, в темноте, я замерзла. В голову лезли мысли об акулах и о том, что хорошо бы по-настоящему не утонуть.

Честно говоря, пару раз я еле удержалась, чтобы не рвануть назад, но все же удержалась, зная, что папа меня убьет. Когда встало солнце, я кинула взгляд в сторону земли... Лодку прибило к самому причалу! Я схватилась за весла и гребла как бешеная, пока не оказалась на месте, чтобы вовремя запустить проектор.

Было как раз 6.45. Без сил, выжатая как лимон, я включила аппарат, вынула кусачками гвоздь, выкинула отличные часы и выпрыгнула с кругом

из лодки, держа курс к берегу. С пляжа уже доносились голоса, а над водой начали выписывать круги вертолеты. Думала, не дотяну, однако в нужный момент выпустила круг и дальше поплыла по-собачьи.

Добравшись до места, где ноги доставали дна, я встала, глянула на берег и тут же подняла глаза. В жизни не видела столько народу. Довольно затруднительно идти в воде со сложенными для молитвы руками и глядя в небо. Трижды я падала. Надо было потренироваться так ходить, вот что. Когда я вышла на песок, все начали кричать и побежали ко мне — мистер Кертис Хонивелл и его девичья армия, Майкл и все его семейство, полицейские и береговая охрана, да что говорить, весь город бежал мне навстречу.

Первым схватил меня папа и разыграл прекрасную сцену, в точности как Кэри Грант ^[71] в фильме «Грошовая серенада», когда он думал, что его дочурка умирает. Билли Банди носился туда-сюда по пляжу и вопил: «Смотрите на крест, смотрите на крест!» — чтобы уж наверняка все увидели.

Я произнесла свою реплику о том, что сошла с небес с важной вестью, причем повторила дважды, чтобы все услышали. Потом папа уволок меня домой и спрятал в спальне.

Папа не рассказал Джимми Сноу про чудо, и тот примчался с загипсованной рукой. Увидев меня живой, он сел на песок прямо где стоял и заплакал как ребенок. Не обращая никакого внимания на крест. Весь день приходили репортеры и знакомые, но папа и Билли Банди ни с кем не разрешили мне видеться до религиозного собрания.

Я слышала, как папа разговаривал с ними через дверь, обещая больше не брать в рот ни капли спиртного, потому что Господь оставил в живых его дитя. Он сильно переигрывал, к тому же под предлогом того, что хочет поведать доченьку, заглядывал в комнату приложиться к бутылке. Приходила миссис Андервуд, было так жалко, что нельзя с ней увидеться, но папа объяснил, что это может испортить все дело.

Комната была заставлена картонными фигурами, вентиляторами, прожекторами и вывесками, которые гласили: «Приходите поглядеть на Девочку, вернувшуюся из Царства мертвых с посланием от Господа», и миссис Андервуд могла что-то заподозрить.

Папа обещал сказать Джимми Сноу, что я не тонула. Не могу видеть Джимми таким расстроенным. Наверное, про меня напишут в газетах, поскольку ничего более значительного здесь не случилось с тех пор, как сгорел коктейль-бар.

23 марта 1953

До сих пор не пойму, что пошло не так. Папа арендовал для религиозного собрания танцзал через дорогу от нас. Билли Банди объявил по радио, где и когда оно состоится. Еще объявил, что сфотографировал крест и за пожертвование в 5 долларов может послать фотографию желающим. Он прочитал проповедь, основанную на том, как их поведет куда-то дитя, и добавил:

— Пока человек не станет невинен, как ребенок, он не сможет войти в Царство Небесное.

Получилось просто блестяще.

Днем мы пошли в танцзал расставить фигуры, фены и прожекторы и порепетировать. Я должна была ждать в женском туалете, пока Билли прочтет проповедь и расскажет, как он стал свидетелем возвращения меня из мертвых. Папа арендовал орган и нанял мисс Ирму Джин Слоусон сыграть «Давайте соберемся у реки» во время моего выхода на сцену. Он подумал, что песня про воду подходит больше всего, раз я утонула. Ирма Джин в этом году сделала себе имя на съезде Будущих фермеров Америки в Робертсдейле.

Папа уже договорился, что парковка для посетителей будет стоить десять центов, но он и не мечтал, что понаедет столько народу. У многих он даже не смог взять свои десять центов. У человека, которого он нанял продавать питье и хот-доги, хот-доги закончились прежде, чем началось собрание. К семи часам разобрали все складные стулья, которые папа взял напрокат, а люди все прибывали. Билли Банди раздобыл для меня темно-вишневую робу хористок баптистской церкви Магнолия-Спрингз и алмазный нагрудный крест. Это должно было стать моей официальной униформой. Папа подрумянил мне щеки и подкрасил ресницы тушью «Мейбелин», которую одолжил у Рэйтты Уокер (она на него перестала злиться). От меня требовалось только пройтись по сцене с видом святой, немного рассказать о путешествии на небеса и выйти к аудитории с корзинкой для пожертвований.

Поначалу все шло просто отлично. На Билли Банди был черный костюм и галстук-бабочка, и он рьяно распинался про пылающие адские костры и про то, что Господь прислал дитя, дабы все спаслись. Он говорил что-то вроде: «Пустите детей приходить ко Мне». Я не все расслышала из туалета, но людям явно нравилось, поскольку они то и дело кричали «Аминь». Потом он перешел к той части, где я была на небесах и вернулась

из царства мертвых с посланием для живущих. Знаком, что пора выходить, мне должен послужить тройной стук мисс Ирмы Джин Слоусон в дверь туалета. После чего надо досчитать до десяти, чтобы дать ей время вернуться к органу. Я уже вся изнервничалась в ожидании знака, и тут вдруг мисс Ирма Джин влетает в туалет, чтобы им воспользоваться, потом выскакивает и трижды стучит в дверь.

Я досчитала до десяти и вышла на сцену, глядя вверх, как и велел мне папа. Хоть мисс Слоусон и заставила меня поволноваться, она, конечно, стоила тех денег, что заплатил ей папа. Играла она очень громко. Как только я вышла, папа направил на меня прожектор, и я долго стояла и слепо тарасилась, не в состоянии заговорить. Народ меня фотографировал и кричал «Хвала Господу», «Аллилуйя» и всякое такое. Папа два раза мигнул прожектором, прежде чем я набралась храбрости произнести хоть слово.

Я подняла вверх обе руки, как научил меня папа, и действительно, надо же, все замолчали. Да, знает он, как обращаться с людьми. Я сказала, что была на небесах и что Боженька очень красивый. Он и ангелы повелели мне вернуться на землю и прекратить папино пьянство. И еще сказать всем, как сильно нам нужны деньги, чтобы я могла следить за работой Господа во всем штате Миссисипи. Им, кажется, понравилось то, что я говорила. Потом меня понесло, и я начисто забыла запланированную речь. Я говорила, как это неправильно — ловить рыбу, которую не собираешься есть, и оставлять ее на пирсе умирать, и что у зубатки есть душа, я видела много рыбьих душ на небесах, и убивать их — грех. Потом я говорила о том, что нужно быть добрым к цветным, особенно к детям и альбиносам. Я имела много чего сообщить о зле, какие бы формы оно ни принимало.

Я увлеченно излагала свои мысли и вдруг поняла, что меня больше не слушают. Хоть мне и было положено глядеть строго вверх, я все же опустила глаза и увидела мистера Колдуэлла, живущего у реки Бон-Секур, он шел ко мне по проходу и нес девочку-инвалида, Бетти. Мисс Ирма Джин, наверное, испугалась. Она прекратила играть, и стало ужасно тихо. Он поднялся прямо на сцену и сказал:

— Дотронься до моей дочки и исцели ее.

Я не поняла, о чем это он, и стояла столбом, боялась шевельнуться. Папа за своим прожектором тоже пялился на мистера Колдуэлла и Бетти. Я поискала глазами Билли Банди, но он выронил свою Библию и застыл на месте. Ждать помощи от моих партнеров, которые не просветили меня по поводу того, что делать в такой ситуации, не приходилось. Тут мистер Колдуэлл поднял взгляд к небу и громко сказал:

— Пусть ангел Господень дотронется до моего дитя.

Я не понимала, о чем он говорит, и стояла бы там по сей день, если бы Бетти не подсказала:

— Фэй, помоги мне. Положи на меня руки.

В том, как она это произнесла, было что-то настолько щемящее, что хоть я до смерти боюсь дотронуться до калеки, я подошла и положила руки на ее ноги. И тут — странное ощущение — будто электричество прошло через мое тело, через мои руки, прямо в нее.

Все это время я думала: хоть бы не подцепить от Бетти эту инвалидную болезнь. А то мама меня убьет. Ноги у нее были ужасно худые, и на ней были чулки. Скажите на милость, зачем инвалиду носить чулки? Я минут пять стояла, ничего не делая, пока ее отец не поставил ее на ноги.

— Ангел Господень, сделай так, чтобы она пошла, — сказал он мне.

Так это он меня имел в виду, это я была ангелом Господним, о котором шла речь. Я не знала, что делать дальше, поэтому сказала:

— Ты должна пойти! — И снова дотронулась до нее для пущего эффекта.

Как только мистер Колдуэлл отпустил ее, она и впрямь начала ставить одну ногу перед другой, сначала потихоньку, но постепенно расходилась и даже принялась бегать по сцене. Было здорово, пока ее папа не рухнул на колени, плача и крича и славя ангела Господня, который исцелил его дочку. Было в этом что-то неистовое, я бы сказала — он просто играл на публику.

И вдруг зрители обезумели, четверо или пятеро упали в проходах и начали кататься по полу, многие повставали с мест и стали что-то бормотать на непонятном языке, очень популярном среди религиозных людей. Вы бы их слышали. «Гоббл, гоббл, гоббл». Я развлекалась зрелищем, пока какая-то пожилая женщина с криком «Слышу! Слышу! Хвала Господу, я слышу!» не швырнула на сцену свой слуховой аппарат и не заехала мне по голове.

Тут уж все заголосили. Вдруг вся аудитория, переворачивая взятые папой напрокат стулья, ломанулась прямиком ко мне, крича: «Исцели меня, исцели меня!» Папа всегда говорил, что верующие опасны, и я ему верила, так что я подхватила подол своего хорового балахона и рванула прочь. Мисс Ирма Джин, видимо, тоже свихнулась, потому что вдруг начала играть «Если бы я знала, что ты придешь, я бы испекла пирог», ну и какая тут связь с религией, скажите на милость?

Не успела я добежать до туалета, меня поймали и стали дергать за одежду и тянуть за волосы, и деться мне было некуда. Кто-то сорвал с меня алмазный крест. Я звала папу, но его не было. Я толкалась и ударила пару человек и укусила человека с усохшей рукой, о чем позже пожалела. Но по-

моему, меня намеревались убить. Я лежала на полу и пыталась пнуть как можно больше народу и тут увидела Джимми Сноу, который своим гипсом раздавал тумаки этим христианам налево и направо, и с ним был папа, размахивающий картонной фигурой апостола Павла.

Джимми добрался до меня первый, подхватил здоровой рукой и побежал сквозь толпу, неся меня, как футбольный мяч. Папа следовал за нами, размахивая тем, что осталось от Павла, а Билли Банди ударил одного из этих христиан по голове Библией. Мы добрались уже до выхода, и тут кто-то схватил Джимми за ногу, и он упал. Он крикнул мне — беги, убирайся отсюда, и я побежала. Хорошо, что под робой у меня были теннисные тапочки, потому что я промчалась вдоль берега мили четыре на всех парах. Я даже ни разу не оглянулась, пока не добежала до причала, где купила в кредит апельсиновый сок и шоколадку «Бэби Руфь» и заперлась в туалете ждать папу.

Прождала я, наверное, часа два-три, а какие-то рыбачки беспрестанно колошматили в дверь, пытаюсь войти, но я не открыла. Откуда мне было знать, вдруг они христианки под прикрытием. Слышали бы вы, как они меня костерили. Все равно, даже если они не христианки под прикрытием, они рыбачки, которые отнимают жизнь у невинных рыб, так что могут и мужским туалетом воспользоваться. Так им и надо.

Наконец за мной приехал папа. Он сказал, что надо торопиться, потому что полиция ищет его за нарушение общественного спокойствия. Нет времени даже вещи собрать. Мы прыгнули в машину и довольно много проехали, пока я заметила, что папа весь избит и от очков осталась только половина. Вел он одной рукой и раза четыре чудом избежал аварии. В конце концов за руль пришлось сесть мне.

Мы свернули с шоссе и направились к летному полю, где был убит Клод Пистал и где ждал нас Джимми Сноу со своим самолетом. Едва свернув, мы услышали сирены. Дорожный патруль мчался прямо за нами. Папа так перепугался, что потерял оставшуюся половину очков, крутя головой, чтобы посмотреть назад.

Мы чуть не налетели на самолет Джимми, потому что папа не видел тормозов и вместо этого наступал на меня. А я не могла отвести глаз от дороги, потому что рулила. Но все же нащупала экстренный тормоз и потянула на себя, в результате чего мы оба врезались головой в стекло. Папа крикнул: «Беги что есть мочи!» — что я и сделала. Джимми подкатил самолет к нам поближе, но я должна была затащить туда папу, потому что он ничего не видел. Я подвела папу к самолету, Джимми схватил его за шкуру и втянул внутрь, и меня втянул, но патрульный успел схватить меня

за ногу. Джимми вырулил самолет в поле, и моя теннисная туфля осталась в руке полицейского! Слышали бы вы, как он ругался.

— Стоять, черт бы вас побрал, стоять!

Вряд ли служителям закона положено ругаться, однако они ругаются.

Папа ныл как заведенный:

— Ну что там? Ну что там?

Жаль, он не видел того, что сделал Джимми. Он нажал на кнопку, и вдруг из хвоста самолета полетел порошок ДДТ и накрыл патрульную машину. Им пришлось затормозить, тогда Джимми развернул самолет, мотор взревел, и мы оторвались от земли. Мы пролетели до самой Флориды, до города под названием Кей-Уэст, опыляя иногда поля для развлечения.

Первое, что сделал папа, когда мы приземлились, это купил себе новые очки, а мне теннисные туфли. Я до тошноты объелась лаймового пирога.

Джимми, вернувшись домой, попросил Пичи Уигам приютить мою Феликс. И вот сижу я теперь в каком-то старом уродливом отеле в Кей-Уэст, штат Флорида.

Папа устроился киномехаником в кинотеатр, но есть и плохие новости. Позвонила мама, разъяренная донельзя. Кто-то прислал ей газету «Магнолия-Спрингз» со статьей о том, как я утонула и воскресла. Могу поспорить, этот «кто-то» — родительница Кей Боб Бенсон. По словам мамы, папа просто псих — такое святотатство удумать, и жить мне больше с ним нельзя.

Если бы эти христиане не обезумели, я бы заработала кучу денег и купила ей шубу из серебристой лисы и крокодиловую сумочку. Тогда бы она небось не так злилась.

В общем, мама едет сюда, чтобы сдать меня в католическую школу-интернат в Бэй-Сент-Луисе, Миссисипи. Ну и кто теперь, спрашивается, будет писать этой девочке из Южной Америки? Кей Боб Бенсон? А может, дочери ловцов креветок? Навряд ли.

1956

22 июня 1956

Мама умерла через неделю после того, как закончился мой первый год в средней школе,^[72] так что я больше не буду ходить в школу-интернат. Я теперь снова в Шелл-Бич с папой, который очень тяжело переживает ее смерть. Ведь мы даже не знали, что она больна. Я ее не слишком часто видела в последние три года, потому что на лето тоже оставалась в школе.

Последний раз мы встречались, когда она приезжала ко мне на Рождество, а я только и делала, что жаловалась и ныла, как ненавижу эту школу. Она немного похудела, но я даже не представляла, что она больна. В июне позвонила бабушка, сказала, что мама в больнице, но пока мне удалось добраться до Виргинии, она уже умерла от рака. Никогда себе не прощу, что не поехала раньше.

На похоронах я на нее даже не посмотрела, не могла. Я знала, что в этом гробу не мама. Моя мама не может лежать в таком маленьком ящике.

Каждый раз, как звонит телефон, я думаю, что это она, и все время ловлю себя на мысли, что жду письма от нее. Не могу поверить, что ее нет.

Священник на похоронах стоял и говорил про нее всякие слова, а сам даже не был с ней знаком. Мне хотелось его убить. Я начала орать, чтобы заткнулся и отошел прочь от моей мамы, и меня вывели из церкви. На кладбище я не пошла. Не могла смотреть, как ее закапывают в землю.

Неделю спустя я пошла на ее могилу. Там даже могильного камня не было, просто холмик, и я не уехала из Виргинии, пока ей не поставили камень. Я так и не купила ей шубу из серебристой лисы и крокодиловую

сумочку. А могла бы, если бы постаралась, могла, да не постаралась. У меня остались только ее кольцо для вечеринки и фотография, которую она мне подарила, когда мне было одиннадцать.

Вот ее последнее письмо:

Дорогая Дейзи,

Прости, что не получилось приехать к тебе на день рождения. Просто не верится, что моей девочке пятнадцать. Надеюсь, подарки тебе подойдут по размеру. Жаль, что мало. Надеюсь, это будет лучший день рождения в твоей жизни. Хотела прислать тебе пальто, да зарплаты едва хватает на оплату жилья. Дейзи, надеюсь, мой пример послужит тебе уроком и ты будешь умнее. Получи образование. Когда ты станешь старше, надеюсь, ты поймешь, что мы с папой просто не могли жить вместе и с тобой это никак не связано. Мы оба тебя очень любим. Мы не хотели, чтобы так получилось. Я вышла за твоего папу, думая, что он обо мне позаботится, но он не смог. Теперь оказалось, что сама я с трудом могу себя прокормить. Старайся брать пример с бабушки. Ни на кого нельзя рассчитывать. Я это слишком поздно поняла. Но для тебя еще не поздно. Моя мама всегда считала меня глупой, и, наверное, была права. Я верила, что если полюбишь человека и станешь ему хорошей женой, то жизнь удалась, но дело не всегда только в этом. Сейчас я могу тебе дать только свою любовь. Каждый день по тебе скучаю. Жаль, что ты сломала очки. Как ты умудрилась на них сесть? Если не получится пластырем склеить, скажи папе. Помни, что ты — это лучшее, что со мной случилось. Я так тобой горжусь. Если бы тебя не было, я бы не выжила. Постарайся так не огорчаться из-за папы и меня, дорогая. Что бы ни случилось, ты — лучшая часть нас обоих. Прости, что так серьезно, но трудно поверить, что моя девочка так быстро растет. Я тебя люблю.

Твоя мама

Я уже неделю дома, и сегодня первый день, когда мне захотелось

выйти.

Майкл и его мама пришли меня навестить. Он классно выглядит и здорово вырос. Сказал, что сочувствует мне. Он собирается стать священником. Мы посмеялись по поводу той истории с Тауни Кисточкой, и я сказала, что дождусь, когда он станет епископом или кем там он собирается стать, и приду его шантажировать. Он не пойдет вместе со мной в среднюю школу Магнолия-Спрингз, а поедет учиться в семинарии «Спринг-Хилл» в Мобиле, штат Алабама. Мне его будет не хватать.

Конечно, у меня всегда остается Кей Боб Бенсон, и я вся в предвкушении.

Сегодня днем ходила к Пичи Уигам. Они с Улой Сур очень обрадовались, а уж как я была рада их видеть! Они сказали, я ничуть не изменилась, разве что повыше немного стала. Моя старая кошка Феликс растолстела, как свинюшка, и совершенно меня не узнала. Они спросили, хочу ли я ее забрать, но я сказала — нет, можете ее оставить. Если я ее заберу, это разобьет сердце им обоим. Феликс спит на стойке бара и разбалована донельзя.

Папа потерял землю, которой владел, и теперь ведет дела мотеля «Фламинго» вместо переехавшего назад в Тупело хозяина. У меня собственная комната в мотеле. Все бы ничего, но расположена она прямо рядом с баром, где вечерами шумновато.

Угадайте, кто прислуга в мотеле! Вельвета Причард! Она не может на меня смотреть без слез, все из-за мамы. Я стараюсь быть с ней дружелюбной, это меньшее, что я могу сделать, ведь мама так ее любила. Я ей сказала, что мама все время о ней спрашивала.

Ничего нельзя поделаться с папиным пьянством. Он старается, но ему это трудно, тем более сейчас он бармен в мотеле. Почти каждое утро я просыпаюсь от шума — это волокут папу в его комнату. Похоже, папа не может налить выпивку без того, чтобы самому не приложиться.

Старый безумный Джимми Сноу живет в мотеле вместе с папой. Ему тяжело найти работу в последнее время, потому что он еще трижды попадал в аварию. Вряд ли он когда-то изменится, и пьет не меньше прежнего. Они с папой друг друга стоят. Папа слышал от мистера Вентцеля, что Бетти вышла замуж за славного парня, дантиста. Они живут в Меридиане, и у них родилась дочка. Угадайте, как ее называли. Дейзи Фэй! Ну кому придет в голову называть ребенка Дейзи Фэй, без необходимости-то?

Слава богу, полиция так и не раскрыла убийство Клода Пистала. Я жуть как беспокоилась. Каждый день ждала вестей, что папу и Джимми

Сноу посадили в тюрьму. Рэйтта Уокер переехала в Пелл-Сити, Миссисипи. Надеюсь, она не проболтается. Ни папа, ни Джимми Сноу никогда не заговаривают об убийстве даже спяну, и я тоже об этом ни гугу. Миссис Дот до сих пор в больнице. А в остальном в Шелл-Бич все по-прежнему. Построили несколько новых мотелей и коттеджей, но не много. Народ все так же мечтает переехать во Флориду. Папа считает, что жители Флориды должны приехать в Шелл-Бич, и тогда мы все разбогатеем. Пусть уж поторапливаются, что ли.

Не знаю, рада ли я, что пойду в среднюю школу Магнолия-Спрингз. Теперь мне кажется, что я даже полюбила свой интернат. И почему говорила маме, что мне там плохо, не пойму. Называется интернат Академией матери Марии. Я там была старшей пансионеркой. Нас было всего тринадцать, остальные только на занятия приходили. Мне не нравилось, что я не могу ночевать дома, но по вечерам там стояла такая тишина, и мне не приходилось делать уроки, потому что моя учительница была дежурной в спальне и сказала: можешь не делать, я и так в курсе, что ты все знаешь. Ее звали сестра Джуд. Я уверена, что на самом деле она кинозвезда Джун Хейвер. Я читала, что Джун Хейвер постриглась в монахини, и периодически спрашивала сестру Джуд, не была ли она в миру Джун Хейвер, но она всегда отвечала — нет. Хотя я до сих пор уверена, что так оно все и было.

Она спала в моей спальне, на соседней кровати. Кровати окружали занавески, которые полагалось на ночь задергивать. Но никто, кроме монахинь, этого не делал. Я заглянула за занавеску сестры Джуд. Там стояла только кровать и комод без зеркала. Монахиням не положено смотреть на себя в зеркало. Это грех или что-то в этом роде. Я спросила, а как же она по утрам надевает чепец без зеркала, и она ответила, что научилась делать это на ощупь. Была у нас в седьмом классе одна девочка гречанка, Патула, которая божилась, что монашечки купаются одетыми. И поверите, еще она уверяла, что монахини бреют головы. Я всеми способами пыталась застать сестру Джуд без чепца и подсмотреть, есть ли у нее волосы.

Патула была настолько без царя в голове, что приставала к монашкам с вопросом, носят ли они бюстгальтер. И знаете, что ответила сестра Джуд? Сказала — да, если необходимо, носят.

Дело в том, что сестра Джуд, по-моему, не хотела становиться монахиней. Впрочем, не уверена. Она из очень бедной семьи, и ее вроде как вынудили уйти в монастырь. Не знаю, правда это или она в самом деле Джун Хейвер, а всю эту историю выдумала, чтобы сбить меня со следа.

Она показала мне свою детскую фотографию, где как две капли воды похожа на Джун Хейвер, только с темными волосами.

В первую неделю мне пришлось убирать в часовне, и я по ошибке поставила тряпки и швабры в исповедальню, думая, что это кладовка для щеток. Когда на следующий день отец О'Коннел пришел слушать исповеди, он наступил в ведро, запутался в тряпках и упал. Сестра Джуд сразу взялась меня выгораживать, мол, я не католичка, чего же вы ожидали.

Остальные девочки были нормальные, но встречались с мальчиками и ходили на танцы, куда меня не приглашали, так что мы не особо сблизились. Я была рада, что со мной дружит сестра Джуд. А то девчонкам лишь бы удрать на футбол поболеть за ребят. Да и священник не лучше. Одна маленькая девочка однажды выбежала из церкви и сказала, что он положил руки ей на грудь. Когда я рассказала это матери-настоятельнице, та попросила меня никому больше не говорить об этом, потому что он родом из Ирландии. А там все по-другому. Напомните, чтобы я не ездила в Ирландию!

Ненавижу вообще священников. Они себя такими умными считают. Вы знали, что женщин не допускают к алтарю, разве только затем, чтобы прибраться? Они считают женщин недостаточно чистыми! Сестра Джуд чуть не уморила себя молитвами на коленях перед алтарем. Я прямо не могла на нее смотреть, ушла. На следующий день я пошла и исходила там все вдоль и поперек, ни разу не преклонив колена. Кто сказал, что священники лучше монашек?

21 сентября 1956

Начались уроки. Пикл Уоткинс будет моей лучшей подругой до самой смерти. В первый день девочка по имени Дикси Нэш обозвала меня грязной макрелью, потому что я пришла из католической школы. А я ее — баптистским бабуином. После школы, когда они с подружкой стали меня пихать, Пикл подошла и велела им отвалить. Нэш обозвала ее деревенщиной. А она врезала ей и сказала:

— А ты водишь шашни с матросами, белая шваль.

Я лягнула другую девчонку. Мы повалили их обеих, но нас прервали подросшие учителя. А эти девчонки довольно крепкие. Нас с Пикл спасло только то, что я была в кожаных туфлях, а Пикл в мокасынах с металлическими набойками, а те двое — в картонных балетках, которые

бьют-то совсем не больно.

Дикси Нэш немного поцарапала мне щеку ногтями. Пикл заставила меня пойти к ней домой, а то от этой девицы можно запросто подцепить бешенство или какую-нибудь венерическую болезнь. Она помазала мне лицо мазью.

У Пикл рыжие кудрявые волосы и веснушки, и роста мы одинакового. Можем носить одну одежду! Ее семья переехала сюда три года назад из Оппа, штат Алабама. Оказывается, она слышала, как я воскресла из мертвых, и всегда хотела со мной познакомиться. У нее есть брат Лемюэль и младшая сестра Джуди, которую все зовут просто Малой. Они живут на ферме в четырех милях от города. Пикл играет в оркестре, хочет и меня туда затащить. Ноты знать не обязательно. Им просто нужны хорошие ребята, чтобы оркестр казался больше. Из остальных тоже мало кто умеет играть. Пикл у них — первый тромбон.

Она не собирается выходить замуж, как и я. Может, нам удастся поступить в один колледж и вместе снимать комнату в Нью-Йорке. Я у них осталась на ночь. Мама у нее очень добрая, да и папа ничего, но он заставляет всех читать молитву перед едой. Он дьякон в церкви. Похоже, они его боятся.

Сегодня Пикл дала мне поносить свое жемчужное ожерелье. Я перевернула кофту задом наперед, чтобы пуговицы не мешались.

Мы пошли знакомиться с мисс Филпот, руководителем оркестра, она сказала, что рада меня принять. Из инструментов остался только саксофон, ну да ладно, что ж делать. Я хотела тубу. Мне придется носить старую синюю униформу сороковых годов, потому что новых, золотых, оркестр смог себе позволить только двенадцать штук, и в них ходят ребята, которые умеют играть. У Пикл золотая. Моя мне жуть как не нравится. Я в ней похожа на водителя автобуса. Пикл — важная персона в школе, она собирается пробиться в команду болельщиц и меня с собой тащит. Мне придется изменить расписание выбранных предметов, чтобы ходить с ней на занятия для Будущих домохозяек Америки.^[73] Я сказала, что не хочу быть будущей домохозяйкой. А она говорит, что тоже не хочет, ее папа заставляет. Зато, говорит она, мы здорово повеселимся, потому что учительница совсем старенькая и можно будет сбегать.

Я видела Вернона Мусбургера и Пэтси Руфь Коггинс, а Эми Джо Снайпс влюбилась. Зануда невыносимая! Только и разговоров, что об ее мальчике, Натане Уилли, и как она носит подаренный им золотой футбольный мячик, и это почти что обручальное кольцо. Видели бы вы Натана. По словам Пикл, он тупой как пробка.

Флика Хикс теперь знаменитый футболист. Он меня даже не вспомнил. И что хуже всего, Кей Боб Бенсон — первый тамбурмажор. Увидев меня, она изрекла: «Дейзи Фэй, ты ничуть не изменилась», а это оскорбление, потому что я стала старше и у меня новые очки. Она устраивает в честь нового учебного года вечеринку с неприличными танцами. Я, разумеется, не приглашена, так что Пикл тоже не идет. Кей Боб Бенсон каждый день ездит домой обедать и гладит одежду для вечерних уроков.

И про них с Фликой постоянно пишут в школьной газете как о неразлучной парочке. Мерзопакость в квадрате!

27 сентября 1956

Я ходила в начальную школу повидаться с миссис Андервуд, которая прислала мне письмо по поводу моей мамы. Я люблю миссис Андервуд, но не хотела говорить с ней о маме. Даже с Пикл о ней не говорю. Я до сих пор о ней думаю, и скучаю, и жалею, что нет возможности сказать, как я ее люблю. Я не знаю, догадывалась она об этом или нет.

Если я когда-то сомневалась, что Бога нет, то теперь нисколечко не сомневаюсь. Вот в этом папа был прав. Пикл жалеет, что ее отец не умер вместо моей мамы. Она его ненавидит, и Лемюэль с Малой тоже.

Лемюэль сходит по мне с ума и хочет встречаться. Он высокий и худой, со стрижкой «флэп-топ» — плоская макушка, и вообще классно смотрится. Пикл сказала, что я могу с ним встречаться, пока не узнаю получше, но если он что-нибудь эдакое удумает сотворить, она его убьет, потому что мы собираемся вместе пойти в колледж. Когда я остаюсь ночевать у Пикл, Лемюэль достает нас, пытаюсь подглядеть, как я смотрюсь в пижаме. Пикл считает его дегенератом. Ее отцу не нравится, что Пикл ходит в мотель «Фламинго». Он очень строгий и ненавидит моего папу за то, что тот не стал вступать в Совет белых граждан, — это другое название куклуксклановцев.

Майкл Ромео раздумал быть священником и вернулся. Сказал, кормят там ужасно. Мама его в ярости, а я вот рада. К тому же мне нужен его голос, чтобы меня и Пикл взяли в команду болельщиц. Решает футбольная команда. За нас уже проголосовали Вернон Мусбургер и Лемюэль, брат Пикл, и все его друзья, и Эми Джо Снайпс за нас, она утверждает, что ее разлюбезный Натан за нас проголосует, потому что иначе она не будет делать «сами знаете что», что бы это ни было. Если «сами знаете что» —

это то, что мы думаем, то Натан наверняка отдаст нам свой голос.
Завтра попытаемся. Вот наше приветствие:

Рикети, рикети, рэк,
Рикети, рикети, рингз
Мы тебя любим, Магнолия-Спрингз,
Кто из Магнолия-Спрингз, детвора?
Вставай и кричи «Ура!»

2 октября 1956

Пикл меня обманула. Миссис Мак-Винни, учительница Будущих домохозяек Америки, вовсе не так стара. Из ее класса и муха не вылетит. Пока она прочла лекции на тему: «Как лучше всего использовать крахмал», «Как заморозить яйца» и «Как вытирать пыль обеими руками». Сегодня нам пришлось смотреть слайды различных срезов мяса. Пикл совсем сбрендила. Она хочет выиграть значок Домохозяек завтрашнего дня имени Бетти Крокер, награду в соревнованиях по домоводству, и я должна ей помогать. Она же в обмен учит меня играть на саксофоне. Это дело непростое. Обломанный зуб царапает мундштук инструмента. Пикл повторяет: пусть я сдохну, но ты выучишься у меня играть «Леди Испании».

Мы в команде болельщиц! Агааа! Пикл выяснила, что за нас проголосовали все мальчишки до одного, включая Флику Хикса. Эми Джо Снайпс права. «Сами знаете что» — мощнейшее орудие, его мощности хватило, чтобы нас взяли в команду. У Натана довольный вид, и скоро у нас первая игра. Каждый день в период репетиций оркестра, когда мы маршируем по улицам, горожане закрывают двери и окна, так ужасно мы играем. Я во всех песнях играю одно и то же — «Леди Испании», но два марша — «Звезды и полосы» и «Всегда верен» — довольно сносно ложатся на ритм «Леди».

Мисс Филпот психует и смолит одну за другой. Зачем только она взялась руководить оркестром с эдакой чувствительностью к громким звукам. У них любовь с мистером Нэрни, тренером футбольной команды, хотя мне лично он кажется просто гориллой. Он приказал мальчикам не иметь с девочками никаких дел во время сезона игр, а то всю силу

потеряют. Еще мальчикам нельзя забавляться самим с собой, но, по рассказам Пикл, Лемюэль постоянно нарушает запреты тренера. Вот животное! Пусть только попробует хоть до руки моей дотронуться. Да что с ними вообще такое, с мальчишками? Пикл о них все знает и никогда никому не даст ничего с собой сделать. Они тебе что угодно наговорят, лишь бы это сделать, а потом всем раззвонят и перестанут тебя уважать. Слышали бы вы, что они болтают о Дикси Нэш, девочке, которую мы поколотили.

Репутация — это главное. У нас с Пикл отличная репутация. Иначе бы нам ее брат сказал. Мальчики однажды заглянули в бумажник мистера Нэрни и нашли резинки! Никто ничего не говорит дурного об Эми Джо Снайпс и Натане, они это делают, потому что любят друг друга.

Кроме того, Натан убил бы всякого, кто трепанет языком.

Пикл рассказывала, как однажды в машине на парковке нежничала влюбленная парочка, и тут в них сзади врезалась другая машина, и мальчик откусил девочке сосок, так она и шла дальше по жизни с одним соском.

Пикл не примет от мальчишки даже стакан с лимонадом, потому что они подкладывают в питье испанскую мушку, от которой девочка шалееет и все им разрешает. А ее история про девочку на автостоянке и рычаг переключения скоростей так похабна, что даже язык не поворачивается пересказывать.

9 октября 1956

Я переехала в комнату на двоих в самом конце мотеля. Не могу больше жить рядом с баром, там сплошной ор и визг. Я так разозлилась, что стянула оттуда бутылку виски «Джек Дэниелс» и теперь пью, чтобы уснуть. Вчера ночью подъехали какие-то пьянчуги в автомобиле с открытым верхом и наяривали на трубе.

Когда Джимми Сноу здесь, он старается утихомирить народ. Но сейчас он опыляет поля в округе Мэнсон. Если заработает достаточно денег, купит мне новую одежду, что будет как нельзя более кстати. Это важно — хорошо выглядеть. Не могу же я постоянно носить вещи Пикл.

Мы общаемся с выпускниками, и если хочешь быть на хорошем счету, надо одеваться прилично. Пикл говорит, что встречаться надо только с мальчиками из выпускного класса. Одного она уже подцепила, Мастарда Смута. Хотя и не влюблена. Просто ей нужно, чтобы ее видели с

выпускником. Марион Юджин, дружок Мастарда, собирается пригласить меня, чтобы устраивать двойные свидания.

Наше первое выступление на футболе провалилось со страшным треском. В первой четверти с Вернона Мусбургера сбили шлем, эта тяжелая штука слетела и ударила по правому колену Мадж Фейрклос, лучшую танцовщицу из нашей команды болельщиц, и ее пришлось уносить с поля. Вернону надо вату набивать под шлем, чтобы держался на голове.

За пять минут до окончания второй четверти мы с Пикл побежали переодеваться из костюмов болельщиц в оркестровую форму, но какой-то идиот запер дверь раздевалки. Мы помчались наружу, и мне пришлось выбить окно, чтобы влезть. Пикл — одна из немногих, кто умеет играть, плюс к этому мы обе — важная часть построения, особенно когда изображаем слово ВПЕРЕД. Короче, кое-как мы переоделись и присоединились к оркестру, когда он уже выходил на поле. Мисс Филпот перенервничала и слишком рано подала команду «на выход». Мы вышли, когда игра еще не закончилась, и помешали нашей команде заработать тачдаун. Бас-барабанщик уронил палочки, стараясь увернуться от игрока, и ему пришлось барабанить кулаком.

Мы выстроились в форме колокольчика и сыграли «Школьные деньки» и «Динь-дилидон — звенит колокольчик». Прошло нормально. Потом сыграли «Домашний любимчик учительницы» и перестроились в большое яблоко.

Когда я шагала мимо Эдвины Уикс, которая играет на тарелках, она завопила: «Глянь на свою руку!» Я порезалась, разбивая окно, и кровь капала на саксофон. Я надеялась, что не умру в качестве составной части яблока на футбольном поле Магнолия-Спрингз. Нелепая была бы смерть.

Времени размышлять у меня не было, потому что все перестраивались в слово ВПЕРЕД и играли «Мистер Тачдаун, США», кроме меня, я, разумеется, играла «Леди Испании». Потом мы выстроились в большой футбольный мяч с тамбурмажорами в центре, которые изображали шнуровку. Каждый раз, как Эвина Уикс оказывалась рядом, она вопила: «Глянь на свою руку!» — и скоро она всем стала кричать: гляньте, гляньте, мол, на ее руку. Пришлось целую вечность стоять и ждать, пока Кей Боб Бенсон в своем дрянном синем военном костюме с блестками выделяет фокусы, управляясь сразу с двумя жезлами, подкидывая их по очереди и ловя сзади за спиной. И ведь ни разу не промахнулась.

К этому времени у меня вся рука была в крови. Я подумала: если придется умереть, пусть это случится посреди номера Кей Боб Бенсон, чтобы уж напакостить ей напоследок.

Когда мы ушли с поля, Эдвину Уикс вырвало, а Пикл перевязала мне руку моим гольфом, чтобы остановить кровь. Костюм болельщицы, конечно, проигрывал без одного гольфа, но ничего другого нам не пришло в голову. Мы выступали до конца, и наши победили.

После этого болельщицы должны выбежать на поле, обнять футболистов и сказать, какие они молодцы. Батюшки, ну и пахнут же они! Никто не предупреждал меня, что они будут такие потные и вонючие. Наверно, мой командный дух слабоват.

Сегодня запястье у меня заклеено пластырем и смотрится классно, можно подумать, я хотела свести счеты с жизнью. В школу я явилась в черных очках, и Пикл всем сказала, что я пережила серьезную личную драму и лучше меня об этом не спрашивать. Видели бы вы, как на меня все смотрели! Завтра мы разыграем в школе эту серьезную личную драму, надо только придумать все как следует. Думаю, она будет иметь отношение к Тони Кертису^[74] и его недавней женитьбе.

11 октября 1956

Джимми Сноу вернулся и подарил мне 25 долларов. Мы с Пикл пошли по магазинам, вооружившись журналом «Севенти». Я купила пару белых кожаных мокасин и несколько воротничков, в том числе один меховой на зиму, ненавижу воротнички, но Пикл они нравятся, а еще несколько свитеров и пару новых юбок.

Пикл уверена, что когда похолодает, нас пустят к Батарее для выпускников. У выпускников есть специальная батарея в конце коридора, рядом с кабинетом директора, вокруг которой они зимой греются. И хотя мы еще только в десятом учимся, но если станем популярны, нас могут и принять. Приходится прилагать много усилий, чтобы завоевать популярность, всем подряд улыбаться, даже тем, на кого смотреть тошно.

Ходили мы с Мастердом и Марионом Юджином в кинотеатр для автомобилистов «Втулка» на двойной сеанс: «Земля против летающих тарелок» и «Лачуга на шоссе 101» с Терри Мур и Фрэнком Лавджоём.^[75] Все шло хорошо, пока не началась «Лачуга на шоссе 101». Мальчишки набулькались пива и посчитали слово «лачуга» таким смешным, что всякий раз, как его произносили с экрана, они корчились от смеха и визжали. Пикл заставила Мастерда перелезть на заднее сиденье, а я села рядом с ней на переднее и смотрела кино. Картина-то хорошая, вся про шантаж и

преступления.

Мы с Пикл решили написать Терри Мур, сказать, что она слишком часто снимается в фильмах о преступлениях и грабеже. Пусть бы сделала смешной фильм, комедию, или, может, мюзикл, а то все эти злодеяния могут дурно повлиять на ее характер.

15 октября 1956

Я больше никогда в жизни не смогу ни на кого из школы глаз поднять. Меня так никогда в жизни не унижали. Впору бросить школу и идти работать на картофельный склад вместе со слабоумными. Моя лучшая подруга сейчас могла бы меня поддержать, но она прилегла поспать в соседней комнате. А виноват во всем ее дурацкий брат, который привел этого дурацкого мула к этому дурацкому бассейну.

Мы с Пикл с удовольствием плавали. На мне был отдельный купальник с цветочками и резиновая шапка с такими же цветочками. И тут Лем привел этого кретинского мула и предложил:

— Давай прокачу тебя на Мелассе.

Я ответила, что боюсь ездить на лошадах. Он говорит — не бойся, я просто повожу его по парку.

Моя дорогая подруга Пикл сказала (цитирую):

— Да ладно, пойди покатайся, он у нас смирный, как ягненок.

Я взгромоздилась на зверюгу, а на нем вместо седла индийское покрывало. Спрашиваю Лема, за что же мне держаться.

Он говорит:

— Держись за мула.

Я спрашиваю:

— Ему не будет больно?

Он:

— Нет, мулы ничего не чувствуют.

И повел меня по парку, но я испугалась, вспомнив историю миссис Дот о девушке из Мемфиса, которая упала с лошади. Животное наступило ей на правую грудь и раздавило, теперь она с одной ходит. И я попросила Лема посадить меня.

И в это мгновение Меласса, который, по словам Лема, ничего не чувствовал, ужалила пчела, и он сорвался с места и развил бешеную скорость. Галопом он вырвался из парка и помчался по шоссе номер 3.

Пришлось держаться одной рукой за гриву, а другой за очки. На каждом прыжке я подскакивала фута на три. Я непрерывно орала «Тпру, тпру!», но бестолочь Меласс даже не подумал остановиться. Примерно через полмили я увидела, что навстречу мне едут джипы, полные солдат. Им пришлось свернуть на обочину, чтобы меня не сбить, а когда я скакала мимо, солдаты провожали меня улюлюканьем и свистом, от души колотя ладонями по бортам. Вот тогда-то я и обнаружила, что верх от моего купальника слетел и я скачу по шоссе голая. Там выстроились штук двести джипов, и прикрыться руками я не могла, потому что убилась бы.

Пришлось выбирать между достоинством и смертью, и я едва не выбрала смерть. Слышали бы вы, как изгалялись эти солдаты. Можно подумать, они никогда не видели голой девушки верхом на лошади. Господи боже мой, даже я читаю «Нэйшнл джиографик».

Меласс свернул с шоссе и, проскакав три поля, вернулся к дому Пикл. И остановился точнехонько перед Лемом, с которым стояла половина футбольной команды Магнолия-Спрингз. Увидев среди них Флику Хикса, я кинулась в дом и спряталась в комнате Пикл, но она все еще ждала меня у бассейна. Когда она наконец вернулась, я рассказала ей, что случилось, и Пикл постаралась успокоить меня, сказала, что ребята наверняка ничего не заметили, потому что, скорей всего, пялились на мою цветастую резиновую шапочку, она ведь такая красивая — глаз не оторвать.

Надеюсь, она права, но мне все равно хочется умереть от стыда. А что, если в армии узнают мое имя и в газете напечатают, как я скакала по шоссе с голой грудью? Тогда у нас не будет шансов когда-нибудь попасть к Батарее для выпускников, хотя Пикл готова поклясться на Библии, что это была не я.

Кроме того, в жизни мне не было так больно. Может, я теперь никогда не смогу сесть на задницу, но зато гораздо больше уважаю ковбоев. Одно могу сказать: мистер Лемюэль Уоткинс очень пожалеет о содеянном, когда наденет жокейскую рубашку, в которую мы с Пикл напихали ядовитого плюща.

18 октября 1956

У Пикл неприятности из-за того, что осталась у меня ночевать. Когда она вернулась на следующий день из школы, отец обвинил ее в том, что она провела ночь с мальчиком. Я узнала об этом только потому, что,

переодеваясь на физкультуру, увидела у нее на спине огромный красный след от ремня. Пикл не призналась, откуда он, но ее сестренка объяснила, что отец всегда их бьет, если думает, что они были с мальчиком. Она сказала, что Лем однажды пытался убить отца, когда тот лупил Пикл. Его чуть не отправили в исправительную школу. Теперь только и ждут, как бы от него избавиться.

Интересно, почему Пикл никогда об этом не рассказывала. Наверное, ей стыдно. Мой папа, может, и пьет, но зато никогда не поднимет на меня руку. Я так расстроилась из-за Пикл, что забыла о собственном позоре, спасибо хоть мне напомнила Кей Боб Бенсон, которая с тремя своими подружками вошла в школу и заметила:

— А вот и Леди Годива.

Я точно знаю, ей сказал Флика Хикс. Как пить дать, он!

26 октября 1956

Мы опять выиграла, и на сей раз оркестр выступил нормально. Мы представляли шоу джунглей, строились в форме африканского континента и в форме двух африканских барабанов, сыграли «Медовый месяц в Абадабе». Когда Кей Боб Бенсон крутила два светящихся жезла, на стадионе выключили весь свет. Потом мы перестроились в охотничью шляпу и сыграли «Охоту», потом — в череп с костями и сыграли «Доктор Ведьма».

Во время матча Натан Уилли получил травму, и Эми Джо Снайпс в истерике выбежала на поле с подающим воду мальчиком и тренером, и ее пришлось оттащить от Натана. А он всего-то навсего растянул лодыжку.

После матча мы пошли в «Прялку», я залезла в багажник машины Пэтси Руфь и свесила наружу руку, измазав ее кетчупом, но никто не заметил, только свитер испачкала. Натан расхаживает, используя Эми Джо Снайпс в качестве костыля. Ей нравится. Из нее получится идеальная женушка. По-моему, у нее на мозгах ортопедические скобки. Если мне придется еще раз обнимать этих футболистов, я ЗАКРИЧУ. Неужели нельзя проиграть!

Вельвета нашла у меня под кроватью кучу пустых бутылок из-под виски и спросила, откуда они. Папины — ответила я. Понадеялась, что она будет держать рот на замке. Мне до сих пор трудно заснуть. Папу я больше не вижу. Джимми за него беспокоится и пытается затащить к врачу. Папу

рвет кровью, но пить он не прекращает.

Пикл сводит меня с ума. Может думать только о Батарее для выпускников. Она здорово сечет математику, а у меня с алгеброй большие проблемы. Мне плевать, равен икс зет или нет. Такое ощущение, что приходится учить уйму абсолютно ненужной чепухи. Единственное, что мне нравится, это английский, но только не грамматика. Пикл может даже составить схему предложения. Позволили бы мне выбрать специальным предметом труд, но нет, разве можно девочке-то. Я выбрала вождение, но провалю и его, потому что устроила лобовое столкновение на симуляторе.

Отец Пикл укатил из города на собрание Совета белых граждан, и мы все — Лем, Пикл, Малая и Майкл — поехали на его тракторе в кинотеатр для автомобилистов «Втулка», где посмотрели «Тысячеликое чудовище» и «Капюшон кобры».

Натан и Эми Джо Снайпс тоже там были. Но вряд ли что видели.

Пикл пристаёт, что надо курить «Кентс», потому что девочки из старших классов все курят. Ну и гадость. Я говорю, что курить «Кентс» — все равно что курить «Тампакс».

На днях в школу приезжал автобус с рентгеновской аппаратурой. В актовом зале они через репродуктор во всеулышание называли имена девочек, кто должен еще раз пойти сделать рентген. Их снимки не приняли, потому что у них были подставные резиновые груди, и наша великая и прекрасная тамбурмажорка Кей Боб Бенсон была названа в числе первых. Ха-ха.

1 ноября 1956

Пэтси Руфь Коггинс самостоятельно сшила юбку на швейной машинке на уроке Будущих домохозяек Америки. Когда прозвенел звонок, она вскочила и оторвала от машинки ручку. Ее папе придется оплачивать целую машинку. Завтра у нас лекция о маленьких бытовых электроприборах и как ими пользоваться.

Наши снова играли. Оркестр сыграл «Прекрасный мечтатель» Стивена Фостера^[76] и построился в форме кровати. Потом играли «Мой старый дом в Кентукки», а тамбурмажоры медленно гарцевали, как лошади. Под конец мы сыграли «Мечтаю я о Джини, светловолосой Джини». Построились в форме расчески.

Если спросите мое мнение, то сдаётся мне, что запас идей у мисс

Филпот иссяк. Мы снова выиграли, и Пикл продолжает рваться к Батарее для выпускников.

Ждем не дождемся следующей недели, потому что в город приезжает мадам Рамона. Послушайте объявление:

МАДАМ РАМОНЫ НЕ ПРИДЕТ К ВАМ САМА...
ВПЕРВЫЕ В НАШЕМ ОКРУГЕ.

НЕ ЗАДАВАЯ ВОПРОСОВ, РАССКАЗЫВАЕТ
ВСЕ, ЧТО ВЫ ХОТИТЕ ЗНАТЬ.

НАЗЫВАЕТ ВАМ ИМЕНА ВАШИХ ВРАГОВ И
ДРУЗЕЙ.

ДАЕТ ЧЕСТНЫЕ И ПРАВИЛЬНЫЕ СОВЕТЫ ИЗ
ЛЮБОЙ ОБЛАСТИ ЖИЗНИ.

ПОЛУЧИТЕ ЕЕ КОНСУЛЬТАЦИЮ В ЛЮБОЙ
СФЕРЕ: БИЗНЕС, ЛЮБОВЬ, ЗАМУЖЕСТВО, МЕЧТЫ,
ПОСТУПКИ, ЗАКЛАДНЫЕ, ПОТЕРЯННЫЕ И
УКРАДЕННЫЕ ВЕЩИ И ВСЕВОЗМОЖНЫЕ
ЗАМЫСЛЫ.

НЕ ОТЧАИВАЙТЕСЬ, ЕСЛИ У ВАС НЕ
ПОЛУЧИЛОСЬ С ДРУГИМИ. ОНА ДЕЛАЕТ ТО, ЧТО
ДРУГИЕ ТОЛЬКО ОБЕЩАЮТ. ОДИН-
ЕДИНСТВЕННЫЙ ВИЗИТ УБЕДИТ ВАС, ЧТО ЭТА
ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНИЦА И МЕДИУМ ПРЕВОСХОДИТ
ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ ЯСНОВИДЯЩИХ, С
КОТОРЫМИ ВЫ КОНСУЛЬТИРОВАЛИСЬ.
ТРИДЦАТИЛЕТНИЙ ОПЫТ ЯСНОВИДЕНИЯ В
БУДНИЕ И ВЫХОДНЫЕ ДНИ, С СОБЛЮДЕНИЕМ
СТРОГОЙ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ДЛЯ БЕЛЫХ И
ЦВЕТНЫХ... С 9 УТРА ДО 10 ВЕЧЕРА. ЕСЛИ ВЫ НЕ
УДОВЛЕТВОРЕННЫ, ВАМ ВЕРНУТ ДЕНЬГИ.
СТАНЦИЯ ТЕХОБСЛУЖИВАНИЯ СИДУЭЛЛА,
ДЕВЯТНАДЦАТАЯ УЛИЦА. ИЩИТЕ ВЫВЕСКУ С
ИЗОБРАЖЕНИЕМ РУКИ. ВНИМАНИЕ. ОНА
ИМЕННО АМЕРИКАНКА, НЕ ЦЫГАНКА И НЕ
ИНДИАНКА.

5 ноября 1956

Вчера вечером нам с Пикл пришлось ехать с футбольного матча в Робертсдейле вместе с Мастардом и Марионом Юджином. Надо поддерживать отношения с выпускниками, чтобы мы могли прийти на выпускной бал. Марион Юджин облил себя одеколоном «Олд спайс» с ног до головы, и все, что он хотел, — это чмок-чмок-чмок. Было бы неплохо, держи он рот закрытым.

Мы выиграла матч. Я обняла Вернона Мусбургера, потому что он не играл и нормально пах. Марион Юджин разозлился. Эми Джо Снайпс вообще в ярости, потому что, когда Натан выполнил тачдаун, она пришла в такой восторг, что стала прыгать, и его золотой мячик, который она носит на цепочке на шее, расколот ей зуб. Ой, да там трещинка-то с волосок, подумаешь. Не то что у меня — кусок отломан. Так что не знаю, чего она так распереживалась.

6 ноября 1956

Сегодня после школы Пэтси Руфь Коггинс, Эми Джо Снайпс, Пикл и я отправились к мадам Рамоне на станцию техобслуживания. Эми Джо Снайпс спрашивала только о Натане. Она хотела знать, правда ли он ее любит. Я же готовилась спросить, стану ли знаменитой и богатой, и сколько времени на это уйдет, и когда мы с Пикл попадем в Нью-Йорк или Голливуд.

Пикл зашла первая и пробыла довольно долго. А когда вышла, вся светилась. Мадам Рамона сказала, что она выиграет приз, и Пикл решила, что ее ждет значок Домохозяйек завтрашнего дня имени Бетти Крокер. Я не хотела ее разочаровывать, но хлеб, который она испекла, был хуже всех в классе, мой и то получился лучше. По крайней мере, хоть немного поднялся. Потом пошла Эми Джо Снайпс и вернулась в истерике. Мадам Рамона сказала, что ее сестра, которая состоит в девичьей армии Кертиса Хонивелла, выйдет замуж раньше, чем она. Пэтси Руфь Коггинс под конец струсила и заявила, что «Радужные девушки» не должны верить ни во что, кроме Бога.

Так что пошла я. Мадам Рамона принимала в жилой части здания автозаправки, в темной комнате за занавеской. На полу ползала маленькая девочка, играя бумажными куклами. Мадам Рамона, по ее уверениям, не цыганка и не индианка, но она точно иностранка. Лицо у нее густо раскрашено косметикой, на руках тонны браслетов, в зубах честерфилдина.

Она велела мне сесть за старый карточный столик с картинками собак, наклеенными по всей столешнице, и выбрать несколько карт. Я так испугалась, что на какой-то миг забыла свои вопросы. Когда же вспомнила, что хочу узнать, стану ли я известной и богатой, мадам Рамона вдруг перестала крутить в руках засаленные карты и спросила:

— Ты что, недавно получила наследство?

Я ответила, что никакого наследства не получала и у меня нет богатых родственников. Вероятно, она спутала меня с Пэтси Руфь Коггинс, чей папа возглавляет местный филиал компании «Шевроле».

— Ты получила от кого-то наследство, — возразила мадам Рамона.

Я говорю:

— Нет, мэм, не получала.

Она:

— Нет, получила.

Я:

— Нет, вряд ли.

Она сказала:

— Оно блестящее.

Я думала, думала, но ничего не могла придумать. Я сказала, что ничего не получала кроме подушки от Джесси Легура и кольца, принадлежащего моей матери. Она накинулась на меня:

— Ну вот же, вот! Твоя мать просит тебя носить кольцо, чтобы она могла тебе помогать. (У меня остановилось сердце.) Твоя мама хочет, чтобы ты перестала горевать по ней и отпустила ее. Она в порядке и хочет, чтобы ты была счастлива. Она беспокоится, потому что ты не спишь, а спать тебе надо.

Я спросила:

— Правда?

— Да, с тебя пять долларов.

Я дала ей деньги. Я была вся в испарине. Как эта женщина узнала о кольце и о том, что я не сплю? Я же никому не говорила.

Дома я сразу надела мамино кольцо, теперь никогда не сниму. И выкинула остатки виски «Джек Дэниелс».

21 ноября 1956

Вот последние новости. Мастард и Марион Юджин пригласили нас на

вечер встречи выпускников. Эми Джо Снайпс собирается заставить Натана жениться на ней в течение рождественских каникул, а мы все должны быть у них на свадьбе. Пикл будет фотографом на ежегодном празднике школы, она и меня записала в штат. Мы все должны сделать научные проекты, чтобы выставить их на окружной ярмарке. У Пикл разбито сердце, потому что Джуди Эшвиндер выиграла значок Домохозяйек завтрашнего дня имени Бетти Крокер. Теперь она уверена, что выиграет приз за научный проект.

Пикл считает, что меня не должны видеть с Верноном Мусбургером, потому что он лысый и не выпускник. Проблема Вернона в том, что он очень стеснительный.

Я вырезала из газеты объявление про курс Дейла Карнеги. Там сказано, что Дейл может превратить вас в уверенного и убедительного оратора. Я поговорила с Джимми Сноу, который согласился ссудить Вернону денег на этот курс. Я предложила ему считать это вложением. Вернон станет президентом Соединенных Штатов или кем-нибудь в этом роде. Вернон обещал пойти, если я никому не проболтаюсь.

У меня все еще нелады с алгеброй. Математичка меня ненавидит, потому что однажды я вошла в туалет и увидела, как она моет свои вставные зубы. Папа считает всех, кто силен в математике, нацистами.

Отцу Пикл дали какое-то звание, теперь он большая шишка в Совете белых граждан. Его речь опубликовали в газете. Мистер Уоткинс сказал, что Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения вовсе не враги белым, они просто идиоты. А враги белым людям — демократы и республиканцы. Он сам диксикрат,^[77] и у него есть доказательство того, что восемьдесят семь различных организаций Коммунистической партии вместе с неграми из южных штатов разрабатывают план, чтобы захватить Соединенные Штаты и убить всех белых в их постелях. Рок-н-ролл — это плод коммунистического заговора с целью разрушить мораль белых детей, и если это не прекратить, мы все сойдем с ума и станем жертвами гипноза африканских барабанов, в которые бьют во время рок-н-ролла. Придет час — и мы восстанем против родителей и убьем их. У него вроде бы есть доказательства, что Фэтс Домино^[78] в сговоре с Россией.

В общем, это Сборище проповедников Господа заявилось в школу и заставило мисс Филпот убрать из программы «Блюберри хилл»,^[79] потому что это прокоммунистическая песня. Так что опять пришлось исполнять песенку Стивена Фостера. Фу.

Мы попали в школьную газету. В статье «Говорят тинейджеры»

написано:

Что за симпатичную блондиночку-десятиклассницу с голубыми очками под цвет глаз завел себе Марион Юджин, у которого брюки всегда белее снега?

Все знают, что это я. Еще там вот что:

Мастарда Смута и Пикл Уоткинс видели в «Прялке», они наслаждались коктейлем и приятной беседой.

Мастард и Пикл. Звучит как заправка для хот-дога!^[80]

23 ноября 1956

Когда я сегодня вернулась из школы, у папы в комнате была женщина. Она открыла дверь и сказала, что папа спит. Ее зовут Руфь, и по виду она забубенная пьяница. От Джимми Сноу я узнала, что Руфь развелась с каким-то продавцом кондиционеров. Неудивительно, что папу в последнее время почти не видно. А я-то думала, он так горюет по маме!

Мы с Джимми Сноу почти каждый вечер обедаем вместе, а папа к нам никогда не ходит. Ну, надеюсь, он счастлив. С Руфь я не разговариваю. Она хуже Рэйтты Уокер.

Бабушка Петтибон сказала, что большинство мужчин находят себе другую, не дожидаясь, пока их жены остынут в могилах. Папа — просто дрянь. Я бы переехала к бабушке, но человек, за которого она вышла замуж, опять слег с инфарктом. Папин отец так с ним и не разговаривает, так что я, наверное, останусь тут до окончания школы, а потом мы с Пикл укатим в Нью-Йорк. Тупое ничтожество!

Министерство просвещения округа Харвин протестировало нас на проверку способностей, чтобы определить, на кого дальше учиться. Куча вопросов по математике, ответы я скатала у Пикл. Мой тест определил, что мне подходит специализация по художественному ремеслу. Что это такое — художественное ремесло?

24 ноября 1956

Мы с Джимми Сноу ходили провожать Вернона Мусбургера на первое занятие по Дейлу Карнеги в «Элкс-холл». И остались ждать его, чтобы убедиться, что не сбежит. Потом Вернон сказал, что ему понравилось, хотя пришли туда в основном старики. Он думает, что справится, и я рада. Но парик ему все равно не помешает.

Пикл решила, что нам надо стать «Радужными девушками», потому что все девчонки из старших классов уже вступили. Для этого требуется, чтобы или твой папа был масоном, или мама — членом «Вифлеемской звезды». Пикл уговорила Пэтси Руфь Коггинс, чтобы ее мама составила нам протекцию. Я спросила Пэтси Руфь, чем занимаются «Радужные девушки». Она сказала, что ничем особенным. Только гимны расппевают, и все. Всю жизнь мечтала! Большое тебе спасибо, Пикл!

Мы купили себе вечерние платья для бала в честь выпускников. У Пикл — красивое кружевное, цвета морской волны, с большим атласным бантом, у меня белое кисейное в мелкий красный горошек. Пришлось купить бюстгальтеры без бретелек. У Пикл чашечки с поролоном. Мы обе состоим в комитете по декорациям. Тема у нас — «Голубая рапсодия», потому что бал спонсирует газовая компания «Голубое пламя». Надеюсь, никогда больше не увижу голубой гофрированной и туалетной бумаги, из которой пришлось мастерить цветы. Эта гофрированная гадость жуть как пачкает руки. Все знают, что королевой бала будет Эми Джо Снайпс, потому что она выходит замуж, а Натан — капитан футбольной команды и выпускник. Кроме того, она угрожала ему «сами знаете чем», если ее не выберут королевой. Мы с Пикл в жюри.

Похоже, мы станем чемпионами округа по футболу. Еще ведь ни одной игры не проиграли. После бала у нас будет вечеринка с ночевкой в доме Пэтси Руфь Коггинс.

Вчера папина подружка Руфь собрала вещички и съехала. Дверьюшибанула так, будто пальнули из пушки. Через пять минут папа открыл дверь, и она соскочила с петель. А мне сказал:

— Бухгалтер, которую я нанял для мотеля, не справлялась с работой, пришлось ее уволить.

Он что, за дуру меня держит?

25 ноября 1956

Бедная Пикл. Отец больше не разрешает ей гулять с Мастердом

Смутом. Думает, что она позволяет Мастарду все. На прошлой неделе он ее жутко избил. Наверное, он сумасшедший. Пикл собирается пройти на выпускной с братом, и там уж Лем встретится со своей девушкой. Пикл постоянно приходится придумывать какие-то ухищрения, потому что ей ничего не разрешают! Я теперь у нее тоже ночевать не могу, видите ли, плохо на нее влияю. Ну что ж, так тому и быть. Отец бросает на меня странные взгляды, от которых я чувствую себя грязной. Жалко маму Пикл. Она вынуждена во всем ему подчиняться, и денег он ей не дает. Она шьет одежду на заказ, чтобы у детей были карманные деньги. Мне повезло. Когда мне нужны деньги, я беру немного из кассы или прошу у Джимми Сноу. Никто не считает, сколько их там. Джимми говорит, что бармен, которого нанял папа, все равно туда то и дело влезает.

Я прочитала в журнале «Фотоплей», что Джун Хейвер ушла из монастыря и вышла замуж за Фреда Макмюррея.^[81] Напишу сестре Джуд, и если ее там нет, то окончательно уверюсь, что она и есть Джун Хейвер. Но зачем, скажите на милость, уходить из монастыря ради того, чтобы выйти за Фреда Макмюррея?

Семейство Ромео пригласило папу, Джимми и меня на День благодарения. Не уверена, что на День благодарения готовят лазанью, но было очень вкусно, гораздо вкуснее, чем стряпня Джимми.

Знаете что? Мы продули игру в честь бала выпускников. И все из-за Майкла Ромео. Он заработал тачдаун в первой половине, обернулся, чтобы убедиться, что все на него смотрят, и, наскочив на стойку ворот, так ударился рабочей рукой, что его пришлось заменить. А он единственный в команде умеет точно пасовать. Каждый раз, как Мастард подавал, команда противника ловила мяч и заработала три тачдауна.

Выступление нашего оркестра — дрянь собачья! Оно все посвящено Дню благодарения. Мы построились в виде индюшки, до боли напоминавшей курицу. В довершение всего еще и дождь ливанул, и наши помпоны мигом промокли и противно били по телу. В конце игры я побежала обнять футболистов. Это меньшее, что я могла для них сделать. И представьте себе, эти крутые мальчишки плакали навзрыд! Надо же так расстроиться из-за какой-то глупой игры. Все девочки из команды болельщиц тоже рыдали, кроме меня. Пикл довела себя до истерики. Я-то знаю, что она вовсе не до такой степени переживала. Пикл заявила, что во мне нет командного духа, мол, я должна хотя бы сделать вид, будто расстроена. Ну ладно, ради нее я притворилась, что плачу.

Мы переоделись в наши вечерние платья у Пэтси Руфь Коггинс, и я была единственной, у кого глаза не были красными и опухшими. Эми Джо

Снайпс сказала, что мы должны ради наших мальчиков выглядеть счастливыми, чтобы помочь им пережить горечь поражения. Это наш долг как женщин и болельщиц. Когда мальчики пришли забрать нас, мама Пэтси Руфь заставила нас всех позировать перед камином для фотографии. Ни на одном из ребят смокинг не сидел нормально. У Лемюэля брюки были на три фута короче, чем надо. Марион Юджин напоминал голубя, рубашка под горлом торчала, как зуб. Пикл едва не убила Мастарда Смута за то, что принес ей бордовую орхидею, которая не подходила к ее платью цвета морской волны.

Когда мы пришли в аудиторию, почти вся гофрированная бумага уже отвалилась. Мальчики напились еще до начала танцев. Половина ребят на ногах не держалась еще до того, как объявили Королеву бала и ее свиту. Эми Джо Снайпс и Натан возглавили парад, оркестр сыграл «Голубой бархат» — «их песню». Эми дулась на Натана, потому что он не соображал даже, где находится. Кто-то подлил виски в пунш. Мисс Филпот, видимо, его тоже хлебнула, потому что весь вечер ползала по полу с фонариком в поисках отвалившейся от черной бархатной ленты камеи, которая висела у нее на шее. Пикл заставила меня снять очки, так что я почти не видела. Эти очки кошмарно смотрелись с моим новым платьем.

Знаете, кто заявился на бал? Мой сумасшедший дружба́н Джимми Сноу. Он желал увидеть меня в бальном платье. Я пыталась заставить его пригласить мисс Филпот, но он не стал. Сказал, я здесь самая красивая девушка! В жизни не носила более неудобной вещи, чем бюстгальтер без бретелек. Это плюс корсет, и в результате кроме боли у меня других воспоминаний от бала не осталось. Никто из мальчишек не умел танцевать, и кончилось тем, что почти весь вечер я протанцевала с Пикл и Эми Джо Снайпс. Да и они, если честно, танцуют не лучше. Я единственная в средней школе Магнолия-Спрингз, кто умеет вести в танце. Кей Боб Бенсон и Флика Хикс опоздали. Она была в черном платье, купленном в Меридиане, и напоминала несчастную Виржинию Майо,^[82] но все мальчики сочли ее прекрасной.

После танцев на вечеринке Эми Джо Снайпс заставила нас пообещать, что мы перед свадьбой устроим ей день подарков. И раздала заказы на бумажках. Сказала, это для того, чтобы мы не дублировали друг друга и не подарили ей одно и то же дважды. Мне досталось купить дуршлаг, знать бы еще, что это.

У меня на теле до сих пор отметины от бюстгальтера. Выброшу эту дрянь.

3 декабря 1956

Столько огорчений. Получила письмо от сестры Джуд, значит, она не Джун Хейвер, а мой научный проект провалился еще до выставки. Мистер Лидз, наш учитель, сказал, что выигравший получит приз и поездку в Тупело. Я хотела подружить камбалу со скатом, чтобы вывести новый сорт камбалы, которая может ударить током, если попытаешься загарпунить. Мне было жалко камбалу, которая лежит на дне залива, и всякий может безнаказанно бить ее острой. Джимми Сноу добыл мне камбалу и ската, но никто не мог сказать, какого они пола. Когда мы положили их в ванну, они друг другу не понравились, и камбала умерла. Получается, я убила рыбу. Это не входило в мои планы, но мы ее съели, так что, наверное, это не грех.

Я рассказала об этом мистеру Лидзу, и он дал мне другую тему. «Влияние химикатов на огненных муравьев». У Пэтси Руфь тема «Личинки мясной мухи в округе Харвин», у Майкла — «Островки Лангерганса^[83] — лучшие друзья вашей печени», у Кей Боб Бенсон — «Кровеносная система человека», а у Вернона Мусбургера — «Невероятный срок жизни колорадского жука». Начав учиться в школе Дейла Карнеги, он стал громко орать и дико жестикулировать. Теперь все считают его несносным.

Пикл жульничает. Она готовит проект «Изучение эмбриона цыпленка». Ее брат Лемюэль делал это в прошлом году, а поскольку учитель у нас новый, он не уличит ее. С тех пор как мадам Рамона сказала Пикл, что она выиграет приз, Пикл стала просто невозможной.

Мы каждую неделю ходим на заседания «Радужных девушек» в масонскую ложу на втором этаже мебельного магазина «Тэлли». Когда там проводится тайное собрание, приходится ждать снаружи. У всех этих «Радужных девушек» какие-то тайны. Жду не дождусь, когда нас пригласят, больно интересно узнать, что у них за секреты.

4 декабря 1956

Мы с Пикл смотрели лучший в мире фильм, «Все, что позволяют небеса», о трагической любви. Джейн Уаймен любит садовника, которого играет Рок Хадсон. Он мне нравится почти как Корнел Уайлд.^[84] Мы с Пикл считаем, что Джейн Уаймен стоит найти себе другого парикмахера, у

нее волосы сзади слишком короткие. Мы собираемся написать ей об этом. Мы не получили ответа от Терри Мур. Рок Хадсон и Джейн Уаймен по-настоящему любят друг друга. Иначе они вряд ли смогли бы так здорово сыграть. Желаю им обоим удачи. Пикл говорит, если бы не мои очки и зуб, я могла бы сойти за сестру Селесты Холм.

На этой неделе у «Радужных девушек» мы пели «Тихо и нежно подходит Иисус» и «Продли мне жизнь, Спаситель добрый». И не только, еще пришлось слушать лекцию миссис Коггинс о гимнах. Она член клуба садоводов, и Пэтси Руфь сказала, что во время собраний на переключке они отзываются на названия цветов. Представьте, если к вам будут обращаться «Бегония»! Мне, например, с именем Дейзи проблем хватает.

Миссис Снайпс, мать Эми Джо, заказала наряды для всех подружек невесты, и придется пройти через миллион примерок. Ненавижу примерки.

Мотель близок к разорению. За последний месяц у нас остановились только два человека, и то по той простой причине, что заблудились. Думали, что они во Флориде.

Я дочитала «Большие надежды», заданный по английскому. Моя любимая героиня — Эстелла.^[85] Настоящая змеюка.

5 декабря 1956

Мать Кей Боб Бенсон принесла сегодня в школу ее научный проект. Это прозрачное тело из пластика с сердцем и сосудами. Когда включаешь его, по венам струится кровь. Кей Боб Бенсон получила первый приз. Пикл страшно огорчилась. Лемюэль не выиграл в прошлом году со своим цыплячьим эмбрионом, с чего же она взяла, что выиграт в этом. Одна девочка принесла огромный зуб с дуплом. Классно. Я ничего не выиграла. Ну невозможно убить этих огненных муравьев. Единственное, что помогает от них избавиться, это «Доктор Пеппер» и кока-кола. Отвратный проект.

Вернон Мусбургер теперь в группе дебатов, и мне приходится ходить слушать, как они дебатируют. Он всегда побеждает, потому что больше никому не удается вставить ни слова.

На собрании «Радужных девушек» мы пели «Веди меня, великий Иегова».

Пэтси Руфь — официальное лицо, ее должность — внешний наблюдатель, и она следит, чтобы никто не подсматривал за тайной

церемонией. Она это очень серьезно воспринимает, стучит в дверь четыре раза, перед тем как войти, а изнутри ей стучат в ответ трижды.

Все это я делаю ради того, чтобы меня приняли к Батарее выпускников. Во время моего отчета по «Большим надеждам» все девчонки смеялись всякий раз, как я произносила имя Пип, потому что так они между собой называют месячные. Очень взрослое поведение!

7 декабря 1956

Пикл уговорила нас собирать деньги на швейную машинку, чтобы послать ее в Корею. Кто соберет больше денег, получит в подарок новенький пылесос «Эврика Суперматик» с пакетом для пыли двойного размера, системой очистки воздуха и семью насадками, ценой 69,95. Не знаю, зачем ей пылесос, но она вознамерилась выиграть приз.

Я придумала, как нам добиться успеха. Мне пришло это в голову на днях, в самолете, когда я опыляла поля вместе с Джимми Сноу. Надо сделать с воздуха фотографию фермы и поместить ее в газету под заголовком «ЗАГАДОЧНАЯ ФЕРМА». Когда хозяева фермы опознают ее, мы можем продать им фотографию за 10 долларов для рождественских открыток. Народ купится. Пикл раздобудет школьную фотокамеру, а Джимми Сноу возьмет ее завтра с собой в полет. Когда мы выиграем пылесос, может, мы заработаем денег на машину и собственную квартиру. Мне было бы намного легче на душе, если бы Пикл ушла из этого дома. Она мне не рассказывает, но отец до сих пор бьет ее по-черному. Я видела следы побоев. Лемюэль говорит, она ему дерзит и только усугубляет положение. Она очень смелая. Думаю, если меня кто ударит ремнем, я его прирежу во сне.

10 декабря 1956

Вчера днем Пикл и Джимми Сноу облетели вокруг Магнолия-Спрингз и наделали снимков. У нас теперь пятнадцать ЗАГАДОЧНЫХ ФЕРМ и одна загадочная автозаправка. Всю ночь мы их печатали у нее в темной комнате. Все получилось отлично, за исключением одного. Тупица Пикл не выяснила, чьи фермы она фотографировала. Они и для нас ЗАГАДОЧНЫЕ! Можете себе представить, чтобы человек настолько не соображал? Иногда

просто диву даешься. Теперь на пленку больше денег нет. Сдается мне, когда у нас с Пикл будет свой бизнес, мозгами придется работать мне. Поскольку она в списке достойных учениц школы, начинаешь поневоле сомневаться в миссисипской системе образования.

Сегодня Пикл решила, что раз на сбор денег осталось всего пять дней, мы наймемся служанками, будем работать после школы и в субботу. По радио объявят — две девушки предлагают помощь, но только чтобы вместе. Мы не хотим идти в рабство порознь. Нас могут попытаться нанять какие-нибудь мужчины. Пикл говорит, можно назначить цену два доллара в час. Если как следует постараемся, то сможем выиграть пылесос, она в этом уверена.

11 декабря 1956

Женщина по имени миссис Клейборн наняла нас сменить шторы в доме. Мистер и миссис Клейборн — можно сказать, богатейшие люди в Магнолия-Спрингз, и у них самый большой дом во всем городе. Мистер Клейборн — хозяин тракторной мастерской и владелец огромных угодий. Я не хотела вешать шторы, но Пикл до смерти жаждала попасть в этот дом, чтобы увидеть Виржинию Клейборн, которую держат там взаперти. Клейборны усыновили Виржинию совсем малюткой много лет назад, но она так и не выросла нормально, поэтому ее не выпускают. Ей двадцать два года, а ростом она четыре фута два дюйма, но она не карлик и не лилипут. У нее только случаются припадки и пена изо рта идет. Поэтому они живут так далеко от города. Это мне Пикл нарассказывала, но я ни слову не поверила. Она просто старалась меня развлечь, чтобы я не переживала, что мы в рабство продались. Она на все готова ради приза.

Дом Клейборнов — огромная мрачная махина из красного кирпича, на вид совершенно нежилая. Но, когда мы постучали, из-за двери донесся женский голос.

Пикл сказала:

— Мы помощницы, которых вы заказывали.

Миссис Клейборн пригласила нас в гостиную.

На столе красовалось чучело настоящей черепахи с красными лампочками в глазах. Странно. Играла какая-то оперная музыка, а на кресле лежал сборник стихов. Хозяйка позвала цветную служанку и велела ей помочь нам приступить к работе, а сама вернулась к чтению. Вообще

весь дом был странный. Я никогда не видела такой старой мебели. Ни одной новой вещи. Я предпочитаю датский модерн.

Пока мы снимали шторы, Пикл спросила служанку:

— Как поживает малютка Виржиния?

Служанка глянула на нее как на сумасшедшую.

Я с самого начала знала, что Пикл выдумала эту историю про Виржинию, так ей и сказала, когда мы ушли.

На следующий день мы вернулись, и Пикл вознамерилась доказать, что девушка живет в доме. Всякий раз, как служанка на минуту оставляла нас одних, Пикл выбегала и открывала все двери подряд в поисках Виржинии. Я говорила ей: прекрати, у нас будут неприятности. Пикл считала, что сумасшедшую должны держать или в подвале, или на третьем этаже. Один раз Пикл притворилась, будто ей нужно в туалет, и спустилась в подвал, но там ничего не оказалось, кроме завалов все той же старой мебели. Все это время миссис Клейборн сидела в гостиной, слушала музыку и читала стихи.

В субботу мы работали последний день, и я хотела только одного — покончить со шторами и убраться оттуда. Мы трудились в одной из спален на втором этаже, когда миссис Клейборн позвала служанку вниз. Не успела я глазом моргнуть, как Пикл взлетела на третий этаж искать Виржинию и принялась дергать все двери подряд, бросив меня стоять с красными бархатными шторами весом в пятьдесят фунтов. Вдруг я услышала, как Пикл завизжала, будто ее режут, и промчалась мимо спальни прямо к входной двери, только ее и видели. Я не знала, что стряслось, но решила, что мне тоже лучше сматывать удочки. Бросив шторы, я припустила по лестнице. Тут гляжу — навстречу мне бежит миссис Клейборн и вопит:

— Виржиния, вернись в свою комнату!

Оглядываюсь — сзади мчится девушка с курчавыми волосами и глазами навывате. Я оказалась между ней и миссис Клейборн.

— Останови ее, останови ее! — закричала миссис Клейборн.

Выбора у меня не осталось, потому что девушка летела прямо на меня, и когда миссис Клейборн схватила нас обеих, меня зажало так, что не вырваться.

Девушка визжала: «Я тебя ненавижу!» — и пыталась ударить миссис Клейборн, но до нее не дотягивалась, и все тумаки доставались мне.

Когда мы водворили ее обратно в комнату, миссис Клейборн сказала мне: «Следи, чтобы она не поранила себя. Я за врачом», — и заперла меня с ней!

Я пыталась открыть дверь, но не смогла.

Оглядываюсь — чем тут поранишься-то, нечем. В комнате ничего нет. А вот меня она вполне могла поранить, если бы захотела. Мне грозила смерть от руки безумной только по той причине, что Пикл, видите ли, понадобился этот идиотский пылесос.

Виржиния опустилась на пол и принялась бить себя кулаками по голове.

— Эй, лучше перестаньте, — сказала я.

Она подняла на меня взгляд и спрашивает:

— Ты кто?

— Дейзи Фэй Харпер, — отвечаю, — вешаю внизу шторы. А вы, наверно, Виржиния. Как поживаете?

А она глядит на меня и говорит:

— Хочу деревенскую музыку.

— Что? — не поняла я.

— Хочу послушать деревенскую музыку. — И снова замолотила кулаками себе по голове.

Я надеялась, что пена у нее изо рта не пойдет. Что делать, я не знала, потому села и спела ей немного из «Не Бог создал ангелов хонки-тонк», потом немного из «Ков-лига» и «Лживое сердце твое». Я приступила к «Счастливого тебе пути»,^[88] но тут она разозлилась и сказала, что это ковбойская песня. Может, она и безумна, но не глупа. Я спела ей отрывки и кусочки из всех народных песен из папиного музыкального автомата, что смогла припомнить, и как раз пошла по второму кругу и затянула хит Пэтси Клайн^[89] «Я разваливаюсь на части», когда дверь открылась, вошел врач с черным саквояжем и сказал:

— Как поживает наша малютка Виржиния? Мама говорит, ты сегодня немного не в себе.

Представляете? Она меня едва не убила, и это называется «немного не в себе». Не хотелось бы мне быть рядом, когда она станет совсем не в себе.

Когда я спустилась, миссис Клейборн стояла, заломив руки, и без конца повторяла:

— Мне очень жаль, что так вышло. Не понимаю, как она выскочила.

Я-то знала, кто ее выпустил, но помалкивала, иначе, глядишь, и не заплатят. Она умоляла меня простить Виржинию, мол, она нездорова.

Я сказала, что Виржиния, возможно, будет меньше злиться, если ей разрешат слушать кантри, а миссис Клейборн объяснила, что они пытались, но она постоянно разбивает радио и проигрыватели и ранит себя. Тут я вспомнила, как папа подшутил над мамой, когда она пошла в уборную во

дворе, и предложила, чтобы папа пришел и приладил в комнате Виржинии колонки у потолка, куда она не достанет. Их можно присоединить к радио или чему-то другому.

Спустился врач, услышал мое предложение и одобрил его, сказал, пусть папа позвонит мистеру Клейборну и договорится, и чтобы он пришел как можно скорее.

Миссис Клейборн достала из сумочки 20 долларов и дала мне. Я сказала, что она должна нам только 12, но она попросила оставить сдачу себе и обняла меня на прощанье. Выхожу, а моя дорогая лучшая подруга Пикл Уоткинс, которая пряталась в кустах, кидается мне навстречу.

— Что с тобой было? — спросила она.

Я посмотрела на нее.

— А с тобой? — спросила я и пошла себе.

Не буду больше с ней разговаривать. Я бы так ее никогда не бросила. Отдала я ей 20 долларов и сказала, чтобы засунула свой дурацкий пылесос себе в нос. Она плакала, но я ее не прощу, ни за что. Никогда.

Может, папа заработает кучу денег, прилаживая колонки, и корейцы ни цента не получат из этой суммы.

Вернувшись домой, я сказала папе и Джимми Сноу, что если Пикл позвонит, меня нет.

Только сейчас сообразила, что Виржиния ростом с меня. Так и знала, что Пикл все насочиняла.

15 декабря 1956

В воскресенье в мотель приходила Пикл, стучала ко мне в дверь. Я сидела на крыше, и она меня не видела. Я часто сижу на крыше. Люди никогда не поднимают голову. В общем, она стучала, стучала, а потом подсунула под дверь письмо и ушла.

Тогда я спустилась и прочла письмо. Она очень сожалеет, что бросила меня, но эта девочка ее страшно напугала, и она побежала, думая, что я бегу следом. Как же, так я и поверила! Я собрала все вещи, что она мне давала, включая одолженную одежду, и сложила в коробку.

В понедельник утром Лемюэль встретил меня в школе, когда я вышла из автобуса, и я отдала ему коробку. Он сказал, что у Пикл разбито сердце, и она вчера весь день не ела, и не могла бы я, пожалуйста, помириться с ней. Я ответила, что Пикл обидела меня до глубины души и я вряд ли смогу

ее когда-нибудь простить, но на него и Малую не сержусь, так что, если они хотят, можем с ними дружить и дальше.

В классе я ни разу не взглянула на Пикл. К обеду вся школа знала, что мы поссорились. Все вокруг нее так и порхали, будто это она пострадавшая сторона. Интересно, рассказала ли она, что бросила меня на растерзание. Пэтси Руфь Коггинс провела со мной долгую душещипательную беседу о том, что настоящие друзья не должны ссориться, и если я хочу передать Пикл какую-нибудь записку, то она передаст. Я попросила Пэтси Руфь Коггинс передать Пикл, что мы не любовная парочка, которую может обсуждать вся школа.

Эми Джо Снайпс в обед мне все уши прожужжала, что если две подружки невесты не будут друг с другом разговаривать, это загубит всю свадебную церемонию. Что после свадьбы я могу снова не разговаривать с ней, если пожелаю.

Вернон Мусбургер предложил устроить дебаты по поводу примирения с Пикл, услышать все мои «за» и «против», но я велела ему не совать нос в чужие дела. Тогда он предложил услышать все мои «за» и «против» сования носов в чужие дела. Эта группа дебатов просто лишила его мозгов!

Я продержалась весь день, до шестого урока, которым был урок Будущих домохозяек Америки, и тут случайно — по ошибке — кинула взгляд на Пикл. Она смотрела на меня. Я засмеялась, она тоже. Мы побежали в туалет и там расплакались, обнялись, поцеловались и помирились. Мы сказали, что любим друг друга, и Пикл пообещала больше никогда меня не бросать. Разве можно сердиться на Пикл?

Папа установил колонки для девочки Клейборнов. А вернувшись, сказал, что Виржиния, видать, совсем чокнутая. Я это и так знала.

19 декабря 1956

В эту субботу устроили день подарков для Эми Джо Снайпс. Все подарки сплошь хозяйственно-кухонные. Дуршлаг я так и не нашла. И не знаю, что это такое. Дала ей денег, пусть сама покупает.

Кей Боб Бенсон и Пэтси Руфь Коггинс выиграла пылесос — они больше всех собрали денег для корейцев. У Кей Боб Бенсон это уже второй приз в этом году.

Пикл узнала, что газета Магнолия-Спрингз собирается презентовать авторучку Истербрука за лучшее фото, интересное для широкой публики.

Она потащила меня в дом престарелых к человеку, в честь столетнего юбилея которого устраивают вечеринку. Его родные съехались со всех уголков страны. Это было ужасно. Он сидел в кресле на колесах, весь скособоченный, и кто-нибудь из родственников то и дело подходил, пытаясь посадить его ровнее, и говорил: смотри, Большой папа, а вот малыш Ларри, а вот тетя Такая-то.

Но бедный старикан не видел, не слышал и никого не узнавал. Его одели в костюм на четыре размера больше, чем надо. Пикл сказала, что он в подгузниках. Все думали, мы с Пикл члены семьи, и рассказывали, как Большой папа прячется за кучей листьев, когда приезжают его навещать. Познакомившись с этими родственничками, я его прекрасно понимаю.

Перед ним поставили торт, зажгли свечи и спели «С днем рождения, Большой папа». Он чуть не свалился в торт, медсестра его вовремя подхватила. Пикл сделала фотографию, так что она счастлива. В конце концов старикана просто откатили в уголок и стали веселиться. Кошмар. Бедный старик не получил ни одного подарка, но Пикл сказала: а что можно дарить столетнему мужчине? Может, она и права.

28 декабря 1956

Ну, мисс Эми Джо Снайпс теперь официально миссис Натан Уилли. Надеюсь, она выживет. Это первая свадьба, на которой я побывала, и если мне больше не придется участвовать в подобных мероприятиях, я не расстроюсь. Глядя на Пикл, я не верила своим глазам. Она щелкала фотоаппаратом во время всей церемонии, а ведь она подружка невесты. Нельзя же постоянно целиться объективом в лица жениха и невесты, но ее было не остановить. Фотографии старика не получились, все засвечены. Я ей сказала: «А что ты ожидала, невозможно со вспышкой сделать хороший снимок сотни горящих свечей». Даже я это понимаю, не будучи фотографом.

Свадьба — церемония серьезная, но я как начала ржать в самом начале, так всю дорогу и просмеялась, потому что, когда мисс Филпот заиграла на органе «Вот идет невеста», мистер Снайпс и Эми Джо одновременно шагнули в дверь и застряли. Он делает шаг назад, чтобы ее пропустить, и тупица Эми Джо тоже делает шаг назад, чтобы его пропустить, а потом они оба вместе шагают вперед. Наверное, невеста забыла, что она невеста.

У Натана был такой вид, будто он сейчас свалится без чувств. Он весь взмок, а руки у него так тряслись, что Эми Джо самой пришлось надевать себе на палец кольцо. Она казалась очень спокойной. В конце священник сказал:

— Можете поцеловать невесту.

Так он не попал, промахнулся мимо ее губ! Выйдя на ступени перед церковью, Эми Джо Снайпс подленько бросила букет старшей сестре.

Вот что появилось об этом в газете. (Про меня в последнем абзаце.)

СОЮЗ СНАЙПС-УИЛЛИ

Любовь мисс Эми Джо Снайпс и Натана Уилли привела к торжественной свадьбе 22 декабря. К церемонии обмена кольцами украсили Первую баптистскую церковь Распятия, прихожанкой которой является мать невесты. Романтический настрой создавали канделябры со свечами и гигантские напольные вазы с белыми гладиолусами, подчеркивающие важность происходящего, а проводил церемонию преподобный Честер А. Маттс. Свадебная мелодия разлилась под куполом, когда мисс Филпот выразила свои поздравления юной паре исполнением на органе Хаммонда песни «Голубой бархат», выражающей нежные чувства брачующихся друг к другу. Мелодичное сопрано миссис леди Руфь Бакнер еще раз выразило чувства брачующихся друг к другу песней Бонда «Я люблю тебя искренне». Шафером был Мастерд Смут. Подружкой невесты — мисс Линда Лу Снайпс, сестра невесты. Для свадьбы дочери миссис Джо Снайпс выбрала себе платье желто-зеленого цвета с украшенной драгоценными камнями кисеей и такие же желто-зеленые туфли. И приколотый к корсажу букетик из белых гвоздик. Мать невесты во время церемонии вела себя спокойно и величаво. На матери жениха было платье из голубой чесучи с голубыми камнями и атласной отделкой. Подружки невесты выглядели очень женственно в длинных платьях из розового шифона с

лифами из красного кружева. Наряд подружек невесты включал в себя розовые бантики на голову, придуманные миссис Снайпс. У них были букетики из розовых маргариток и ландышей, пристегнутые к розовым сердечкам из шенили, обтянутой тюлем, и у всех на руках красовались митенки из органзы, заостренные к запястью. Они вошли под Свадебный марш Мендельсона из «Сна в летнюю ночь». Прекрасней цветущей розы была малютка Карла Кей, племянница невесты, в точно таком же, как у невесты, платье, которое ей сшила бабушка по материнской линии. Всем известная мелодия «Вот идет невеста» провозгласила торжественный вход невесты с отцом, мистером Джозефом Е. Снайпсом. Невеста вся светилась в своей кисейной фате, в платье до пола из белого шелка с венецианским кружевом. Облегающий высокий лиф был расшит серебром и жемчугом, а широкие рукава, стянутые у запястья, обрамляли кружева. К корсажу был приколот букетик из оранжевых хризантем, стянутых сеточкой, и гвоздик, с белыми атласными ленточками. Она несла Библию, отделанную кружевом «Шантильи». В роли «чего-нибудь старого» было ее белье, «чего-нибудь нового» — подвенечное платье. В роли «чего-нибудь одолженного» выступало жемчужное ожерелье от тети Милдред, а «чего-нибудь голубого» — подвязка, отделанная рюшем, подаренная ей мамой. В туфельке у нее лежала монета в один пенни.

Пока невеста шла по проходу навстречу жениху, она оглядывала многочисленных пришедших родственников, друзей и доброжелателей, включая личного парикмахера-модельера, профессиональное имя которой — мисс Этель, она стояла в третьем ряду. Прием для счастливой парочки проводился в «Элкс-холл», где на серебряных подносах подавали чай со сладостями, птифуры, свадебные мятные конфеты и орехи. А также мисс Пэтси Руфь Коггинс дарила каждому гостю сувенир из рисового шарика в белом тюле, перевязанном зеленой ленточкой, дизайн которого придумала миссис Джулия Льюис. Свадебной книгой миссис Уилли

заведовали мисс Пикл Уоткинс и мисс Дейзи Фэй Харпер. Жених и невеста планируют провести медовый месяц в Панама-Сити, штат Флорида, а жить будут в Магнолия-Спрингз.

Рождество прошло ужасно. Все везде закрыто. Ромео уехали в Джексон. Папа, Джимми Сноу и я торчали дома и смотрели «Рождественский концерт Пэрри Комо» с Розмари Клуни. Нам так не хватает мамы. Ни я, ни папа не говорим о ней, но я вижу, как ему плохо. Пикл и Лем подарили мне замечательный браслет, а бабушка Петтибон прислала набор белья. Джимми Сноу купил мне пару замшевых мягких ботинок, о которых я мечтала, а папа дал 20 долларов, но я их уже потратила, покупая всем подарки.

Все равно ненавижу Рождество. Кому пришло в голову украшать мотель рождественскими гирляндами? Скорей бы в школу. В январе мы будем проходить инициацию в клубе «Радужные девушки».

Кей Боб Бенсон подарили машину. Скорей бы уж нам с Пикл уехать отсюда. Ненавижу пляж зимой.

Хоть бы одну ночь папа с Джимми Сноу не напивались. Джимми знает, что папе нужно остановиться, и все равно продолжает с ним пить. Я попросила Джимми бросить, вдруг папа тоже сможет. Он один день не пил, потом все пошло по новой. Думаю, они оба алкоголики. Я прочитала статью в «Ридерз дайджест», там сказано, что алкоголик никогда себе в этом не признается. Попытаюсь уговорить их начать ходить на встречи «Анонимных алкоголиков», а то оба они кончат дни в «Миссии спасения». Мама всегда верила, что папа сможет завязать с выпивкой, если захочет. Он любит алкоголь больше, чем ее и меня, потому что каждый раз, как я прошу его бросить, дико злится. Джимми Сноу когда-нибудь убьется, летая пьяным.

8 января 1957

Я, в общем, и не хотела быть «Радужной девушкой». С этой идеей Пикл носилась. Пришлось надеть на инициацию вечерние платья и купить новый бюстгальтер без бретелек. Мы ждали возле тайной комнаты в масонской ложе, пока там обсуждались наши кандидатуры.

У нас с Пикл по пять песчаных крабов, завернутых в платок. Я

заставила ее пообещать, что если мы не попадем в эту тайную комнату, мы кинем крабов в Пэтси Руфь Коггинс — за то, что она такая дурочка. Целую вечность мы сидели возле этой комнаты. Пэтси Руфь сказала, что у них ящик, в который они все кладут шарик. Если получаешь черный шарик, значит, не быть тебе «Радужной девушкой».

Наконец к нам вышла старшеклассница Беки Болден. Вернее, сестра Веры, наша проводница к концу радуги. Она постучала секретным стуком, и изнутри ей ответили. Дверь открылась. Беки показала знак радуги, и нас пустили.

Видели бы вы эту комнату изнутри. На стене у них повешено звезд и радуг, огромная картонная Вифлеемская звезда, а в центре — стенд с открытой Библией. Они спели «Вперед, солдаты христиане» и заставили нас промаршировать по кругу, а потом подвели к каким-то стульям с высокими спинками, где сидели эти глупые девицы в коронах. Наша проводница заставила нас перед каждой из них остановиться. Она говорила:

— Это остановка сестры Надежды.

Потом мы постояли напротив сестры Любви и сестры Луны. У них есть сестры всего, что только можно вообразить.

Несколько старых леди из «Вифлеемской звезды» стояли в углу, прижав руки к сердцу. После того как мы еще немного помаршировали и постояли на остановках, сестры пробормотали какое-то заклинание. Первая из них спросила:

— Что вы здесь ищете?

И наша проводница, сестра Веры, ответила:

— Мы путешествуем в поисках кувшина с золотом, что находится на конце радуги, как гласит древняя легенда.

Тут до меня дошло, что все свои секреты они хранят в кувшине в углу комнаты. Я прямо дожидаться не могла, чтобы выяснить, что же там такое.

Когда мы остановились напротив Ценного Советчика, она спросила, будем ли мы способствовать тому, чтобы наш город стал добрее и мягче, помня о том, что мягкость и доброта — добродетели, которые женщины могут наиболее эффективно использовать в жизни. Мы ответили, что будем, и я втихую бросила первого песчаного краба под ноги Пэтси Руфь Коггинс.

Потом они снова водили нас по кругу и говорили много слов, типа: «Миссия настоящей женщины — быть женой, матерью и сестрой». Я думаю, от нас потребуется хранить девственность и в военное время целовать на прощанье солдат или еще что-то в этом роде. Я слишком увлеклась метанием крабов и мало что слышала.

Наконец нас подвели к кувшину с золотом. Старуха в белом вечернем платье, стоявшая рядом с ним, сказала:

— Мои дорогие девочки, рада приветствовать вас в нашем Союзе. Мы искренне надеемся, что ваша инициация в Ордере Радужных девушек станет одним из ваших самых счастливых воспоминаний.

Она подняла крышку тайного кувшина и собиралась показать нам, что там хранится, как вдруг все эти старушечки из «Вифлеемской звезды» начали вопить и носиться по комнате с задранными юбками, как куры с отрубленными головами. Все десять наших белых песчаных крабов в беспорядке, бочком-бочком, топали по их красному ковру. Сестра Патриотизма влезла с ногами на свой стул и визжала как резаная. Сестра Веры сгребла нас и вышвырнула из комнаты, изо всех сил хлопнув дверью. Из-за двери доносился топот. Пикл была в ярости.

Она сказала, что ни в жизнь не стала бы бросать крабов, так как в комнате была Библия. Мы, скорей всего, попадем в ад, а ее с позором выгонят из церкви. И теперь нас ни за что не примут к Батарее для выпускников, и все из-за меня.

Я сказала: меня никто не предупредил, что там Библия, и вообще нечего им столько тайн иметь. Она меня так взвинтила, что я случайно прислонилась спиной к газовому обогревателю в холле, и мое кисейное платье вспыхнуло. Я слышала, что оно горит, и так испугалась, что побежала, от чего сделалось только хуже. Когда я домчалась до низу лестницы, спина у платья сгорела, оно развалилось пополам и упало на тротуар. Я успела пробежать квартал, пока заметила это и остановилась. Я стояла перед пекарней Магнолия-Спрингз в нижнем белье. Пикл выскочила из-за угла, размахивая тем, что осталось от платья, — ключьями обгоревших кружев.

Пришлось возвращаться в масонскую ложу. Видели бы вы лица мужчин, когда мы проходили мимо бильярдной. Ко всем прочим бедам, они вывалили на улицу и следовали за нами до самой масонской ложи, неприкрыто пялясь на меня. Наверное, теперь уже все без исключения мужики округа Харвин видели меня полуголой.

Когда мы повернули за угол, все «Радужные девушки» и женщины из «Вифлеемской звезды» выстроились перед зданием масонской ложи. Они почуяли запах гари и вышли полюбоваться, как я стою посреди Магнолия-Спрингз в трусах и бюстгальтере без бретелек. Эти женщины, казалось, вот-вот потеряют сознание. Кто-то побежал наверх и принес мне пальто, но в «Радужные девушки» нас не примут, и Пэтси Руфь Коггинс с нами никогда больше не станет разговаривать.

Вот ведь какая штука. Вроде бы они должны были обрадоваться, что я не обгорела, но нет, они бы предпочли, чтобы я погибла в огне, чтобы мне можно было закатить официальные похороны члена их клуба. Они объявили, что я навсегда очернила безупречную репутацию «Радужных девушек». Я не виновата, что платье оказалось такой дешевкой. Ну и черт с ними! Хвост у меня тоже обгорел на конце, теперь его целую вечность отращивать до прежней длины. И мне никогда не узнать, есть ли в том кувшине золото!

Половина школы не разговаривает со мной и с Пикл. Кажется, «Радужным девушкам» полагается быть мягкими и добрыми, если верить Ценному Советчику, но они нас называли такими словами, каких я прежде и не слышала, в том числе и дочерьми сатаны.

Отец задал Пикл жуткую трепку из-за всей этой истории, но самое плохое случилось сегодня. Мы шли мимо Батарей для выпускников, и знаете, кто там стоял и ржал как ненормальный? КЕЙ БОБ БЕНСОН! Вот дерьмо собачье!

16 февраля 1957

Джимми Сноу вчера не пришел ночевать. Мы позвонили в больницу, и точно, он снова там. Я села перед папой и сказала, что уйду, если они с Джимми не начнут посещать встречи «Анонимных алкоголиков». Я в жизни так не сердилась, и, наверное, это сработало, потому что папа пообещал пойти, как только Джимми выйдет из больницы.

У «Анонимных алкоголиков» отличная репутация, и они оба могут познакомиться там с хорошими людьми, разнообразия ради. А то видели бы вы, с кем они якшаются. Один из этих подонков однажды всю ночь ломился ко мне в комнату. Если бы он сломал дверь, ни папа, ни Джимми Сноу мне ничем не помогли бы, так были пьяны.

Мне тошно от того, что так разозлилась на папу, ведь они с Джимми столько ради меня сделали, могли в тюрьму угодить, но ведь это для их же блага. Иногда с ними нужно как с детьми малыми. Мы позвонили «Анонимным алкоголикам», и если в пятницу Джимми Сноу выйдет из больницы, вечером они отправятся в их клуб. Держу пальцы скрещенными.

12 марта 1957

Папа и Джимми Сноу два раза были у «Анонимных алкоголиков», и я ими горжусь. Они и выглядят лучше, и говорят, что лучше себя чувствуют. Жизнь налаживается.

Сегодня на уроке Будущих домохозяек мы учились вышивать узоры. Кому это надо? Я всю одежду покупаю в магазине. На следующей неделе будем учиться правильно собирать чемодан. Вот это нам с Пикл, возможно, и понадобится, когда будем уезжать отсюда.

В кинотеатре «Магнолия-Спрингз» показывали «Король и я»,^[90] и Вернон Мусбургер решил, что он король Сиама. Вышагивает с важным видом, а когда его о чем-нибудь спрашивают, отвечает словами из фильма: «Et cetera,^[91] et cetera, et cetera». Такой самодовольный. Тоже мне, лысая кинозвезда!

Если я что и жду, так это поездки с оркестром в Новый Орлеан, чтобы поучаствовать в параде Марди Гра. Жаль, я не знаю ничего кроме «Леди Испании». Пикл научит меня играть «Свети, малютка светлячок», если найдет время.

Знаете, что мне сказал Лемюэль? Что все девушки в клубе Будущих медсестер Америки — нимфоманки. Это значит, что они сходят с ума по сексу и им вечно его не хватает.

Слышали бы вы, как Эми Джо Снайпс расписывает прелести замужества, как они с Натаном вместе делают домашнюю работу. Ужас до чего романтично! Они живут вместе с ее мамой, так что Эми Джо не приходится ни готовить, ни убирать, ничего. Не представляю, как это — быть замужем и ходить в школу. Ну ладно, по крайней мере, она имеет полное право на свидания.

Мы с Мастердом и Марионом Юджином снова ходили в кинотеатр для автомобилистов. Этот мальчишка целиком состоит из рук. Приходилось без остановки жевать сладости и попкорн, чтобы он не приставал. После кино они всегда хотят припарковаться где-нибудь в тихом месте. Мастерд и Пикл сидят целуются. Пикл говорит, ей это не нравится, но она на все готова, чтобы встречаться с мальчиком из выпускного класса, но, конечно, до самого конца она не пойдет. Я устала отбиваться от Мариона Юджина. Кто-то сказал ему, что если девушка говорит «нет», это означает «да». Добраться бы до того, кто пустил этот слух.

1 апреля 1957

Я считаю, что Кей Боб Бенсон должна мне оплатить поход к дантисту, но она заявила, что не собирается, будто бы я сама виновата в том, что сломала еще один передний зуб. Надо было смотреть, куда иду.

Мы маршировали на параде Марди Гра в Новом Орлеане, и Кей Боб Бенсон начала выпендриваться. Всякий раз, как мы останавливались, она выделяла свои дурацкие фокусы с жезлом, подбрасывала и ловила. И один раз, когда мисс Филпот дунула в свисток «пошли», ее жезл упал на мой саксофон и отколол кусок второго переднего зуба. Теперь у меня два сломанных. Просто убить ее готова. Кроме того, клавиши на саксофоне погнулись и он перестал играть. Пришлось мне весь день изображать, будто играю.

В Новом Орлеане нас ждали сплошные неприятности. Барабанщика ударили по голове бутылкой кока-колы, и сразу после того, как мы вышли из автобуса, какой-то мужик подозвал Эдвину Уикс к машине и показал ей свою штучку. Парад — опасное дело, если спросите, что я об этом думаю. В тебя бросают всякую дрянь, у нас вся форма перепачкана растаявшим шоколадом. Теперь, чтобы отдать ее в химчистку, нужно целое состояние. Единственная радость — какой-то пьяный плюнул в Кей Боб Бенсон!

P. S. «Свети, малютка светлячок» не подходит ни к одному маршу.

10 апреля 1957

Вчера вечером, перед тем как поехать в кинотеатр для автомобилистов, Марион Юджин заскочил в бильярдную попросить у брата денег. Выйдя, он сказал:

— Угадайте, кто там в бильярд играет.

Я спросила:

— Кто?

— Твой папа и Джимми Сноу.

— Не верю, — говорю. — Они у «Анонимных алкоголиков».

А он говорит — пойди сама глянь. Я пошла. Да, вот они, красавцы, пиво потягивают. Они мне оба противны. Оказалось, они посетили «Алкоголиков» только один раз. Папа уговорил Джимми уйти, потому что, видите ли, не мог встать перед толпой завязавших алкашей, назвать свое имя и сказать: «Я — алкоголик». К тому же они только и делают, что молятся. Каждый вечер пятницы дружки торчат в этой бильярдной.

Я сдаюсь. Когда обзаведусь деньгами, сниму собственное жилье или

перееду в отель «Магнолия-Спрингз».

И как им не стыдно подавать мне такой плохой пример. Папа должен волноваться, когда я хожу на свидания. А ждет меня только Джимми, не ляжет, пока не убедится, что со мной все в порядке.

Пикл рассказала жуткую историю про двух людей, которые припарковались на «Лужайке любовников» в городе, откуда она родом. Они сидели, целовались-миловались, и тут по радио объявляют, что сбежал сексуальный маньяк с крюком вместо руки и бегаёт на свободе. Ну, девочка испугалась и попросилась домой, а парень хотел остаться. Они из-за этого поругались. Тогда парень разозлился и поехал. У дома он открыл дверцу, а на ручке снаружи крюк висит.

Ни папа, ни Джимми Сноу никогда не разговаривали со мной о мальчиках и сексе. Думаю, кто-то должен мне об этом рассказать. Я беспокоюсь, потому что если от поцелуев можно забеременеть, то у Пикл большие проблемы. Я знаю, она не принимает ванну после того, как там побывали ее отец или брат, потому что слышала, как одна девочка это сделала и забеременела. Советую ей: лучше тогда мойся в душе.

23 апреля 1957

Пикл влюбилась в Тэба Хантера.^[92] Мне пришлось высидеть фильм «Боевой клич» восемь раз. Она написала ему письмо и сказала, что он должен сниматься с Пайпер Лори, и попросила прислать фотографию.

Мы будем играть в пьесе в честь выпускников. У меня роль официантки. Я подхожу обслуживать столик, и Билли Хэмп говорит:

— Сколько лет этой яичнице?

А я отвечаю:

— Не знаю, мистер, я только что накрыла стол.

По-вашему, это смешно? По-моему, не очень.

Пикл должна дать четыре глупых ответа. Ее спрашивают:

— Кто такой сосед?

Она говорит:

— Человек, который приходит что-нибудь одолжить.

— Кто такой дантист?

— Конструктор мостов.

— Кто такой эскимос?

— Человек, который должен раздеваться с помощью пестика для колки

льда.

— Что такое зебра?

— Лошадь за забором.

Ей достались все смешные реплики.

Мастард Смут изображает Теннеси Эрни Форда.^[93] И еще будет карикатура на «Ваш хит-парад». Дирижирует мисс Филпот.

Про нас напечатали в школьной газете. Меня назвали Самой умной десятиклассницей. Пикл — Девочкой с самым сильным командным духом. Кей Боб Бенсон — Девочкой в самом красивом платье, разумеется. Майкл был назван Самым симпатичным мальчиком, а Вернон Мусбургер — Самым удачливым. Пэтси Руфь Коггинс — Самой доброй.

Ой, господи, слышали бы они, что она говорила нам с Пикл, когда мы подбросили песчаных крабов «Радужным девушкам». Она больше не сердится, но мать не разрешает ей сажать нас с Пикл в машину. Приходится всюду ходить пешком. Вот невезуха!

Приближается выпускной концерт, и мы с Пикл хотим назначить время в салоне красоты «Нита» и в Студии «Мерл Норман», чтобы сделать полный макияж в день концерта. Я не смогу купить новое платье, и Пикл одолжила мне свое старое цвета морской волны, а сама наденет платье кузины. Мы собираемся всю ночь не спать и встретить рассвет, а потом все позавтракаем в ресторане отеля «Магнолия-Спрингз». Это будет первый раз, когда мы с Пикл всю ночь не будем спать на свидании. Так поступают все выпускники. Прямо не могу дождаться. Кей Боб Бенсон не идет на концерт, потому что Флика Хикс не выпускник. Какааая жааалость! Но, как говорит мисс Дорис Дэй, «Que Sera Sera».^[94]

22 мая 1957

Тема концерта в нынешнем году была «Алые паруса на закате», и в декорациях из гофрированной бумаги господствовали красный и оранжевый. Все сказали, что мы с Пикл очень красивые. Видели бы вы лицо Беки Болден. Когда она танцевала, булавка от ее букетика проткнула надувной лифчик. Одна грудь мгновенно сдулась. Беки завопила, будто ее подстрелили, к ней ринулись все ее подружки и проводили до туалета, расталкивая всех с дороги. Полный крах. Она так и не вернулась. Пэтси Руфь Коггинс заболела и не смогла прийти на танцы. Пикл заставила оркестр сыграть в честь Пэтси Руфь «Рок-пневмония, буги-вуги-ОРЗ».

После концерта мы всей толпой вывалили на берег. Мальчики несли одеяла, чтобы мы могли сесть и полюбоваться восходом. Марион Юджин дал мне поносить свое кольцо выпускника, а Мастерд отдал Пикл свое. Наверное, Пикл знала, что он это сделает, потому что у нее с собой в сумочке был пластырь, который она намотала внутрь кольца, чтобы оно не спадало. Со своим я поступила так же. Это кольцо весит фунтов пять.

Мы завтракали в отеле, и вдруг входит отец Пикл, хватая ее за руку и рывкает:

— Так, юная леди, ты идешь со мной. — И практически силой выволакивает ее на улицу.

Мы не знали, что делать. Пикл наверняка стыдно до смерти.

Бедняга Мастерд просто сидел и смотрел. Он чуть не плакал от ярости.

Сегодня Пикл не переодевалась на физкультуру, значит, отец ее избил. Я спросила, как он ее нашел. Оказывается, она сказала дома, будто проведет ночь у Пэтси Руфь Коггинс. Он туда вечером позвонил, и миссис Коггинс сообщила, что Пэтси болеет и никакие подружки у них не ночуют. Он обошел все мотели и отели, пока нашел Пикл. Она сказала, что он подозревает ее в сексе.

Сегодня был «Детский день», когда выпускники одеваются как малыши. Лемюэль вел себя полным идиотом и влез на парту. У него провалилась нога между досками скамьи и застряла. Он просидел два часа, пока не пришел сторож и не разломал парту.

Сегодня получили наши школьные ежегодники. Фотографии Пикл ужасны. Невозможно понять, кто есть кто. Все оставили мне подписи. Вот послушайте:

* * *

Когда ты мужа, детей
И внучат завела,
То это уже не семья,
А куча-мала.
Твоя до мозга костей,
Верная, как скала.

(Пэтси Руфь Коггинс)

* * *

Странная штука — любовь:
Ящерицей вползет,
В вино превращает кровь,
Щекочет живот.

(Мастард Смут)

* * *

Мужа себе найди,
Только не дурака,
А из школы Магнолия-Спрингз
Славного паренька.

(Миссис Натан Уилли)

* * *

У розы есть шипы,
У моряков — пилотки.
Фигура у тебя
Как у подводной лодки.

(Майкл Ромео)

* * *

Когда ты мужа заведешь,
Гнездо на дереве совьешь,

Пошли мне пирожок.
Бог.

* * *

Когда ты мужа заведешь,
Родятся вдруг близняшки,
Ты не звони мне, не проси
Им подтирать какашки.

* * *

Когда ты мужа заведешь,
Вы старости не ждите,
Детишек почтой закажи —
Доставят в лучшем виде.

(Эдвина Уикс)

* * *

А я хочу похулиганить,
Хорошим быть не выношу,
Так что я буду хулиганить
И дважды имя подпишу.

*(Вернон Мусбургер, Вернон
Мусбургер)*

* * *

Сперва любовь приходит,
Потом и брак грядет.
А вот и наша Дейзи
С колясочкой идет.

(Мадж Фейрклос)

Зайдет в печали солнце,
В земле найдешь ты дом.
И пусть твое напишут имя
Господу в альбом.

(Беки Болден, сестра Веры)

Моей лучшей подруге

Люблю тебя я маленькой,
Люблю тебя большой.
Люблю тебя как свинка —
Всем сердцем и душой.

(Пикл Уоткинс)

Однажды в кроватке в обнимку с подушкой
Проспал я и завтрак, и даже обед.
Но высунул ногу случайно в окошко...

И нате — от запаха помер сосед.

(Лемюэль Уоткинс)

Когда ты выйдешь замуж,
Детишек заведи,
Но за кухонным стулом
Ко мне не приходи.

(Джуди Эшвиндер)

Вспомни МЕ,
Вспомни НЯ,
Сложи их вместе
И вспомни МЕНЯ.

(Малая)

Слишком хороша, чтобы забыть...

(Мисс Филпот)

Девочка — припевочка,
Парнишка — озорной.
А моя любовь —
В сорок миль длиной.

(*Марион Юджин*)

А я просто написала свое имя задом наперед...

29 мая 1957

Завалила алгебру, представляете? А кроме того, провалилась по основам гражданственности и не сдала на водительские права. Вот уж не думала, что провалю основы гражданственности. Я так старалась сдать испанский, что гражданственность напрочь вылетела у меня из головы. Здесь нет летней школы. Придется ехать в Джексон к бабушке Петтибон, чтобы в одиннадцатом классе я могла учиться вместе с Пикл. Хочется просто убить себя от ярости на себя. Мы с Пикл собирались столько всего интересного предпринять летом. Собирались загорать и осветлить волосы.

Раз меня здесь не будет летом, Пикл собирается поработать в театральном магазине «Элвуд», чтобы подкопить денег на одежду.

Я уезжаю в Джексон на следующей неделе, и Пикл проводит меня до автобусной станции. Она обещала писать мне каждый день и все-все рассказывать. У нас впереди отличный год, я уверена. У одиннадцатых классов все привилегии, и у Лема будет машина. Если он будет давать ее Пикл, мы сможем прогуливать когда захотим. Жду не дождусь.

1958

22 января 1958

Я отучилась в летней школе два месяца, когда Пикл вдруг перестала писать. Я посылала ей письмо за письмом, спрашивая, в чем дело, но в ответ не получила ни слова. Примерно через месяц Пэтси Руфь Коггинс написала, что Пикл беременна.

Не пойму, как Пикл это допустила. Мы же собирались вместе ехать в Нью-Йорк. Но в любом случае я уеду из Миссисипи, как только появится возможность. В летней школе я снова завалила алгебру.

Мы с папой и Джимми Сноу живем теперь в Хатисберге, штат Миссисипи. Хозяин мотеля, которым управлял папа, уволил его, потому что папа сдал комнату каким-то цветным, а Совет белых граждан узнал об этом, наведалься и перестрелял все стекла. Папа работает в пивном баре под названием «У Джонни», а Джимми Сноу по-прежнему занимается опылением, когда ему перепадает работа.

Наш многоквартирный дом называется «Милнер-Корт». Моя комната — обшитая досками бывшая веранда. Надеюсь, скоро съедем.

Школа, куда я хожу, — академия Святого причастия, и учитель катехизиса, отец Стивенс, доводит меня до белого каления, стараясь

обратить в католичество. В школе учится много богатых девочек. Все они состоят в каких-то женских организациях и принадлежат к высшему обществу. Салли Гэмбл, чей папа — директор самого большого универмага в Джексоне, учится в моем классе. Я не завела никаких друзей, да и нет такого желания, хочу одного — доучиться и свалить отсюда.

3 февраля 1958

Бабушка Петтибон выиграла джекпот в бинго и прислала мне 15 долларов.

В квартале от места, где мы живем, есть театр, называется «Драматический театр на Азалия-стрит», там ставят живые пьесы. Так вот, я купила билет. В холле услышала, как один человек говорит, что их осветитель разозлился и уволился и на сегодняшний вечер им нужно кого-нибудь срочно найти. Я сказала, что могу управлять прожекторами, потому что мои папа и дедушка были осветителями и меня научили, что, конечно, полнейшая ложь. Ничему они меня не учили, но это всегда казалось мне довольно легким делом. Тот человек сказал — отлично, приходи сегодня вечером. Я села на автобус и поехала в центр города в театр «Мельба», где работал киномехаником папин приятель. Он включил старый прожектор и научил меня с ним управляться. Я была права, это оказалось проще простого. Нужно только направлять его и крутить ручку, делая свет сильнее-слабее.

После спектакля в осветительную будку поднялся директор театра, профессор Тисли, и сказал, что я отлично справилась. Прежний осветитель, что у них работал, зачастую не мог свет даже на сцену направить, так что теперь я официально принята на работу осветителем. Мне ничего не платят, зато я могу смотреть бесплатно все спектакли. Все говорят, это лучший любительский театр в Миссисипи. Я приглашена на вечеринку для персонала, и в программке будет стоять мое имя. Я подписываюсь Фэй Харпер, так лучше смотрится в напечатанном виде. Даже будь я побогаче, у меня просто не хватало бы времени становиться членом женских организаций и тому подобного. Честно говоря, хоть я и пообещала маме закончить колледж, я бы на это плюнула и стала профессиональным осветителем на полной ставке.

19 февраля 1958

Мой новый друг мистер Сесил — известный в городе шляпный дизайнер и работает в театре костюмером. Он высокий, худой, красит свои светлые волосы, и вообще в жизни не встречала никого забавней. У него в шляпном салоне работают десять молодых ребят, и все называют их Сесилетки. Они — это что-то. Вообще-то мистер Сесил не любит девушек, но я — исключение. Он считает меня красивой и хочет помочь мне лучше одеваться и заняться моими волосами. Я чуть не сдохла, когда он выщипывал мне брови, но зато теперь я гораздо симпатичней.

Его многие не любят, но он человек поистине трагической судьбы. Когда его лучший друг, работавший парикмахером в универмаге «Гэмбл», захотел поехать в Новый Орлеан на карнавал Марди Гра, мистер Сесил вкалывал три недели и сшил ему великолепный костюм Снежной королевы, а потом проводил его на автобус. С тех пор — в этом феврале будет уже пять лет — он его не видел. Потеряв лучшую подругу, я знаю, каково ему.

Еще мне нравится профессор Тисли, наш директор, очень нравится. У него длинные седые волосы и есть дочь, она профессиональная актриса в Чикаго. Деньги на постройку театра ему дала мать, миссис Нэнни С. Тисли, которая очень богата и немного глуховата. В день открытия, когда она пришла на спектакль, всем приходилось кричать свой текст. Она всегда ходит в длинном черном платье и с черной палкой с набалдашником из чистого золота, но надо смотреть в оба, потому что она обожает этим набалдашником хряснуть человеку по коленке. На днях мы с мистером Сесилом навещали ее. Миссис Тисли устраивает вечер культуры перед домом для общества Джона Бёрча, в программе танцы и поэзия, и она хочет, чтобы мистер Сесил подготовил костюмы для меня и для нее, а я чтобы управляла прожектором. Мы не знаем, когда состоится вечер. Миссис Тисли говорит, там будет танец в честь богини луны, поэтому нужно ждать полнолуния.

Ее дом — это большой белый дворец, прямо на озере. Она показала мне медаль ВВС Хатисберга 1943 года, полученную за то, что она в одиночку сбила два вражеских самолета над Миссисипским заливом. К сожалению, оба они оказались самолетами метеорологической службы Пенсаколы, штат Флорида, но поскольку она думала, что они вражеские, и пилотам удалось выжить, ей все равно дали медаль. Кроме того, мистер Сесил говорит, она пожертвовала для ВВС кучу денег.

Миссис Тисли разводит крабов, такое вот хобби. Увидев столько

крабов, я спросила: они вас когда-нибудь щипали? Она сказала — да, но если так любишь крабов, они могут щипать тебя сколько угодно — ничего не почувствуешь.

26 февраля 1958

Следующая пьеса, которую играют в нашем театре, — «Тигель», она о ведьмах из Салема, Массачусетс. Мистеру Сесилу она жутко не нравится, костюмы дурацкие. Поскольку для этой пьесы не требуется прожектор, я работаю внизу на рампах.

Я водила мистера Сесила в бар «У Джонни» знакомиться с папой и Джимми Сноу, и слышали бы вы, что сказал этот дурак Джимми. Я заявила в ответ, что мистер Сесил мой друг, и если он кому-то не нравится, то пусть этот кто-то помалкивает. Ну и что с того, что мистер Сесил необычайно обходителен для мужчины? Он намного приятней, чем любой из дружков Джимми, и одет несравненно лучше, и к тому же знаком со всеми знаменитостями города.

Вчера мистер Сесил познакомил меня со своей подругой, она скульптор и родом из очень богатой семьи, но от нее отреклись. Зовут ее Пэрис Найтс. Она красивая, курит сигареты с черным мундштуком и носит армейские штаны и жемчуга. А еще нюхает табак и ругается как матрос. Пэрис — женщина с очень изысканным вкусом, если спросите мое мнение.

Видели бы вы ее скульптуры. Я знаю, что это такое, я не тупая, — сотни мужских штуквин всевозможных размеров. Отреклись от нее за то, что она пожертвовала одну из скульптур Хатисбергскому художественному музею для аукциона на Большом балу Изящных искусств. Одной женщине из комитета показалось, что она узнала в скульптуре штуку своего мужа, и она плеснула мартини в лицо Пэрис и закатила скандал. По словам Пэрис, ни о каком портретном сходстве и речи быть не может, эта тетка просто приняла желаемое за действительное.

Мистер Сесил рассказал, что, когда Пэрис жила в Нью-Йорке, у нее был роман с Марлоном Брандо. Интересно, может, одна из этих штук слеплена с Марлона Брандо?

Пэрис угощала нас вином и французским сыром «камамбер». Я впервые попробовала иностранную еду, если не считать итальянские блюда мистера Ромео и китайскую еду в ресторане «Джой Понг».

Пэрис спросила, верю ли я в свободную любовь, а я не знала, что

ответить, и сказала «да». У нее были романы с мужчинами всех сортов и типов, включая восточных. Она считает, что в моем возрасте уже пора получать жизненный опыт. Честно говоря, я бы лучше подождала. Я даже с американцем еще в постели не лежала. Она ищет помощника в студию, но мне что-то не слишком хочется иметь дела с этими ее скульптурами. Может, католическая школа превратила-таки меня в ханжу?

У папы новая подружка. Хуже уже некуда. Джимми Сноу говорит, что поделаться, если она такой уродиной уродилась, но это же не причина, чтобы шляться, правда? По-моему, ее просто привлекает дармовая выпивка.

11 марта 1958

Тути, Хелен и Долорес — секретарши в театре. Поскольку все они ищут мужей, я притащила их в папин бар, надеясь, что хоть одной папа приглянется и он перестанет крутить шашни с этой уродиной. Папа им не приглянулся, зато все трое в один голос заявили, что Джимми Сноу — милейший человек на свете. Джимми так стеснялся, что за весь вечер слова не смог выдать. Тути во время танцев скакала, изображая зайчика, и на следующий день не смогла выйти на работу: натерла ноги.

Жаль, что папин бар так паршиво смотрится. На стенах деревянные рыбы и чучела рыб, а с потолка свешивается рыбацья сеть.

Мы с мистером Сесилом пишем смешной скетч к актерской вечеринке. Он играет ведьму, а я беру у него дома интервью, как в телешоу «Лицом к лицу».

Он сердится на миссис Тисли. Она позвала нас в последнюю минуту, чтобы сообщить, что настало полнолуние, а костюмы для танцев готовы только наполовину. Но оказалось, никакое это было не полнолуние, и большую часть танцев я пропустила, взясь с прожектором. Никто не предупредил, что они собираются использовать надувные мячи и обручи. Видели бы вы этих девушек, они прыгали по всему двору. Одна наступила в собачью кучу, заорала и прекратила танцевать, но миссис Тисли треснула ей по колену палкой и заставила вернуться. В конце вечера все прочитали по написанному ради такого случая стихотворению. У миссис Тисли получилось лучше всех.

Скоро дождь пойдет,
Скоро снег пойдет,

И вся листва с деревьев
На фиг упадет.

16 марта 1958

Мы исполнили наш скетч на вечеринке для актеров, занятых в спектакле «Тигель», получилось просто класс. Профессор Тисли предложил мне попробовать силы в следующей пьесе, которая называется «Кошка на раскаленной крыше».^[95] Мистер Сесил посоветовал просить роль побольше. Я хочу главную, которую в фильме играет Элизабет Тейлор, пока же тренирую дикцию. А то за кулисами ничего не слышать, только «Пепси-кола, кому пепси-колы». Я не меньше часа в день кричу, срывая связки, чтобы голос стал пониже. Поскольку Джимми Сноу днем спит, мне приходится пробираться в театр через окно женского туалета и кричать там. Видимо, я выбрала правильную тактику, потому что голос у меня теперь хриплый. Если пресса нас похвалит, мамаша Кей Боб Бенсон наверняка прочтет. Она вечно хвастается, что читает хатисбергский «Пресс-регистер». Получила от бабушки Петтибон смешное письмо. Она не разговаривает с тетей Бесс с тех пор, как устроила вечеринку в честь ее шестидесятипятилетия, а тетя Бесс напилась и спросила бабушкиного священника, не может ли он достать противозачаточные таблетки.

21 марта 1958

Профессор Тисли сегодня распределил роли в «Кошке на раскаленной крыше». Сказал, нет маленьких ролей, есть маленькие актеры. По-моему, он чертовски ошибается! Сыграть цветную служанку с единственной репликой «Надвигается буря» — маленькая роль, что бы там ни говорили. Я уже купила папе и Джимми Сноу билеты на день премьеры. Надо было подождать. В «Матушке Гусыне» у меня и то больше слов было. Мистер Сесил считает, звезды начинают с маленьких ролей. Когда я попросила его назвать хоть одну, он надолго задумался, потом сказал — Энн Сотерн,^[96] но такое ощущение, что он это на ходу сочинил.

6 апреля 1958

В «Кошке на раскаленной крыше» есть сцена, где старшая служанка и остальные слуги вносят торт и все поют Большому папе «С днем рождения тебя!». Раньше я об этом не думала, но в день премьеры мне показалось резонным, чтобы служанка пела вместе со всеми членами семейства. Я же, в конце концов, домашняя прислуга, а не рабыня! В антракте профессор Тисли ворвался за кулисы и потребовал, чтобы я снимала костюм, потому что больше не участвую в пьесе. Он сказал, что я загубила премьеру, что слуги не поют «С днем рождения», не посылают воздушные поцелуи и не кричат «Я люблю тебя, Большой папа!». Очевидно, в зале только меня и было слышно. Я просто старалась говорить погромче ради его глухой матушки, только и всего. И что плохого в импровизации? В студии актерского мастерства в Нью-Йорке все напропалую импровизируют. Пэрис Найтс, которая тоже пришла посмотреть, считает, что это придало пьесе новый поворот и создало впечатление, что у Большого папы была жаркая любовная связь с одной из цветных служанок. Слава богу, папа и Джимми Сноу не явились!

В следующем спектакле я снова осветитель, вот невезуха! Пьеса написана какой-то женщиной из Джексона по имени миссис Мама Кол Стэффорд и называется «Я слышала крик отчаяния из кустов бугенвиллеи». Действие происходит в Мейконе, штат Джорджия, в самый жаркий день года. Вот начало:

День был такой жаркий, что лепестки жимолости, напитанные мускусным запахом, тяжело падали в кусты гардении, издавая звук, подобный тому, с каким капли горячего меда падают в белоснежную пахту, а ленивые желтокрылые пчелы с томным жужжанием перелетали с цветка на цветок.

Ох, боже ты мой.

Это история о том, как одна старая дева боится, что унаследовала по женской линии тяжело переносимый климакс, от которого у ее матери помутился рассудок.

Про «Кошку на раскаленной крыше» написали в хатисбергском «Пресс-регистер», но меня не упомянули. В обзоре говорится, что люди слышали, как миссис Нэнни С. Тисли, мать директора, несколько раз

громко смеялась в драматичных сценах пьесы.

9 апреля 1958

Сегодня после школы заглянула в папин бар, а там сидит Лем Уоткинс. Он уже восемь месяцев как в армии, и сейчас его на два года отправляют в Германию. Услышав, что папа управляет баром в Хатисберге, он решил приехать меня повидать. Мы посидели, и после нескольких стаканов пива Лем рассказал, что произошло. Решил, что я должна знать: Пикл забеременела не от Мастарда Смута.

Однажды в субботу Пикл была дома одна, гладила белье, тут вернулся ее отец с очередного собрания Совета белых граждан и начал орать, обвиняя ее в том, что она занимается сексом с Мастардом. Потом стал бить ее, обзывать, после чего заволок в чулан и изнасиловал. Когда Лем вернулся и нашел ее всю избитую и в крови, он взял ружье и пошел искать отца, чтобы убить. Но не нашел. Они рассказали миссис Уоткинс, что произошло, но она не поверила, заявила, что если это правда, значит, Пикл сама его спровоцировала. Когда Пикл поняла, что беременна, Мастард на ней женился. Лем же решил уйти из дома, поскольку понял: если он когда-нибудь увидит отца, то наверняка убьет.

Тут он заплакал и взял с меня клятву никогда не говорить Пикл, что он мне об этом рассказал, потому что ей очень стыдно. Недавно он услышал, что его убудок отец вернулся и каждый вечер молится перед сном.

И все это время я думала только о себе и о том, как Пикл меня бросила. Она прошла через настоящий ад в одиночку. Что же я за подруга такая, если она не решилась со мной поделиться? Наверное, я слишком много разглаговльствовала, как мы с ней поедem в Нью-Йорк, и она побоялась меня разочаровать. Во мне нет ненависти к мистеру Уоткинсу. То, что я к нему чувствую, гораздо глубже. Почему такие, как он, живут и здравствуют, а такие, как моя мама, которая в жизни никого не обидела, должны умирать? Завтра поеду к Пикл.

11 апреля 1958

Я села на автобус до Магнолия-Спрингз и сошла у пекарни. По всему городу я спрашивала, не знает ли кто-нибудь, где живет Пикл. Продавщица

в аптеке сказала, что вроде бы она работает на картофельном складе. Прихожу туда, какая-то пожилая женщина говорит, что девушка по имени Пикл Смут работает в ангаре № 3. Пока шла, вспоминала, как мы с Пикл всегда смеялись над теми, кто работает на картофельном складе.

Я увидела ее первой. Она сортировала картошку, и сердце у меня забило так, что я чуть не сбежала. Я позвала:

— Пикл!

Она долго на меня смотрела, а потом сказала так, будто ничего удивительного не произошло:

— А, привет, подружка, ты что здесь делаешь?

Я объяснила, что просто приехала на денек и подумала, хорошо бы ее найти и поздороваться.

Она попросила подождать минутку, она только скажет кому-то там, что сделает перерыв. На вопрос «Как поживаешь?» она ответила: «Да все вроде нормально», Мастард работает у отца на ферме, а у нее чудный маленький сынишка, которого называли Лем. Я рассказывала о театре, а сама все смотрела и смотрела на нее. Она казалась постаревшей и замотанной, а глаза... Глаза стали совсем другими.

Довольно скоро темы для разговора у нас закончились, мы обе не знали, что сказать. Наконец она вздохнула:

— Ну ладно, я, наверно, пойду работать. — Потом спрашивает: — Слушай, подружка, а ты по-прежнему намерена остаться старой девой?

— Как-то не думала.

— А то, может, сходишь как-нибудь замуж-то.

Когда она уже уходила, я спросила:

— Пикл, а как твои фотографии?

Она поглядела на меня непонимающе:

— Фотографии?

— Ну помнишь, ты фотографировала?

— А, вот ты о чем. Это было так давно, что я и забыла. Напиши мне как-нибудь, ага?

Я добрела до города и села на автобус. Всю дорогу смотрела в окно. По-моему, на свете нет ничего печальней, чем мертвые животные на обочине. А по-вашему?

16 апреля 1958

Мистер Сесил вернулся из очередной ежегодной поездки в Новый Орлеан. В этот раз он снова не нашел своего друга. И готов сдаться. Надо ему связаться с Бюро пропавших людей, как мы делали, когда пропал дедушка Петтибон.

Сейчас я работаю звукооператором в спектакле «Тысяча дней Анны». Там все про Генриха Восьмого и Анну Болейн, пьеса шикарная. Они только и делают, что сражаются, но в конце Анне отрубает голову, а Генрих завязывает с католичеством.

Один из моих звуковых эффектов — пушечный выстрел. Он должен прозвучать посреди пьесы, это знак Генриху, что Анна Болейн убита. После чего он произносит длинную речь о том, как ему будет ее не хватать. Вчера на спектакле у меня сломался магнитофон, а Губерт Джемисон, игравший Генриха Восьмого, тупо молчал и смотрел в зал. Я была в звуковой будке и не могла подать знак, что магнитофон не работает. Он должен был догадаться, но не догадался, и в конце концов я свесилась из будки и крикнула:

— Бум!

Губерт разозлился на меня и обвинил в том, что я испортила ему лучший монолог, потому что зрители все дружно обернулись посмотреть на будку.

Мы с мистером Сесилом написали для меня забавный скетч. Я играю очень богатую даму из высшего общества, она идет ужинать в дорожную ресторацию. Я в длинном черном вечернем платье и курю сигарету в черном мундштуке, который одолжит мне Пэрис. Вхожу в зал, кричу всем: «Привет!» — и тут вижу мужа. В полном шоке я вопрошаю: «Ой, Джордж, что ты тут делаешь? Не возражаешь, если я присяду? Знаешь, я бы умерла, если бы слово, данное на нашей свадьбе, оказалось... э-э... непрочным». И быстро сажусь за столик, пока он не успел возразить, и машу рукой, приветствуя каких-то знакомых. «Джордж, тебя не было дома полгода, и собака по тебе соскучилась. Я что-то не то сделала?» Постукиваю себя по груди мундштуком. Здравуюсь еще с кем-то в другом конце зала. Снова смотрю на него. «Джордж, ты бы хоть что-нибудь сказал, что ли». Раздается выстрел. Я встаю и хватаюсь за живот. «И это все, что ты можешь сказать, Джордж?» Я замечаю, что все смотрят на меня, смеюсь и стараюсь делать вид, что ничего не случилось. Прикладываю к животу платок, как бы затыкая рану, и сажусь. «Так, насчет похорон. Ничего помпезного. Пять-шесть сотен человек, и, Джордж, хорошо бы пришел Билли Грэм^[97]». Я машу кому-то в другом конце зала, замечаю: «Это погубит мою светскую жизнь», стряхиваю пепел на соседний столик,

говорю: «Я не то чтобы сильно возражаю, Джордж. Но ведь ты совсем не подумал о детях. Что? Ах да, верно. Детей у нас не было, правда? Но я не виновата, что мама у меня такая строгая!» Затем кричу кому-то в другом конце зала: «Привет, Кей Боб, прекрасно выглядишь, дорогая». Поворачиваюсь к Джорджу: «Не вздумай пригласить Кей Боб на мои похороны. Я просто умру, если она заявится. Джордж, у меня все в порядке с лицом, тушь не потекла? Хорошо!» Я со стуком роняю голову на стол и умираю.

По-моему, очень смешно, и мистер Сесил так думает. Он заставил всех Сесилеток посмотреть скетч, им очень понравилось. Я покажу его на вечеринке для актеров, занятых в «Тысяче дней Анны».

23 апреля 1958

Мой скетч прошел на ура. Все сказали, что в жизни не видели ничего смешнее. Даже Губерт Джемисон. Профессор Тисли был настолько впечатлен, что поставил меня в следующий спектакль, «Желтый Джек», это пьеса о битве с желтой лихорадкой в Панамском канале.

На вечеринке были мистер и миссис Гэмбл, мать и отец Салли. Миссис Гэмбл спросила, не соглашусь ли повторить это за 25 долларов на выпускной вечеринке Салли в загородном клубе Хатисберга. Я согласилась.

Джимми Сноу опять опыляет урожай в Файетвиле и скоро должен вернуться. Я хочу, чтобы он больше не брался за такую работу.

Папу я вижу нечасто. Он охаживает эту старую крокодильшу, просто сидят весь день и пьют. Много времени проводит в ее квартире. Она живет на южной стороне, в худшей части города. Да, о вкусах не спорят.

Я снова завалила алгебру.

28 апреля 1958

Видели бы вы загородный клуб Хатисберга. В таком красивом месте я в жизни не бывала. Настоящая старинная мебель, толстые ковры. Обязательно постараюсь, чтобы меня в такой приняли. Салли Гэмбл шикарно выглядела, а смокинги на ребятах сидели как влитые. Повсюду цветы, а на стенах герб Гэмблов.

Я исполнила свой номер, и мистер Сесил в нужный момент изобразил

выстрел. Слава богу. Миссис Гэмбл вручила мне конверт с деньгами и сказала, что я могу поесть на кухне. Несколько девочек, с которыми я учусь, заглянули ко мне туда поболтать. Я видела в окно, как папа Салли представлял ее обществу. Это было лучше, чем «Радужные девушки». Мой папа сказал, что устроит мне выпускную вечеринку в баре «У Джонни». Прелестно. Пэрис рассказывает, что чуть не умерла со скуки на своей выпускной вечеринке.

Сегодня я узнала, что Салли разозлилась на девочек, которые приходили ко мне в кухню пообщаться. Она сказала, что это некорректно — разговаривать с нанятой прислугой. Вы можете в это поверить? Пэрис рассказывает, что отец Салли уже заплатил за два аборта дочери. Мне казалось, полагается быть девственницей, когда выходишь замуж. На мой взгляд, это мошенничество.

У мистера Сесила новый друг, и он счастлив! Я велела не шить ему костюмов и не отпускать его на Марди Гра.

Репетиции «Желтого Джека» — восторг! Я играю английскую благородную леди, которая приезжает на Панамский канал навестить отца и приятеля, оба работают там врачами. Потом она заболевает желтой лихорадкой и разрешает отцу и приятелю использовать ее в качестве подопытного кролика и дать ей сыворотку, которую они изобрели. Мол, так она будет умирать, зная, что послужила медицине. Они соглашаются, потому что она единственная из всех больных желтой лихорадкой, кто говорит по-английски. В течение всего действия пьесы она лежит и умирает, рассказывая, как на нее влияет сыворотка.

Моя сцена смерти длится пятнадцать минут. Есть возможность развернуться. Потом, после ее смерти, они могут сделать необходимые исправления в составе сыворотки и открывают лекарство от желтой лихорадки, но для нее, увы, слишком поздно. Мистер Сесил помогает мне с гримом и английским акцентом.

1 мая 1958

Оглушительный успех. Вот моя первая в жизни профессиональная рецензия:

На последнем спектакле все играли отлично, но местные подмостки давно не видели такой прекрасной

игры, какую показала мисс Д. Фрэнсис Харпер в роли обреченной на смерть Сесили Бандридж. Сцена смерти была просто великолепна. А когда она заклокотала горлом и в последний раз помахала рукой отцу и осиротевшему любовнику, в зале не осталось ни одной пары сухих глаз. Во время спектакля мы стали свидетелями того, как Сесили Бандридж превратилась из молодой, веселой английской девушки в существо, страдающее жуткой желтой лихорадкой. Было невозможно поверить, что эта слабая, желтушная умирающая с ввалившимися глазами — та же девушка, которую мы видели в первом акте. Браво, мисс Харпер.

Губерт снова на меня ругается, что я растянула сцену смерти до невозможности, и надо было предупредить, что я намерена гримироваться в перерыве. Грим у меня был обалденный. Я смешала белый с желтым и наложила на все открытые участки кожи, а под глазами нарисовала большие темные круги. Вид получился очень больной. Губерт сказал профессору Тисли, что от желтой лихорадки не желтеют. Желтеют только от желтухи, и я напоминала китайку. Да он просто завидует из-за шикарной рецензии.

Лучшая новость: спектакль вызвал такой интерес, что его выбрали для летнего тура по всему штату Миссисипи. Профессор Тисли говорит, что когда мы поедem колесить по городам и весям Миссисипи, «нас будут ждать, как дождя в пустыне». И мне не нужно сдавать алгебру. Профессор Тисли съездил в школу-интернат и заставил их поставить мне зачет, чтобы я могла закончить школу, объяснив им, что я востребованная актриса и алгебра мне не нужна. Браво, профессор Тисли!

Я сделала двадцать три копии моей желтолихорадочной рецензии. Разошлю всем известным бродвейским продюсерам в Нью-Йорке. Я прямо жду не дождусь, когда туда попаду. Прежде всего наведаюсь в «Сарди» и выпью мартини. Потом в отель «Алгонкин» — посидеть за знаменитым круглым столом, где сживала Дороти Паркер.^[98] И попытаюсь снять квартиру возле ночного клуба «Капакабана» или «Сторк». Квартира мне нужна большая, чтобы могли приезжать мистер Сесил и другие друзья из театра. Жаль, папа и Джимми Сноу не видели меня в «Желтом Джеке». Они, наверно, даже не догадываются, какая я талантливая.

8 мая 1958

Я ошеломлена. Вчера вечером мистер Сесил взял меня на вечеринку, устроенную одним из Сесилеток, и я познакомилась с его новым другом. Никогда не догадаетесь, кто это. Отец Стивенс, учитель катехизиса в моей школе! Воротничка на нем не было, но я его узнала, а он узнал меня. Я ничего не сказала. Занималась своими делами.

Довольно скоро мне наскучило там болтаться, и я засобиравалась домой. Направилась в спальню взять пальто, а он заходит следом, уселся и стал со мной разговоры говорить. Он надеялся, что я пойму, что в любви нет ничего плохого, какую бы форму она ни принимала. Он все равно считает себя хорошим священником. Я ему сказала, что это его личное дело, а вовсе не мое. Я не собираюсь трепать языком, но и забывать не собираюсь, после чего взяла пальто и вышла.

Мистеру Сесилу я ничего не сказала, но все это мне до крайности противно. Меня страшно злит, что монашкам не разрешается ходить на свидания и пить спиртное. Священники делают что им заблагорассудится, а бедные монахини живут в монастыре, под постоянным присмотром. Сестра Джуд с удовольствием имела бы собственную квартиру, ходила на вечеринки и все такое, но нет, это дозволено только священникам. Почему все самое приятное достается мужикам?

28 августа 1958

Ну вот, я вернулась из турне. Я умирала от ужасной желтой лихорадки в двадцати трех округах, и в каждом произвела фурор. К концу турне сцена моей смерти длилась уже тридцать минут. Видели бы вы, как бесновалась публика.

Хотя само путешествие выдалось мучительное. Мы ездили в школьном автобусе, и жара стояла хуже, чем в аду. Играли в основном в школьных аудиториях и гимнастических залах. Освещение было ужасным, но в целом мне понравилось.

Пьеса шла в Магнолия-Спрингз, и на спектакль пришла Пэтси Руфь Коггинс. Я спросила Пэтси Руфь, не видела ли она Пикл. Она видела, и представляете, Пикл снова беременна. Я попросила Пэтси Руфь передать Пикл, что я ее люблю. До конца я надеялась, что они с Мастердом

появятся, но они не пришли.

Зато меня ждал самый большой сюрприз — миссис Андервуд привела всех своих шестиклассников. Мне пришлось с ними поговорить и сказать, что много лет назад я училась у миссис Андервуд. Она выглядит так же, как раньше, только постарше.

Я так хотела повидать Пичи Уигам и Улу Сур, но мы на следующий день уезжали. Так что просто написала им пару слов на программке, которую Пэтси Руфь согласилась передать.

Из-за того, что мне оказывают столько внимания, я стала самовлюбленной и капризной особой. Однажды вечером во время сцены смерти я скосила глаза к носу, пытаюсь рассмешить Губерта. После спектакля за кулисы вошел профессор Тисли и велел всем не расходиться, потому что нас хотят поблагодарить. Я принялась жаловаться, что не желаю больше слушать никаких речей от местной деревенщины. К тому же желтый грим щиплет так, что я сейчас помру.

Я вела себя как последняя задница, и тут профессор Тисли возвращается с девочкой в белом платье. Ей было лет четырнадцать-пятнадцать, и она несла букет роз.

Едва я вознамерилась отпустить едкую шутку про захоlustье на ухо стоявшему рядом актеру, девочка направилась прямо ко мне, и я увидела у нее на ноге скобу. Она мне так напомнила Бетти Колдуэлл, калеку, что у меня сердце ухнуло в живот. Я видела, что она страшно нервничает и у нее дрожат руки.

Она сказала, глядя на меня:

— Я хотела поблагодарить вас за то, что сюда приехали. Я первый раз смотрю настоящий спектакль вживую. Спасибо вам.

Когда она вручила мне розы, я взяла их, пробормотала пару слов и бросилась в туалет. Наверно, целый час рыдала. Теперь я не могу выйти на сцену, не подумав о том, что в зале может быть такая вот девочка.

16 сентября 1958

Профессор Тисли дает мне роль семидесятилетней убийцы в пьесе «Человек, пришедший на ужин». Я хотела играть главную роль, но он не сумел найти пожилую актрису, готовую репетировать допоздна.

Пришлось поменять квартиру. Эта была слишком дорогая. Сейчас мы живем в подвале дома одной женщины из «Христианской науки»,^[99] и там

полно труб. Я уже раз десять головой треснулась. Джимми Сноу вчера ночью грохнулся по дороге в туалет. Может, оно и дешевле, зато явно опаснее.

Мистер Сесил обратился в католицизм. Я ходила на его крещение. С трудом удерживала серьезное выражение лица. Были все Сесилетки. Очень смешно, когда взрослого крестят. Ему пришлось согнуться в три погибели, чтобы его окропили святой водой.

Мы работаем над новым номером для меня. Я играю вдову, говорящую с прахом покойного мужа. Очень смешно. В конце я использую его урну с прахом вместо пепельницы, потому что никогда его, собственно, не любила. Я говорю: «О, Джордж, вечно ты посыпал голову пеплом».

Мне осталось всего девять месяцев, чтобы придумать, как попасть в Нью-Йорк. Хочу уехать сразу после окончания школы. Деньги коплю, не трачу. В этом году еще ни одной одежки не купила, Нью-Йорк важнее. У Пэрис есть там друзья, я могу позвонить. Ни один из продюсеров, которым я послала рецензию, не ответил. Наверное, придется лично явиться к ним в офис. Читаю книжку про Кэтрин Корнелл.^[100] У нее был кокер-спаниель.

30 сентября 1958

Послушайте эту рецензию:

Мисс Д. Фрэнсис Харпер, взбудоражившая наше ревью обворожительной игрой в «Желтом Джеке», выступила в роли семидесятилетней убийцы Хариет Стендли. Она еще раз доказала зрителям драмтеатра «Азалия», что нет роли, которую не смогла бы сыграть талантливая актриса. У нее были жесты и голос пожилой женщины, а небольшой паралич и глухота — ее собственные находки — смотрелись очень эффектно. «Человек, пришедший на ужин» никого не оставит равнодушным, спектакль развеет скуку и на весь вечер обеспечит хорошее настроение любому самому разборчивому и привередливому театралу.

Премьера прошла на ура. Однако профессор Тисли перепугался. После спектакля он подумал, что его мама умерла, но она просто крепко спала.

Спросили бы меня. Я со сцены слышала, как она храпит.

Приходили папа и Джимми Сноу. Папа сказал, что я как две капли воды похожа на бабушку Петтибон в этом старческом гриме. Джимми Сноу очень смешно смотрелся в своем костюме. В наше время никто уже не носит бабочки.

Жаль, мама видела меня только в роли Матушки Гусыни.

Поскольку в этот раз у меня была такая маленькая роль, профессор Тисли собирается дать мне главную в следующей пьесе, она называется «Частные жизни» и написана англичанином Ноэлем Коуардом.^[101] Одно плохо — я страшно устала, совершенно не сплю. А школу-то нужно закончить.

Попасть в колледж у меня шансов нет. Папа ничего не скопил, ни пенни. Он уже влез в деньги за страховку и в долгу у всего города. Оценки у меня такие плохие, что в колледж я, вероятно, так и так не попадаю, но я уверена, что Кэтрин Корнелл и Гертруда Лоуренс^[102] получили диплом об окончании школы.

19 октября 1958

Неужели можно быть таким кулемой, чтобы не проверить перед спектаклем декорации, особенно в день премьеры? Дж. Р. Филлипс, помреж в «Частных жинях», загубил всю пьесу. Все шло хорошо до второго акта, который проходит в моей парижской квартире. Ричард Ледбеттер, игравший моего мужа, должен был сказать: «Некоторые женщины похожи на гонг. В них нужно бить, постоянно» — и уйти. И он попытался выйти, но идиотскую дверь заклинило, она не открывалась. Он чуть не обрушил всю декорацию и в результате отодрал ручку от двери. Я смотрела на него и не верила своим глазам. И до сих пор не верю. Он ушел со сцены через камин и унес с собой ручку. Этим дело не кончилось, два других актера вошли на сцену через окно! Мы все перезабыли текст, и вместо того чтобы оставить нас уже в покое, Дж. Р. продолжал колотить в дверь, пытаясь ее отклонить. Добился он только одного: с картонных стен попадали картины. Когда он наконец открыл чертову дверь, то не смог ее закрыть и до конца акта торчал в проеме, на глазах у изумленной публики.

В ревью говорилось исключительно о декорациях. Мое имя было один раз упомянуто вскользь. Мистер Сесил сказал, что ничего смешнее в жизни не видел, и это был первый спектакль, на котором миссис Тисли

бодрствовала от начала до конца. Но я собираю рецензии, и мне бы не помешала еще одна положительная. Больше никогда не выйду на сцену, лично не проверив все двери. Я сказала Дж. Р. не расстраиваться, мол, это с каждым могло случиться, но на самом деле не с каждым. Такое могло случиться только с распоследним дураком!

Бедный Ричард Ледбеттер бился в истерике, потому что в зале сидела его мать. После того как дали занавес, Ричард буквально развалился на глазах. Прихожу к выводу, что как бы там ни говорили, а мужчины воспринимают мир более драматично, чем женщины. Ричард гримируется явно дольше меня. Разговаривая с тобой в гримерке, он то и дело поглядывает на себя в зеркало. Хороший человек, но пустышка. Злословят, что он засовывает носок в трусы.

27 октября 1958

Я была в «Чайке» осветителем. Ну и долгая же пьеса, ох, но рецензии на нее отличные. Послушайте:

Пьеса исполнена мрачноватой, призрачной красоты и сильными эмоциями русского народа и держит зрителя в таком напряжении, что атмосфера действия выходит за огни рампы и до отказа заполняет зрительный зал.

Обозреватель явно не видел миссис Тисли. Она весь спектакль проспала. Вот и я того же мнения!

Я задействована в следующем спектакле. Это мюзикл, называется «Парнишка Джоуи», и я снова играю старуху, на этот раз в подземном переходе. Она только и делает, что преследует трех матросов.

Пришло письмо от бабушки Петтибон. Она очень расстроена смертью подруги, Олли Микс. Они все собрались и в память о ней устроили бинго-вечеринку. Бабушке выпал джекпот на 0-69, и, поскольку это всегда был любимый номер Олли, она приняла это за знак, что Олли счастлива.

1 ноября 1958

Слава богу, у Дж. Р. есть родственники в деревне. После репетиции он

сказал, что они с двоюродным братом Эрли едут в город посмотреть, как полицейские совершают облаву на бар для гомосексуалистов. Его дядя, он служит в полиции, позвал их с Эрли поглазеть на это действие — развлечения ради. Я запаниковала, когда меня осенило, что в этом баре может быть мистер Сесил. Заставила Дж. Р. немедленно отвезти меня туда и пригрозила: если откажется, разболтаю всему Хатисбергу, что он голубой.

Дж. Р. успел за секунду до полиции. Они подъехали из-за угла, когда я выскочила из машины и побежала, во все горло выкрикивая имя мистера Сесила. Обежала весь зал, но его там не оказалось. Зато знаете, кто там прятался в углу? Отец Салли Гэмбл! У меня чуть инфаркт не случился. Я подбежала и говорю:

— Мистер Гэмбл, вам надо уходить! — Хватаю его за руку и волоку за собой в мужской туалет.

Он стал белее мела и без остановки бормотал:

— Мне крышка!

Я попыталась открыть окно, но оно было забито. Мы слышали все, что в зале творилось, — звон бьющегося стекла, крики. Мистер Гэмбл дрожал как осиновый листок. Я не знала, что еще делать, толкнула его в кабинку и велела запереться. Сама собиралась закрыться в другой кабинке, но дверь распахнулась, двое полицейских схватили меня за шкуру и заорали:

— Попался, гомик вонючий! — И потащили меня в зал.

Я вцепилась в дверь и заорала:

— Я девочка!

На мне были голубые джинсы, и они поначалу приняли меня за мальчика. От удивления они меня выпустили. И спросили, какого черта я делаю в мужском туалете в такой дыре, и мне пришлось сочинять на ходу с дикой скоростью.

— Меня зовут Кей Боб Бенсон, я здесь с папой, преподобным Бенсоном из Первой баптистской церкви Распятия. Мы с ним ищем моего брата Лема, который, кажется, убежал с каким-то извращенцем.

Они спросили:

— А кто в этой кабине? — И как давай барабанить в дверь и орать: — Кто бы там ни был, выходи!

Я встала перед дверью и попыталась их остановить:

— Оставьте его в покое. Преподобного тошнит. В этом порочном месте ему стало дурно.

Они оттолкнули меня в сторону, дернули дверь сильнее и обнаружили там мистера Гэмбла, которого в самом деле довольно

неприглядно рвало. Они посмотрели на это дело, отошли и сказали:

— Ладно, вы с преподобным живо валите отсюда.

И ушли.

Наверно, не захотели связываться с человеком, которого тошнит, так что я схватила мистера Гэмбла, и мы убежали через черный ход.

Дж. Р. я искала целую вечность. Этот балда припарковался за два квартала от бара. Мистер Гэмбл весь трясся и едва ворочал языком. Я знала, где живут Гэмблы, и заставила Дж. Р. подвезти его. Когда он вышел из машины, его снова вырвало.

На следующий день газеты только об этом и писали. Арестовали многих Сесилеток, а также несколько очень важных бизнесменов. Слава богу, мистера Сесила там не оказалось, но после рейда отец Стивенс бросил мистера Сесила, как горячую картофелину. Испугался, что его разоблачат, если увидят вместе с мистером Сесилом, поскольку имена всех Сесилеток были опубликованы в газете.

Он мне никогда не нравился. У мистера Сесила разбито сердце.

Но знаете, что он сделал? Снял все свои сбережения и заплатил залог за своих друзей. Сказал, что ему пришлось это сделать, а то больше некому блески пришивать, куда ж это годится, если целый штат Миссисипи останется без блесков.

У Салли Гэмбл случилась бы истерика, знай она, куда наведывался ее папочка, но я ей говорить не собираюсь. Я никому не проболталась, даже мистеру Сесилу, и Дж. Р. наверняка не станет.

4 ноября 1958

Знаете, кто играет в «Парнишке Джоуи»? Рэй Лейн, певец, который понравился мне много лет назад в Шелл-Бич, тот, что пел в «Синей гардении». Ему сейчас двадцать два, он поет в группе, где еще три человека, они называются «Четыре Джека», и он расстался с прежней подружкой.

Никогда не слышала такого чудесного голоса. Он мне нравится больше, чем Эдди Фишер.^[103] У него все те же курчавые волосы и длинные ресницы. Ну почему мальчишкам всегда достаются длинные ресницы? Он — сильно улучшенная версия Рори Кэлхауна. А уж как он удивился, увидев меня! Обнял и сказал, что часто подумывал написать мне письмо. Мне семнадцать — нельзя сказать, что я слишком молода для

двадцатидвухлетнего. Я очень взрослая для своих лет. Завтра мы снова с ним увидимся на репетиции. Я бы все отдала, лишь бы не играть эту глупую старуху. Я еще не встречала человека красивее. Это судьба, что он в спектакле. Вероятно, я влюбилась. Единственная проблема, что он католик, ну да ничего. Я могу покреститься. Если мистер Сесил смог, то и я смогу! Мистер Сэндман, принесите мне мечту!^[104]

18 ноября 1958

Мы с Рэем встречаемся. Я это предчувствовала. У него замечательная мама, папа умер, когда Рэю было пятнадцать, еще у него младший брат, зовут Бобби, он чудесный, но Рэй чудеснее. Он так добр со своей мамой. Знаете, говорят: по тому, как человек обращается с матерью, можно судить, как он будет обходиться с женой.

Рэй всем нравится, особенно как наденет матросский костюм к спектаклю. Вне сцены он носит клетчатые рубашки с пуговицами на воротнике, белые хлопчатые носки и мокасины, а складка на брюках всегда отутюжена. Он хорошо пахнет, а целуется лучше всех! Только теперь поняла, почему людям это нравится.

Рэй называет меня самой нежной девчонкой на свете. Я стараюсь не липнуть к нему, но не могу. Хочу быть рядом с ним постоянно. Пересмотрела все его фотографии, которые нашлись у его мамы, в том числе детские. У них много снимков его бывшей девушки, ее зовут Энн. Она тоже носила очки, копия моих.

Иногда после спектакля мы идем в ночной клуб, называется «Заросли тростника», он посвящает мне песню «Из-за тебя» и смотрит прямо на меня, пока у меня голова не начинает кружиться, как будто сейчас в обморок грохнусь. До сих пор не могу поверить, что это мой парень! Когда он станет большой звездой, мы переедем в Нью-Йорк и он будет участвовать в «Шоу Эда Салливана» или заведет собственное.

Ненавижу наше жилище. Когда ко мне заходит Рэй, папа и Джимми Сноу сидят с нами в комнате и ведут себя так, будто он к ним пришел. Рэй, кажется, ничего не имеет против, а я готова вопить от злости. Неужели нельзя оставить нас одних? Никогда не думала, что я ревнивая, но теперь, видя, как он разговаривает с кем-то другим, я прямо сама не своя становлюсь. Я как-то спросила Пэрис, как узнать, любишь ты или нет, а она сказала:

— Не волнуйся, когда это случится, поймешь.

Когда я впервые увидела его на репетиции, я поняла. Не могу ни есть, ни спать.

Кроме того, что он лучше всех в мире целуется, он еще и танцует лучше всех. Мы танцуем медленные танцы в «Зарослях тростника», и у меня получается слушаться его. Я совсем не стараюсь вести. Я на втором свидании сказала Рэю, что люблю его. Знаю, нужно ждать, пока мальчик это скажет, но у меня само вырвалось. Будь у меня миллион долларов, я купила бы ему все наряды, какие он пожелает, и машину.

Его мама говорит, что он тоже по мне с ума сходит. Я ей иногда звоню и прошу рассказать о его детстве. Жаль, что я не его мама, что не была рядом с самого начала, с его рождения. Я его так люблю, прямо съела бы! Люблю причесывать его и смотреть на его руки. Рэй Лейн! Рэй Лейн! Рэй Лейн! Рэй Лейн! Рэй Лейн! Я написала Пикл и рассказала, что влюбилась.

Рэй Лейн!

28 декабря 1958

Это лучшее Рождество в моей жизни. Мы с Рэем, его мамой и младшим братом поехали смотреть, как украсили к Рождеству город. Дом, завоевавший в этом году приз, находился в итальянском квартале. По всей крыше горели розовые лампочки, а наверху — Санта и семь оленей. Олени, казалось, парили в воздухе. Я так и не сообразила, как они это сделали. Огромная красно-белая лента обвязывала весь дом, будто рождественский подарок. Записка на ленте гласила: «Не открывать до 25 октября». На одном краю лужайки стояли ясли с фигурами Марии и других персонажей, рядом паслись пластмассовые овцы и коровы, на другом краю три помощника Санты мастерили игрушки на скамейке, рядом снеговик из пенополистирола с большой открыткой: «Веселого Рождества! Семья Пенгелли».

Мы ходили на полуночную мессу — какая красота! Когда-то Рэй был служкой в алтаре. Потом мы открывали подарки. Я подарила Рэю три свитера, галстук, браслет и пластинку Джонни Матиса с песней «Я приеду домой на Рождество». Младшему брату я подарила краски, потому что он любит рисовать, а миссис Лейн — зеркальце и набор щеток. Мне подарили пушистые тапочки и фланелевую ночную рубашку. Рэй купил только коробку конфет, но мне было все равно. Потом Рэй налил нам всем по

бокалу шампанского. Смотрю в свой бокал — а там обручальное кольцо! Я прямо дар речи потеряла.

Я даже не представляла, что он это сделает. Его мама начала визжать и прыгать и нас обоих обнимать. Он ей ничего не сказал. Я в жизни не была такой счастливой. Слава богу, что не проглотила кольцо.

Я провела с ними всю ночь, и все надели пижамы, а я — новую ночную рубашку. Наконец миссис Лейн и Бобби пошли спать. Я хотела схватить Рэя и зацеловать до смерти, и чтобы он остался со мной на всю ночь, но он сказал, что не должен этого делать. Почему, спрашиваю. А потому, говорит, — ты, мол, так целуешься, что у меня могут быть неприятности. Мне было плевать, но он сказал, что пообещал Джимми Сноу не трогать меня.

Я готова была шесть раз зарубить Джимми Сноу топором. Джимми Сноу не обязательно об этом знать, не знаешь — не больно. В конце концов Рэй согласился! Мадам Бодини никому не скажет!

Джимми Сноу и папа провели со мной длинную беседу о замужестве. Они хотели убедиться, что я понимаю, что делаю. Джимми Сноу сказал, что певец много не зарабатывает, ну и что, я могу зарабатывать, пока он не станет знаменитым. А он станет.

27 января 1959

Я беру уроки катехизиса, дабы обратиться в католичество и сделать Рэя счастливым. Миссис Лейн говорит, что новообращенные зачастую становятся самыми преданными католиками. Ой, господи. Слышали бы вы. Ты отдаешь им не только свою жизнь, но и жизнь твоих нерожденных детей, и их детей. Ты нужна им целиком. Если священник думает, что я собираюсь заводить детей, он чертовски ошибается. Но я сижу себе смиохонько и говорю: «Да, отец, нет, отец». Мне лично не нужны никакие дети. Ни с кем не хочу делить Рэя. Мы и так будем жить с его мамой и братом, неужто мало. И еще кое-что скажу вам. Если я забеременею, не пойду в католическую больницу. Если есть какие-то возражения, спросите отца, кто ему больше нужен — мать или ребенок. Я знаю, что Рэй меня любит, но не хочу испытывать судьбу.

Рэй вернулся в группу, они поют в ночном клубе «Джек-фонарь»,^[105] который оформлен под тыкву. Они чудесные, лучше, чем «Фор фрешман».^[106] Хожу туда каждый вечер. Они мне все очень нравятся, но Гусь — мой

любимчик. Такой дурачок! Они подшучивают над Рэем, мол, скоро станет старым женатиком, и все придут на свадьбу.

Бабушка Петтибон не сможет приехать из-за больного мужа, так что со стороны невесты у меня будет всего два человека, папа и Джимми Сноу. Папе придется меня отдавать, значит, остается только Джимми. Но я попросила весь театр: придут мистер Сесил, и десять Сесилеток, и Пэрис Найт. Так что получится куча народу. Скорей бы с этим покончить.

16 февраля 1959

Вчера Тути и Долорес спросили, какой у меня узор. Я не поняла, о чем они. Оказывается, о том, какое я хочу столовое серебро. Я сказала, что никакого не хочу, но они объяснили: когда выходишь замуж, нужно подобрать узор столового серебра — пойти в магазин и выбрать. Таким образом, люди смогут приходить и спрашивать, какой у меня узор, так что я заставила мистера Сесила пойти со мной в город и помочь с выбором. Он по столовому серебру с ума сходит. Выбрали с виноградными гроздьями на ручке, под названием «Рог изобилия». Столько разной суеты, когда замуж выходишь.

Джимми Сноу, с тех пор как я обручилась, расхандрился не на шутку. Только и делает что пьет и смотрит телевизор. Можете поверить, чтобы у взрослого мужчины любимая передача была «Хауди Дуди»? Правда, Джимми не слишком образованный. Никогда ничего не читает и не пишет. Не удивлюсь, если он не умеет, но спрашивать не стану, а то обидится. Он страшно чувствительный, когда дело касается меня. У него нет другой семьи, кроме меня и папы, поэтому я из себя выпрыгиваю, чтобы порадовать его в день рождения.

Я спросила папу, что в последнее время творится с Джимми, а он ответил, Джимми считает, что Рэй для меня недостаточно хорош.

Хочу провести медовый месяц в «Вигвам-отеле» на шоссе номер 42. Там у них штук шесть вигвамов.

Вчера вечером, когда Рэй был на работе, у нас с миссис Лейн состоялся долгий разговор. Поскольку у меня в семье нет женщин, она хотела со мной побеседовать. Спросила, есть ли у меня диафрагма.

Я сказала:

— Да, конечно, есть.

Она, кажется, удивилась и спросила:

— С каких пор она у тебя?

Я решила, что она сошла с ума.

— С рождения.

Но она, оказывается, говорила о другой диафрагме — о противозачаточном колпачке.

— У меня всего двое детей, и мой муж, который был намного более религиозным, чем я, так и не узнал почему.

Она объяснила, что это за штука и зачем она, и сказала, что не стоит рассчитывать на Рэя, если я не хочу детей. Я имею право себя защитить. Она спросила, была ли я когда-нибудь у гинеколога, и я сказала — нет.

Она настояла, чтобы я сходила, прежде чем мы поженимся, и записала меня к врачу на следующую неделю.

28 февраля 1959

Я не испытывала подобного унижения с тех пор, как скакала на муле по шоссе номер 3! Пошла я к этому идиотскому врачу, он велел мне снять все, кроме туфель. И ушел. Вошла медсестра и сказала:

— Я мисс Скиппер, я должна вас подготовить.

Она заставила меня пописать в бумажный стаканчик, дала хлопчатобумажную рубашу и велела залезать на стол. Я влезла, она говорит:

— А теперь живенько пристраивайтесь.

Я спросила:

— Что?

Она говорит:

— Ложитесь и кладите ноги на скобы.

И вот я очутилась в коричневых туфлях на каблуке и сережках с задранными ногами. Вот тогда-то и надо было сразу уйти. Вернулся доктор, уселся на стул и начал засовывать в меня фонарики и всевозможные штуки. Он даже имел наглость спросить, не больно ли мне. Да еще медсестра стояла позади него и с интересом наблюдала за его манипуляциями. Потом он принялся по-всякому щупать мне грудь и при этом интересовался, как там погодка на дворе! Он что, совсем псих?

Когда он закончил, я оделась и ушла. Черт с ним, с колпачком. Этот врач вел себя как механик, проверяющий контакты на искру.

7 апреля 1959

Рэй вместе с группой едет в Панама-Сити, штат Флорида, у них контракт с клубом «Лотос», а я остаюсь заканчивать школу. Первый раз мы расстаемся. Это крупный клуб. Если дело пойдет, им могут предложить записать пластинку. Забавно. Всю жизнь я думала, как будет здорово — учиться в выпускном классе, и вот я в выпускном, а мне совершенно плевать.

Мистера Сесила почти не вижу. По-моему, он ревнует меня к Рэю. Зря. Он мне по-прежнему дорог, ничего не изменилось. Я же не разозлилась, когда он нашел друга. Люди загадочные существа.

Рэй вернется только через неделю после торжества по поводу окончания школы. Папа и Джимми Сноу придут на меня смотреть. Я уже накопила кучу смешных открыток, чтобы посылать Рэю, пока он в Панама-Сити. Буду без него страшно тосковать, и он говорит, что тоже. И как люди во время войны терпели разлуку на годы?

Получила письмо от бабушки Петтибон. Итальянки, которые когда-то ударили ее по голове фруктовым пирогом, а Олли обозвали старой летучей мышью, на бинго-вечеринке ВВС наконец получили по заслугам. Два дня назад все они играли в бинго на веранде на втором этаже. И вот когда эта большая, толстая итальянка завопила: «Бинго!» — веранда обвалилась. Бабушка считает, что если на небесах есть бинго, то все это наверняка подстроила Олли Микс.

22 мая 1959

Надо было догадаться, что что-то не так, когда Гусь позвонил из Флориды. Он был в стельку пьян и нес чепуху. Все повторял, что Рэй — дрянной сукин сын.

Я думала, они поругались на выступлении, пока не пришло письмо от Рэя.

Похоже, Энн, прежняя девушка Рэя, приехала в Панама-Сити, и они снова вместе. Он написал, что будет всегда любить меня, но ее он тоже так и не разлюбил. И по отношению ко мне это будет нечестно, потому что я такая распрекрасная, и ему очень жаль. И так далее и тому подобное.

P. S. Я окончила школу и получила в подарок часы.

8 июня 1959

Сегодня в газете опубликована свадебная фотография Рэя и Энн. Так странно. На нашей с Рэем фотографии он меня точно так же обнимает, и с такой же улыбкой. Это и есть, значит, любовь? Одно лицо на снимке поменять на другое? Хоть убейте, не понимаю.

17 июня 1959

Зашел мистер Сесил и объявил, что ему это надоело: хватит отсиживать задницу и жалеть себя. Он добьется, чтобы я поехала в Нью-Йорк, даже если для этого придется меня убить. И он записал меня на конкурс «Мисс Миссисипи», я должна попытаться выиграть стипендию на обучение актерскому мастерству в Американской академии театральных искусств в Манхэттене. Мы напишем для меня смешной скетч. Если бы у мистера Сесила были деньги, он бы мне их дал, но он все потратил на вызволение из тюрьмы Сесилеток. Он найдет мне работу, и я заработаю на починку сломанных зубов. У него была мечта стать танцором, но смелости не хватило рискнуть, и он не позволит, чтобы я тоже всю жизнь думала: а что было бы, если бы.

Мистер Сесил — самый храбрый человек из моих знакомых.

Ему говорят ужасные вещи, но он все равно каждый день ходит на работу и изо всех сил старается насмешить людей.

Мы сели и подсчитали: мне понадобится 500 долларов, чтобы починить зубы, купить красивое платье, купальник и билет до Тупело, где проходит «Мисс Миссисипи». У одного из Сесилеток есть тайный друг на местном телевидении, и он узнал, что там нужна девушка для объявления погоды. Та, что объявляет сейчас, беременна, а им не нужна беременная погодная девушка. Он устроит мне собеседование. Мистер Сесил хочет раздобыть мне контактные линзы. Он уверен, что сможет достать их недорого, потому что у другого Сесилетки есть друг окулист. Трудно переоценить всемогущество Сесилеток!

21 июня 1959

Я получила работу на телевидении! Объявляю погоду в утренних новостях. Все-то работы — прийти в 6.30 утра, повесить карту и постоять рядом с ней три минуты, рассказывая, какая погода ждет нас сегодня. Я в погоде ни капли не разбираюсь, но предыдущая погодная девушка сказала, что беспокоиться не о чем, просто надо помнить, что погодный фронт всегда движется на восток. Удивительно, что я получила эту работу. На нее пробовалось много девушек, но мистер Сесил не сомневался, что я ее получу, потому что, по словам мисс Дорис Дэй, «некоторые боялись, что их тайная любовь перестанет быть такой тайной».

Я зарабатываю 50 долларов в неделю. Если удастся еще каких-нибудь подработок найти, то для конкурса хватит. На будущей неделе иду к окулисту. Мама Рэя прислала мне длинное, милое письмо. Она надеется, что я знаю, как она меня любит и как всегда рада меня видеть. Дня не проходит, чтобы я не думала о Рэе, но по крайней мере Джимми Сноу снова в хорошем настроении. Даже летал опылять. Папа пьет без просыху. На несколько дней прекратит, потом снова. Подружка его бросила, но он придумывает любые, самые безумные, причины, чтобы надраться.

24 июня 1959

Сегодня по почте пришло письмо от конкурса «Мисс Миссисипи». Чтобы участвовать в конкурсе, вы должны обладать безупречным воспитанием и моральным обликом, быть талантливой, амбициозной, привлекательной и незамужней. Ну что ж, я амбициозна и замуж так и не вышла. Неделя соревнований пройдет в отеле «Динклер Тутвилер» в Тупело и начнется 3 августа, а торжественное награждение состоится девятого.

Мне нравится работа на телевидении. Рановато начинается, конечно, но Джимми подвозит меня на своем грузовичке, когда он дома, а когда нет, еду на автобусе. В студии висит большая доска с картой погоды, на которой такие картонки со снегом, дождем и облаками, которые можно передвигать куда пожелаешь. Ничего трудного. Мне нужно только передвинуть на несколько дюймов вправо картонки, оставленные погодной девушкой из пятиминутных новостей. Когда все они доезжают до восточного берега, я снова передвигаю их к Калифорнии. Единственный минус в том, что, пока я готовлю доску, в студии идут духовные песнопения. Видели бы вы этих певцов, которые досыпают на кушетке в гримерной, когда я прихожу. Как

они могут распевать в такую рань — выше моего понимания. Неудивительно, что в мире так много баптистов.

Я участвую в следующем спектакле в театре, называется «Оклахома!», [\[107\]](#) и пою песню «Я девушка, которая сказать не может „нет“».

Окулист выписал мне линзы и показал, как их ставить. Я выдерживаю в них только час. Чертовски больно, но, несмотря на это, завтра придется выдержать в них два часа, и скоро я перестану их даже замечать. Сейчас ощущение, что в глазах по жестяной крышке от мусорных баков. Это временные линзы. Я заказала себе голубые. И знаете что? Сегодня в аптеке подходит женщина и спрашивает, не могла ли она меня видеть в телевизоре. И попросила автограф. Ну как вам это нравится? Наверное, скоро никуда не пойдешь без того, чтобы тебя не узнали. Теперь понимаю, как чувствуют себя кинозвезды. Нравится мне работать на телевидении.

1 июля 1959

Вчера была премьера «Оклахома!», и вот моя рецензия:

Мисс Д. Фрэнсис Харпер, актриса драмтеатра «Азалия», вчера впервые выступила как певица в роли Эдо Энни, которую в бродвейском мюзикле играла Селеста Холм. Вашему покорному слуге, автору этого ревью, довелось видеть этот спектакль в Нью-Йорке, и должен сказать, что мисс Харпер, напоминая мисс Холм не только внешностью, но и одаренностью, так же, как ее знаменитая предшественница, сорвала аплодисменты за песню «Я девушка, которая сказать не может „нет“». Надеюсь, и сама она не сможет отказать нам в том, чтобы и дальше радовать публику своими многочисленными талантами.

Я дошла уже до того, что могу носить свои голубые контактные линзы по восемь часов.

Мы с мистером Сесилом в свободное время дорабатываем номер для конкурса. Я придумала себе персонаж, что-то среднее между миссис Дот и бабушкой Петтибон. Назвала ее Сюси Свитуотер.

Я ношу смешную шляпку с цветами и смешные очки с бриллиантами

по всей оправе. Притворяюсь, будто веду телешоу, и говорю с утрированным южным акцентом и ужимочками.

Я заставляю зрителей поверить, что сижу в телестудии, подкрашиваю губы и пудрюсь, и тут включается камера и ловит меня врасплох. Я ужасно удивляюсь и говорю: «Ой, здравствуйте. Доброе утро. Как нынче утром у вас проходит утро? Добро пожаловать на „Новости по утрам“, вашу дружелюбную утреннюю программу. Помните, здесь вы можете услышать новости, пока они еще новости. Все остальное, что вы услышите, — не более чем слухи. Итак, у меня радостное сообщение о свадьбе. Знаете, раньше люди выходили замуж только в июле, теперь же выходят по необходимости... э-э... по желанию... Миссис Мозель Хикс сообщает о помолвке ее дочери Квантии с матросом четвертого класса Кертисом Джонсоном. Мисс Хикс — ученица Центральной средней школы Ли, ее взяли на работу в театр „Рокси“ в качестве разносчицы сладостей и прислуги в дамской комнате на неполный рабочий день. Мистер Джонсон окончил начальную школу в Нью-Меркл». Я делаю вид, что лихорадочно ищу название средней школы, но не нахожу и бросаю поиски. «Свадьба состоится в доме невесты, невеста с отцом будут входить в зал (в смысле, прихожую) бракосочетания из кухни, а Кертис со своим отцом — из входной двери. Невеста будет в белом платье из тюля до пола, с туфлями, шляпкой, сумочкой, перчатками и браслетом на ноге в той же цветовой гамме. После церемонии на автостанции „Трейлвейз“ состоится прием для счастливой пары. После короткого свадебного путешествия в Рок-Сити молодожены поселятся на стоянке для жилых автоприцепов „Апельсиновая роща“ недалеко от военно-морской базы мистера Джонсона. Мистер Джонсон планирует сделать себе карьеру в военно-морском флоте или на стоянке для автоприцепов. Ну вот и все на сегодня. Не забудьте настроить радио на завтрашнюю программу „Строка разводов“, и, как всегда, на прощанье дарю вам мысль дня: защищайте сердце так же, как вы защищали бы другие жизненно важные органы. Пока-пока».

Надеюсь, Эми Джо Снайпс не услышит мое выступление. Я много чего надергала из ее свадебного объявления.

2 июля 1959

В брошюре «Мисс Миссисипи» говорится, что если ты доберешься до финала, то будет еще один конкурс, так что нужно подготовить два номера.

Судьи оценивают твои способности, фигуру в купальнике и воспитание. Я слишком тощая, чтобы хорошо выглядеть в купальнике, а воспитание, с учетом, что я все эти годы прожила с папой, под большим вопросом, поэтому мистер Сесил сказал, что мы должны сконцентрироваться на способностях.

Я спросила его, нельзя ли мне в качестве одного из номеров исполнить знаменитую сцену смерти из «Желтого Джека», и представляете? Он сказал «нет», потому что на номер дается три минуты, а не сорок пять! Самоуверенный нахал! Фу! Рррр! Так что вторым номером покажу женщину, которой стреляют в живот.

3 июля 1959

У меня дико запаздывают месячные, и я в панике. Если беременна, покончу с собой. Нет, я не беременна. Быть того не может. У меня никогда не было такой задержки. Вот черт!

11 июля 1959

Уже на восемь дней опаздывают. Не знаю, что делать, а ведь все так хорошо шло.

Я спросила Тути, можно ли залететь с первого раза, и она ответила:
— Да такое сплошь и рядом случается.

Как я могла быть такой душой? Но кроме самой себя, винить некого. Придется сказать мистеру Сесилу. Не знаю, с кем еще поговорить. Я каждый день скачу на лошади и приняла сто горячих ванн, и все без толку.

12 июля 1959

Сказала мистеру Сесилу, что беременна, и он очень расстроился. Обзвонил всех Сесилеток с вопросом, куда мне пойти сделать аборт, но у них не оказалось таких знакомых. Так что мы пошли к Пэрис Найтс, и она сказала, что единственная женщина, которая могла это сделать, умерла в прошлом году.

Мистер Сесил пришел ко мне вчера вечером и заявил, что все обдумал и хочет на мне жениться и воспитывать ребенка. Он попытался подать это в шутовском тоне, мол, это он во всем виноват, ведь это он нашел мне работу погодной девушки, а предыдущая погодная девушка тоже забеременела. Он не подумал, что объявлять погоду очень опасно, большой риск залететь. Я люблю мистера Сесила, но по-другому. Всю ночь я не сомкнула глаз, пытаюсь что-нибудь сообразить, и тут вспомнила!

Заказала междугородний разговор с Пичи Уигам и все ей рассказала. Она велела подождать у телефона. Через две минуты вернулась и сказала — приезжай как можно быстрее. Еду завтра сразу после объявления погоды. Господи, благослови Пичи Уигам!

15 июля 1959

В автобусе у меня было время подумать, что же я такое творю. Мысль о том, что я могу умереть на столе для абортных, повергла меня в ужас. Мысль о том, что же будет, если я это переживу, тоже не покидала меня. Что я буду чувствовать? Вдруг я когда-нибудь об этом пожалею? Мама говорила, что рожать — больнее всего на свете. Я посмотрела на ее кольцо. Слаба богу, она не знает, что у меня такие проблемы.

Я раз сто меняла решение — делать или не делать. Написала завещание, потом порвала. К тому времени, как автобус доехал до Магнолия-Спрингз, у меня вместо нервов были оголенные провода, а на месте мозгов — гоголь-моголь. Я пошла в туалет на автостанции, плеснула водой в лицо и села на пол. Потом причесалась и зашла в кабинку, и — держитесь! — угадайте, у кого начались месячные? У меня!

Я никогда в жизни так им не радовалась. Принялась визжать, вопить и выть, пока какой-то мужчина не постучал в дверь и не спросил, все ли в порядке. А ведь вечно жаловалась, что приходится мучиться с месячными, дурында эдакая! Теперь буду каждый месяц устраивать в их честь праздник. Я предвкушала, как расскажу Пичи, но, когда добралась до ночного клуба «Элита», меня встретила только Ула Сур. Я поделилась с ней хорошими новостями, и она как начала хохотать, еле остановилась. Она думает, что я просто перепугалась, что залетела, и задержка у меня случилась на нервной почве.

Ула позвонила Пичи в похоронную контору и велела идти домой, мол, все в порядке. Я рада была видеть Пичи, а она обрадовалась мне.

Оказывается, Феликс, моя кошка, умерла от старости, но они завели новую и очень ее любят, хоть она и уродина. Мы чудесно проболтали всю ночь. Пичи добывает где-то лучший в мире бурбон сорокапятилетней выдержки.

Уезжая наутро, я извинилась перед Пичи, что доставила ей столько хлопот, и сказала, что буду рада заплатить человеку, который собирался делать мне аборт. Но она отмахнулась — не бери даже в голову.

Она не сказала, кто должен был делать аборт, но на обратном пути до меня дошло, что это сама Пичи Уигам. Вот почему ее не было, когда я приехала. Она в конторе готовила инструменты к процедуре. Теперь, когда все позади и есть время подумать, остается только гадать, пережила бы я этот аборт или нет. В любом случае, благослови, Господи, Пичи Уигам.

Много лет назад папа говорил, что ее не арестовывают, потому что она знает тайну дочери шерифа.

Теперь понятно, что это за тайна. Эх, жаль, Пикл к ней не попала.

18 июля 1959

Пошла я сегодня на работу, и сразу после объявления погоды меня вызвал к себе в офис менеджер телестудии, мистер Баерс. Он сообщил, что в Мидвесте было самое сильное за последние двадцать пять лет наводнение, и спросил, какого черта мои карточки с дождем делают в Калифорнии, когда там засуха.

У меня не нашлось достойного ответа, и я сказала, что просто каждое утро передвигаю вправо карточки мисс Пэт, которая объявляет пятичасовую погоду, и что раньше это всегда срабатывало.

Он, как это услышал, стал просто пунцовым. Представляете, так переживать из-за погоды! Позвонил секретарше и велел немедленно позвать мисс Пэт.

Когда она пришла, он спросил:

— Вы знали, что эта идиотка просто передвигала каждое утро ваши карточки, а сама ни черта не разбирается в погоде?

Она поглядела на меня с таким удивлением и говорит:

— Ой, не может быть. Это ужасно, потому что я каждый вечер просто передвигала твои.

Слышали бы вы, как выражался мистер Баерс! Сыпал дикой бранью и орал:

— Как вы смеете морочить людям голову с погодой! Все фермеры

рассчитывают, что эта станция даст им верный прогноз.

Сказал, что мы — и только мы — виноваты в том, что во всем штате Миссисипи погиб урожай. В общем, нас обеих уволили. Какой-то тип, изображающий днем клоуна Бозо, теперь объявляет оба прогноза погоды.

Мне было очень жалко, что мисс Пэт вот так уволили, потому что она славная. Один минус в ней — слишком много лака брызгает на волосы. Один репортер со студии рассказал, что когда на Хатисберг налетел торнадо, а мисс Пэт как раз в это время вышла на улицу, чтобы сесть в машину, с нее сдуло к чертовой бабушке блузку, но волосы на голове даже не шевельнулись.

21 июля 1959

Я нашла новую работу в бюро проката «От А до Я» и зарабатываю 75 долларов в неделю. Сижу в огромном складе и отвечаю на звонки, а если кто-нибудь приходит, даю напрокат то, что они просят. У нас есть все: больничное и комнатное медоборудование; кровати; все, что может понадобиться для проведения вечеринок; чаши для пунша; столовое серебро; кресла-каталки; костыли; даже искусственные руки и ноги. Можете представить, чтобы кто-то захотел взять напрокат деревянную ногу?

Я здесь уже два дня, и пока никто ничего не взял, так что работа непыльная. Прийти утром, просидеть весь день и в пять вечера закрыться и уйти. Единственное, что плохо, — это одиночество, но зато у меня куча времени порепетировать номера, а иногда я сажусь в кресло-каталку и разъезжаю по складу.

Мы с мистером Сесилом сегодня, как освободимся, едем в универмаг «Гэмбл» купить мне белое вечернее платье для конкурса и к нему белый купальник. Все должно быть белым согласно правилам конкурса «Мисс Миссисипи». Мистер Сесил учит меня ходить, потому что они ставят оценки за походку. Я постоянно хожу с книгой на голове и довольно-таки преуспела в этом.

Эх, мне бы только выиграть эту стипендию! Прочитали бы вы, кто там учился, в этой Американской академии! Не удивлюсь, если Селеста Холм была там студенткой. Мы с мистером Сесилом, Тути, Долорес и Хелен собираемся отметить день рождения Долорес в только что открывшемся полинезийском ресторане. Никто не знает, сколько лет Долорес, и она не

говорит, мол, это государственный секрет. Тути говорит, что она ездит на автобусе, поэтому ей не нужно получать автомобильные права и раскрывать свой возраст.

А вы знали, что есть медицинское судно специально для мужчин — утка?

23 июля 1959

Мы прибыли в ресторан «Алоха» часов в семь вечера. Он был декорирован под Гавайи, с гавайской музыкой и официантками в настоящих гавайских костюмах.

Тути заказала для вечеринки целого молочного поросенка, и мы пили разные забавные коктейли. Первый мне подали в кокосе. Потом я выпила еще один под названием «Май тай», потом еще один, «Скорпион».

Ели закуски, креветки и куриную печенку с беконом, и мне было весело, и вдруг мистер Сесил словно привидение увидел. Я сидела к двери спиной, и он сказал:

— Не оборачивайся.

Я спросила:

— Почему?

Он сказал:

— Не оборачивайся.

Потом Тути почти беззвучно сказала:

— Не оборачивайся.

Разумеется, я обернулась, а в дверях стоят Рэй Лейн и Энн. Он увидел меня в тот же миг, что я его. Я чуть под стол не полезла. Сажу я, значит, с четырьмя бумажными зонтиками от коктейлей в волосах, а на шее у меня шесть бумажных гирлянд. Он подошел, поздоровался и представил Энн всем присутствующим, включая меня. Я сказала:

— Здравствуйте.

Что я еще могла сказать?

Хелен, которая уже порядком накачалась, говорит:

— Присоединяйтесь.

Тути так двинула ей ногой под столом, что она пролила коктейль. Но парочка не присоединилась. Когда они ушли, мистер Сесил спросил, может, я хочу уйти домой? Я ответила — с какой стати, незачем портить всем праздник. Потом выпила еще три кокосовых коктейля. Молочного

поросенка мы так и не съели. Бедняга умер зазря. Ну почему Рэй выбрал именно этот ресторан, их же в городе полно?

Потом отправились к Тути. Тут-то мне и пришла в голову идея, что мистер Сесил должен спрятать меня в шкафу. Я надела старое зимнее пальто Тути, не вынимая из него плечики, а мистер Сесил поднял меня и повесил в шкаф. Мне тогда казалось: вот будет умора, когда они найдут меня в шкафу, среди висящих пальто. Одного я не учла, что мистер Сесил был уже никакой и забыл, куда меня дел. Я провисела в этом шкафу больше часа, пока не отключилась.

На следующее утро, проснувшись и увидев перед носом лисью шубу Тути, я начала лягаться и вопить. Первой добежала до меня Долорес и открыла дверцу. Я спросила:

— Какого черта я делаю в шкафу?

Она сказала:

— Понятия не имею. В эту ночь никто не пошел домой. В жизни не видела сразу столько страдающих от похмелья людей. Эти фруктовые напитки смертельны.

Но я пропустила лучшую часть вечера, потому что Долорес так налилась, что выдала всем, сколько ей лет, и мне теперь не говорят.

Мы сидели в квартире кто где, приложив к голове лед, часов до пяти. Тути пришлось позвонить в аптеку, чтобы нам принесли «Алказельтцер», аспирин, кока-колу и мороженое. В жизни больше такого не сделаю. Слава богу, была суббота. Добравшись домой, я провалялась в постели все воскресенье. Хорошо, что Джимми Сноу улетел опылять. Если бы он, по своему обыкновению, врубил телевизор на полную громкость, я бы не выжила. Не знаю, от чего мне хуже — от того, что Рэя увидела, или от того, что башка раскалывается.

24 июля 1959

Папе нужны были деньги. Я не могла позволить ему потерять бар. Он у всех пытался занять, я знаю, но никто не дал ему ни цента. Он бы не попросил у меня, если бы не отчаянное положение. Он знал, с каким трудом я накопила эту сумму.

Сначала я разозлилась и не хотела давать. Потом вспомнила, что он сделал ради меня, когда я была маленькой, как рисковал на всю жизнь загреметь в тюрьму, и не смогла ему отказать.

Я уверена, что он отдаст. К тому же я всегда могу попытаться счастья на конкурсе в следующем году. Подумаешь, один год.

26 июля 1959

Джимми Сноу узнал, что я отдала папе все деньги, и пришел в ярость!

— Как ты могла быть такой дурой?! — заорал он как ненормальный.

Ворвался к папе в комнату, выдернул его из постели, назвал дрянным сукиным сыном и колошматил, пока я не вбежала и не оторвала его.

Джимми ринулся в другую комнату. У него было 40 долларов, которые он все пытался мне всучить. Я не хотела брать, единственное, чего я хотела, — это чтобы он перестал вести себя как псих. Он спросил, почему я отдала папе деньги, зная, что он их просто пропьет? Я ответила, что какой бы он ни был, он все равно мне отец, и я ему должна.

— Ты ничего не должна этому гнилому сукину сыну, — сказал Джимми.

И не успела я подумать, как у меня вырвалось:

— Разве он не убил ради меня Клода Пистала?

Впервые с тех пор, как мне было одиннадцать, я нарушила слово и произнесла это имя. И тут же пожалела об этом.

Джимми посмотрел на меня очень странным взглядом и переспросил:

— Что?

Я сказала:

— Слушай, Джимми, давай обо всем этом забудем, ладно?

— Нет, постой-ка. Какой там «забудем»? Ты о чем вообще говоришь?

— Я знаю, кто убил Клода, так что давай не будем об этом, а?

— И кто, по-твоему, убил Клода?

— Ты, папа и Рэйтта. Ты сам мне сказал.

Он посмотрел на меня как на сумасшедшую и говорит:

— О господи. Неужто ты поверила в эту мою историю про Рэйтту?

— Конечно, поверила.

— Дейзи, ни я, ни папа никогда никого не убивали.

У него был такой вид, будто он сейчас заплачет.

— Как так, убивали! Я сама видела бумажные пакеты с пистолетами, которые вам дала Пичи Уигам.

— Какими пистолетами?

— Два пакета, которые вы взяли у Пичи в ту ночь, когда Клода убили. Я видела, как папа на следующий день принес пистолеты назад. Хватит притворяться.

— Дейзи, в тех пакетах были никакие не пистолеты. Там были две бутылки контрабандного виски, мы с твоим папой их купили, чтобы пойти к Рэйетте. Обрато он принес в этих пакетах пустые бутылки.

— Погоди. А как же тогда папа мог узнать, что Клод мертв, до того, как ему сказал об этом полицейский?

— Тем утром я ходил на взлетную полосу кое-что взять из самолета, нашел Клода, позвонил папе в дом Рэйетты и рассказал ему.

Я не верила своим ушам.

— Но ты говорил, что пули были из пистолета Рэйетты.

— Бог мой, Дейзи, я был в тот вечер полупьяный, и папа попросил меня рассказать тебе эту историю, чтобы ты не бесновалась по поводу Рэйетты и разрешила ему с ней встречаться. Я не думал, что ты поверишь.

— Я поверила.

Тогда он начал плакать и говорить, что он очень виноват, что эта глупая история была просто шуткой. Я чувствовала себя так, будто меня ударили под дых. Не желаю больше их обоих видеть.

1 августа 1959

Я живу в Христианской организации молодых женщин и питаюсь в кафетерии «Моррисон».

Вчера после работы, когда я вошла в холл, меня там ждал Джимми Сноу.

Он схватил меня за руку и сказал:

— Пошли-ка, мы идем домой.

Я спросила:

— Вы кто? — и прошествовала мимо.

— Ты пойдешь со мной домой, даже если мне придется тебя волоком тащить.

Я направилась к мисс Присим, она сидит на коммутаторе, и сообщила, что вон тот человек, похожий на альбиноса, абсолютно мне не знаком, так что не могли бы вы вызвать полицию. Джимми продолжал шуметь, и мисс Присим так разволновалась, что, набрав номер, сказала:

— Алло, это полиция, — и повесила трубку.

Наконец Джимми сказал:

— Ладно, не хотел тебя пугать, но у твоего отца сердечный приступ, скорее всего, он не выживет, так что нужно срочно ехать.

Мы выбежали и сели в грузовик. Джимми сказал, что папу оставили в баре, потому что он слишком плох, до больницы не дотянет.

Это была самая долгая за всю мою жизнь поездка.

В голове крутилось: не прощу себе, если не успею сказать папе, что люблю его. Мы затормозили у бара, и я кинулась внутрь, но там было темно, хоть глаз выколи. Я заорала:

— Папа, ты где?

И тут вдруг зажегся свет и почти двадцать человек закричали: «Сюрприз!» А папа стоит среди них как ни в чем не бывало. Я так обрадовалась, что он жив-здоров, и так перенервничала, что расплакалась.

Здесь были все. Мистер Сесил и Сесилетки, Тути, Хелен, Долорес, Пэрис Найтс и Дж. Р., профессор Тисли и его мама, и все они запели:

— Он — славный мальчик, и никто не станет это отрицать. [\[108\]](#)

На стене висел здоровенный плакат: «Даешь „Мисс Миссисипи“!» Меня усадили на стул, и мистер Сесил ушел за занавеску в заднюю комнату. Папа включил притащенный откуда-то прожектор, и мистер Сесил вернулся в красном жакете с блестками и галстучке-бабочке, с огромной книжицей, на которой было написано: «Дейзи Фэй Харпер», и сказал:

— Устраивайся поудобней, Дейзи Фэй Харпер, потому что ЭТО ТВОЯ ЖИЗНЬ. — И все захлопали. — Ты помнишь этого человека? Ты не видела ее с тех пор, как тебе исполнилось двенадцать.

Из задней комнаты донесся женский голос:

— Дейзи, последний раз мы встречались в Шелл-Бич в 1953 году.

Я никак не могла сообразить, кто это. Тогда Дж. Р. поставил пластинку «Я стану гулять одна», и я поняла: это же Бетти Колдуэлл, девочка-калека, которую я исцелила. Она вошла и обняла меня, выглядит она цветущей.

Мистер Сесил проводил ее к стулу и провозгласил:

— А теперь особый гость, с которым ты никогда не встречалась... Дейзи Фэй, познакомься с Дейзи Фэй Второй.

Тут выбежала маленькая девочка, поцеловала меня и вручила конверт. Это была дочка Бетти, которую назвали в мою честь. В конверте была записка: «Сей документ удостоверяет право мисс Дейзи Фэй Харпер Первой бесплатно восстановить два сломанных зуба». Бетти замужем за дантистом, который попросил своего друга это сделать.

Следующий голос принадлежал мужчине.

— Дейзи, ты до сих пор питаешься горячими карамельными

десертами и банановыми сплитами?

Дж. Р. поставил музыку из сериала «Уличные банды». Это был мистер Килгор из ФБР, который вместе с Опал Бейтс забрал меня из школы! Он подарил мне чек на 50 долларов за службу ФБР и пожелал удачи.

Потом мистер Сесил сказал:

— Следующих двух гостей представлять не нужно.

И, услышав, как два женских голоса крикнули: «Бинго!!!» — я тут же поняла, кто это, — бабушка Петтибон и тетя Бесс. И снова заплакала от радости. Бабушка купила мне белье, а тетя Бесс принесла замороженный горошек и овощи из своего ресторана. Бабушка шепнула, что еще злится на Бесс за противозачаточные таблетки, но на этой неделе она с ней разговаривает ради меня.

Когда они уселись, зазвучала музыка из «Король и я», и глубокий, раскатистый голос продекламировал:

— Розы расцвели, и слышен птичий крик. Для парнишки моего украла я парик. *Et cetera, et cetera, et cetera.*

Это был Вернон Мусбургер в парике и даже с фальшивыми бровями. Он поцеловал меня и подарил сертификат на три бесплатных урока у Дейла Карнеги, где он теперь исполнительный директор.

После того как он занял свое место, зазвучала музыка, на этот раз вальс «Голубой Дунай». Очень знакомый голос сказал:

— Помни, Дейзи, обаяние — залог успеха.

Это была миссис Дот! Она вбежала в зал, я стиснула ее в объятиях и снова заревела. Она три года назад выписалась из больницы и преподает драму в школе для девочек в Галфпорт, Миссисипи, и совершенно не изменилась. Ее подарок — полное собрание сочинений Шекспира в кожаном переплете.

Дж. Р. изобразил барабанную дробь, и мистер Сесил сказал:

— А теперь последний по очереди, но не по значению, специальный секретный гость из самого Бирмингема, Алабама, которого бы здесь не было, если бы не ты. Загадочный гость, покажись, пожалуйста!!!

В зал вошла красивая девушка и начала писать свое имя на доске, которую ей подали. В тот миг, как я увидела ее уши, я поняла, что это Анжела Пистал, совсем взрослая! Ее мама с папой приехали с ней и подарили мне чек на 100 долларов.

Дж. Р. проиграл пластинку с песней «Счастливые денечки, вы вернулись», а мистер Сесил провозгласил:

— Вечеринка в твою честь состоится в этом зале после того, как Томми и Джим, двое Сесилеток, продемонстрируют, что мы для тебя

приготовили. Дейзи Фэй Харпер, это твоя жизнь!

Они выкатили большой стол, заставленный всевозможными подарками. Мистер Сесил и Сесилетки купили мне дорожный костюм с туфлями, шляпой и сумкой и с браслетом на ногу такой же расцветки, который в шутку смастерил мистер Сесил. Тути, Хелен и Долорес купили мне купальный костюм, а Сесилетки за ночь обшили его белыми блестками. Это самый фантастический купальник на свете. Джимми Сноу дал мне 75 долларов, а профессор Тисли и его мама подарили 100. Пэрис Найтс купила прекрасную дорожную сумку от «Самсонит» с косметичкой из того же материала.

Но самый большой сверток они приберегли на конец. Огромная розовая коробка. Я открыла ее и чуть не умерла. Внутри лежало самое распрекрасное в мире белое выходное платье. Оно, наверное, стоило целое состояние. Я не представляла, кто мог позволить себе такой подарок. Я спрашивала, от кого оно, но никто не знал. Дж. Р. сказал:

— Взгляни на карточку.

Я так суетилась, что не заметила ее. Там было написано: «Удачи, друг. С наилучшими пожеланиями, мистер Е. Гэмбл». Дж. Р. улыбался от уха до уха. Миссис Андервуд и ее шестиклассницы прислали мне открытку с пожеланием удачи, а Пичи Уигам и Ула Сур смастерили вешалки с мягкими тканевыми плечиками и написали милое письмо.

На вечеринке Бетти Колдуэлл рассказала, что прочла в газете о Билли Банди, он опять в тюрьме. Он пытался исцелять людей по радио в Гумбольдте, Теннесси, и во время сеанса одна женщина приложила мокрые руки к радиоприемнику. Ее ударило током так, что она отлетела к противоположной стене.

Мы гуляли до трех часов утра, танцевали. Анжела мне все про себя рассказала, она чудесная девчушка, а мистер Сесил и тетя Бесс просто нашли друг друга. Почти все танцы вместе танцевали. И надо сказать, курс Дейла Карнеги явно пошел впрок Вернону Мусбургеру, потому что домой он ушел вместе с Пэрис Найтс. Надеюсь, парик с него не слетит. Хелен так напилась, что под конец сидела и разговаривала с чучелом рыбы-собаки, висевшим на стене бара. У меня в жизни еще не бывало таких замечательных вечеринок.

Утром Джимми доставил бабушку и тетю Бесс домой на самолете, а я сходила к дантисту, и он починил мне зубы за какой-то час. Вы бы никогда не догадались, что они были сломаны. Я собрала вещи. Платье оставила в коробке и привязала к верхнему багажнику, чтобы не помять. Мы с папой и Джимми скоро едем в Тупело. Я люблю весь мир.

3 августа 1959

Мы приехали в отель «Динклер Тутвилер» в Тупело в 16.30. Когда мы вынимали вещи из машины, угадайте, кто подкатил на новеньком, с иголки, «кадиллаке»? Кей Боб Бенсон с матерью! Я-то думала, что навеки от нее избавилась, но кто-то там наверху меня явно недолюбливает.

Никогда не видела столько красивых девушек. Со всего штата съехались.

В отеле «Динклер Тутвилер» очень красиво. Фойе — мрамор с настоящей антикварной мебелью, повсюду живые пальмы и папоротники. По стенам надписи: «Добро пожаловать, молодые таланты Мисс Миссисипи». Девушка за регистрационным столом сказала, что поскольку в этом году на конкурс приехало 138 девушек, в «Динклер Тутвилер» мест нет, так что мне придется остановиться где-нибудь еще. Узнав, в какое время завтра нужно здесь быть, мы с папой и Джимми Сноу поехали искать другой отель.

Единственная свободная комната нашлась в отеле «Дикси» в противоположном конце города. Довольно убогое местечко, но неделю можно и потерпеть.

Папа спустился в холл позвонить. Вернувшись, дал мне номер компании «Такси для ветеранов». Когда надо будет ехать в «Динклер Тутвилер», я должна позвонить по этому номеру и попросить такси № 22, водитель которого — старинный папин приятель-собутыльник, и он обо мне позаботится. Я понадеялась, что этот старинный приятель завязал с выпивкой, не хотелось бы погибать, когда я так далеко зашла. Папа и Джимми попрощались, пожелали мне удачи и взяли обратный курс на Хатисберг.

Надеюсь завтра не оплошать. Мы доели коровий горох и овощи тети Бесс по дороге. Так что пока я не особо проголодалась.

Кей Боб Бенсон здесь! Просто не верится!

4 августа 1959

Утром позвонила по номеру, который оставил папа, и минут через пять прибыло такси № 22. Водитель, которого звали мистер Смит, довольно старый и неразговорчивый. Судя по тому, как пахло в машине, папа

чертовски ошибался, что водитель завязал, но водит он осторожно, очень обходительный и называет меня «мисс». В «Динклер Тутвилер» я прибыла в новом дорожном костюме, подаренном Сесилетками, и в радостном настроении. Все девушки очень нарядные.

Первый день называется «Днем знакомств». Мы получили бейджики с именами и выслушали в банкетном зале речь миссис Лули Харди Макклей, распорядительницы, которая открыла конкурс «Мисс Миссисипи» в 1929 году. Она говорила о том, что в течение этой недели мы должны вести себя как южные леди и что «Мисс Миссисипи» представляет образ южной женственности. Мы должны помнить, что есть только один победитель и множество проигравших, но проигравшие не должны расстраиваться, потому что даже участвовать в конкурсе — большая честь. Потом она представила нас сопровождающим наставницам и судьям. Судей шесть: миссис Пэгги Буканан, президент юниорской лиги Миссисипи; мистер Харрисон Суонли, известный миссисипский художник; прошлогодняя Мисс Миссисипи — Одри Джонс Соммерс; мадам Роза Алберготти, учитель оперного пения и бывшая оперная звезда; мистер Оливер Генри, вице-президент молодежной секции местных торговых палат, спонсор конкурса, и доктор Дэниел А. Диди, священник Баптистской церкви Горы святого дуба в Тупело. Все девушки, впервые участвующие в конкурсе, должны прийти завтра утром показать свои номера.

Когда мы уже уходили, Кей Боб Бенсон подошла и сказала во весь голос:

— Дейзи Фэй Харпер, так и знала, что это тебя я вчера видела выходящей из того старого пикапа.

Я ответила:

— Да, это была я, а это не ты слезала с метлы?

Высокая, полная девушка, стоявшая рядом, расхохоталась.

— Молодец, девчонка, ты сейчас куда? — сказала она мне.

Я ответила, что иду на стоянку.

Она снова засмеялась:

— Айда к нам. У нас небольшая пирушка намечается.

Мне делать было совершенно нечего, и я пошла.

Надпись на двери гласила: «Ветераны иностранных войн конкурса „Мисс Миссисипи“». Наставницам вход воспрещен». Там я познакомилась еще с тремя девушками. Они все вместе снимали люкс и участвовали в конкурсе третий год подряд. Этот год был для них последним, когда можно участвовать. Полная девушка, Дарси Льюис, сказала, что единственная причина, по которой они сюда ездят, это возможность получать стипендию

в колледже. Они спросили, хочу ли я выпить. Я сказала:

— А то!

Тогда они заперли дверь, Дарси прошла в туалет и выудила бутылку «Олд грэндэд» из-за бачка унитаза, а вторая девушка по имени Мэри Кадсворт достала бутылку скотча из коробки «Котекс». У них тут был целый бар.

Дарси Льюис учится в колледже в Стивенсе, специализируется на английском языке, и ее номер — сцена из «Жанны д'Арк», которую она исполняет каждый год. По словам Мэри, Дарси слишком ленива, чтобы приготовить что-нибудь новое. Мэри — музыкант, специализируется по музыке в Миссисипском университете, а Пенни Рэймонд певица. Она около шести футов ростом, делает пучок на макушке и носит сережки-капельки. У Джо Эллен Фили, четвертой девушки, специальность — политические науки в колледже под названием «Гоучер». Она желала говорить исключительно о социализме. Когда она пыталась это сделать, остальные кричали ей:

— Замолчи!

Они расспросили о моей жизни, а потом спросили, хочу ли я стать Мисс Миссисипи. Я сказала:

— Нет, я хочу только выиграть стипендию в Американскую академию театральных искусств в Нью-Йорке.

Ответ им явно пришелся по душе. Они все тоже не ради этого соревнуются. По их словам, конкурс — фальсификация, а выиграет девушка по имени Маргарет Пул. Миссис Лули Харди Макклей всегда сама выбирает победителя, и на этот раз пообещала титул Мисс Миссисипи девице Пул, которую она протаскивает уже два года. По их словам, Маргарет Пул — страшная лицемерка. Она курит, пьет и спит со всеми парнями подряд, но когда рядом миссис Макклей, она сама невинность. Миссис Лули Харди Макклей всю жизнь положила на то, чтобы конкурс «Мисс Миссисипи» стал конкурсом «Мисс Америка». Еще они сообщили, что если ты родом не из хорошей семьи и не протестантка, то твои шансы равны нулю. Хорошо, что я не хотела выиграть, потому что в пункте «Религия» всегда пишу «атеистка».

Они поинтересовались, какой номер я приготовила. Поскольку мой жанр — комедия, они в один голос заявили, что у меня есть шанс попасть в финал, если я хоть чего-то стою.

Большинство девушек — танцовщицы, а им нужны разнообразные номера для основного конкурса в главном театре штата «Стейт» девятого числа.

Мы просидели почти всю ночь, и я их всех перепила. Наверно, я им понравилась, потому что они пригласили меня на завтра. А еще взяли с меня обещание проголосовать за Дарси на конкурсе «Мисс Конгениальность». Она выигрывала его три года и собирает статуэтки, это стало ее хобби. Каждый год она ходит и говорит всем, что будет за них голосовать. Потом они голосуют за нее, а она — за себя, чтобы уж был верняк. В прошлом году, когда голосование было анонимным, судьи что-то заподозрили.

5 августа 1959

Такси привезло меня сегодня утром пораньше, и я поднялась в комнату Дарси, где девчонки приводили в чувство бедную деревенскую девушку по имени Дороти Клем Кенярд. Говорили, тебе, мол, надо расслабиться, чтобы исполнить номер. Потом мы все пошли вниз смотреть, как она пытается спеть «Смеющуюся песню» из какой-то оперы. Она просто стояла там и смеялась, а петь ничего не спела. Видели бы вы лица судей. Потом я выяснила, что Дороти Клем боролась за ту же стипендию, что и Пенни.

Вы бы не поверили, что там за номера некоторые показывали. Одна девушка играла на рояле, стоя в натуральной грязи из реки Миссисипи. Другая была дизайнером одежды и соорудила платье из старых меню. Еще была одна худышка, она надувала шарики якобы в виде разных животных, но по мне, так все они выглядели одинаково.

Когда я исполнила свой номер, его приняли хорошо. К этому времени судьи очень обрадовались комедийному скетчу. Они уже просмотрели сорок восемь танцев и восемнадцать сцен из «Жанны д'Арк».

6 августа 1959

Сегодня было собеседование. Дарси и Мэри научили меня, что сказать, чтобы понравиться судьям. Когда они спросят, кем я больше всех в мире восхищаюсь, я должна ответить — своей мамой или Джоан Кроуфорд, оба ответа верные. Когда спросят, чего я хочу в жизни, отвечаешь — быть хорошей американкой, женой и матерью, как подобает христианке. А когда спросят, какое у меня хобби, должна сказать — ходить в воскресную школу и работать с детьми бедняков. А если спросят, хочу ли стать Мисс

Миссисипи, ответ должен быть таким: «Я уверена, что многие девушки более достойны, чем я, но если по какой-то счастливой случайности я стану победительницей, то буду гордиться этим всю жизнь». Я напонила Дарси, что не хочу быть Мисс Миссисипи, мне только стипендия нужна. Она сказала, это неважно. Надо заставить их думать, будто ты мечтаешь выиграть. Я спросила, может, нужно правдиво отвечать на вопросы, но Дарси заявила: «Черт, нет, никто никогда не говорит правду». Они четверо провели опрос и выяснили, что так отвечали все прошлые Мисс Миссисипи. Если начну резать правду-матку, никогда стипендию не получу.

Подошла их очередь исполнять номера, и я отправилась в зрительный зал. Мэри, которая в прошлом году играла на скрипке, вышла в длинном черном платье и сказала:

— В этом году, после некоторого размышления, я чувствую, что мой талант лежит в области пианино.

Потом подошла к пианино, открыла крышку, вынула из-под нее музыкальную пилу и сыграла «Шепот». ^[109] Я чуть не умерла от смеха. Дарси сыграла сцену из «Жанны д'Арк». Ужас. Костюм ее состоял из китайской пижамы и дуршлага на голове. Наконец я узнала, что такое дуршлаг! Джо Эллен, все еще в подпитии, вышла в индейском головном уборе из перьев и исполнила молитву богам на индейском языке жестов. Я чуть не свалилась со стула от хохота, но судье, который священник, понравилось по-настоящему.

Потом мы вернулись в номер. Джо Эллен сказала, что это вовсе не был индейский язык жестов. Она сама его придумала. Неважно, насколько плохо они исполнили свои номера. Все равно получают стипендию, потому что миссис Макклей до смерти жаждет, чтобы они окончили колледж, чтобы хвастаться, что конкурс «Мисс Миссисипи» дал им полное высшее образование.

Я была рада, что послушалась девчонок. Вопросы на собеседовании были в точности такими, как они предсказывали. Священник спросил, почему я атеистка, и я ответила, что ошиблась, правильно было бы сказать — протестантка. Он был бы, конечно, рад, если бы я написала — баптистка, но «протестантка» показалось мне ближе к слову «протест». Когда они поинтересовались, чем занимается мой отец, я сказала, что он владеет закуской, что было не очень далеко от правды, поскольку папа подает вареные яйца на закуску. Миссис Буканан спросила о стипендии в Американскую академию в Нью-Йорке, и я сказала, что хочу там учиться. Она спросила, нет ли у меня другого варианта, и я ответила:

— Бруклин.

Они сказали:

— Большое спасибо.

Правила конкурса запрещают матерям девушек находиться в отеле, но мать Кей Боб Бенсон прячется за пальмой в кадке, и каждый раз, как Кей Боб Бенсон проходит мимо нее, высовывает голову из листьев и шипит, чтобы она поправила прическу или улыбнулась. Ее все видят сквозь пальмовые листья. Не знаю, кого она думает одурачить.

7 августа 1959

Сегодня был конкурс купальных костюмов, и Дарси предупредила, чтобы я внимательно смотрела, куда сажусь. В прошлом году одна девушка потеряла много очков, когда по ошибке посидела на плетеном стуле прямо перед выходом на подиум. Я ждала своей очереди стоя. У этой Маргарет Пул, которая собирается стать Мисс Миссисипи, шикарная фигура. Увы, должна признать, что у Кей Боб Бенсон — тоже.

Вы не поверите, что учудили Дарси и Мэри. Дарси сама сшила купальник, и на заду у нее большими буквами написано: «ПОСЕТИТЕ РОК-СИТИ».^[110] Этого показалось им мало, и следом вышла Мэри, насквозь мокрая, в ластах и маске, с острой в руке. Все просто упали!

Папа оказался прав насчет моего таксиста. Он обо мне прекрасно заботится. Даже не приходится ему звонить, когда я освобождаюсь.

Выхожу из отеля, а он уже тут как тут. Всегда спрашивает, как прошел день, и я ему все рассказываю. Думаю, ему это приятно. Он напоминает мне какого-то актера, не могу вспомнить какого.

Сегодня огласили имена тех, кто прошел в финал. Первой объявили Кей Боб, а когда назвали имя Маргарет Пул, Мэри, Дарси, Джо Эллиен и Пенни в один голос воскликнули:

— Какой сюрприз!

У миссис Макклей был такой вид, будто она готова их убить. Мое имя тоже назвали, и уж как я обрадовалась, не описать. Прямо не могла дождаться, так хотелось поделиться с моим водителем, поэтому всего один стаканчик выпила с девчонками, чтобы отпраздновать. Внизу мне пришлось пройти сквозь всех конкурсанток, которые не попали в финал и выезжали из отеля. Я о них не подумала. Они делали вид, что им все равно, но было ясно, как им паршиво. Некоторые так же талантливы и красивы, как те, кого выбрали. Дурацкий конкурс, к тому же все решено заранее. И

меня-то выбрали только потому, что на девятое число им требовался юмористический номер.

Я рассказала таксисту о своих чувствах, но он был не особо разговорчив.

8 августа 1959

Сегодня снова нужно было исполнять наши номера. У Пенни такое похмелье, что она стояла на сцене и только открывала рот, а Мэри за занавесом вместо нее пела. Судьи ничего не заметили. Решили, что Пенни простудилась. «Сюси Свитуотер» я приберегла для второго раунда. Им понравилось. Днем мы отдыхали, пока судьи решали, кто будет выступать на сцене театра «Стейт» и сегодня вечером в загородном клубе Тупело. Каждый год в последний вечер перед заключительным торжественным этапом конкурса Лига юниоров и молодежная секция местных торговых палат устраивают для финалистов ужин в загородном клубе. После того как их представят собравшимся, некоторые показывают свои номера.

Я поднялась в комнату Дарси и постучала. Она открыла, но внутрь меня не пустила, потому что они репетировали номер, который покажут сегодня в качестве прощального представления. Так что я спустилась на улицу, села в свое такси № 22 и поехала перекусить. Спросила мистера Смита, не хочет ли он со мной сходить в ресторан, но он предпочел подождать в машине. Я купила ему барбекю и кока-колу.

Когда я вернулась в отель, всех финалисток пригласили в банкетный зал, где зачитали имена девушек, которые выступят в загородном клубе. Я была в списке, Мэри, Пенни и Джо Эллен — тоже. А с нами Кей Боб Бенсон и Маргарет Пул. Сюрприз! Сюрприз! Дарси не выбрали, но миссис Макклей сказала:

— Я уверена, Дарси не станет возражать, если ее не пригласят снова играть святую Жанну. Мы сомневаемся, что зрители выдержат это в третий раз. — С этими словами она посмотрела на Дарси: — Ты же не возражаешь, правда, дорогая?

И все захохотали.

Я рассказала новости водителю и увидела, что он за меня рад.

Позже он забрал меня, и мы поехали в загородный клуб Тупело. Там красивее, чем в клубе Хатисберга, танцплощадка вращается, и под ногами горят цветные лампочки. Все девушки были такие красавицы в выходных

платьях! Дарси взяла с собой старый кожаный барабан, а Мэри — гавайскую гитару. Мне не терпелось увидеть, что они приготовили. Миссис Макклей побывала в парикмахерской и прицепила букет к корсажу. Она подошла к микрофону и сказала:

— Леди и джентльмены, с радостью представляю вам двадцать восемь финалистов конкурса «Мисс Миссисипи» этого года.

Я чувствовала себя как в первый раз на сцене. Жаль, здесь нет папы и Джимми Сноу. Мы вышли одна за другой, а оркестр играл «Красивая девушка — как мелодия». После этого мы отправились в раздевалку готовиться к выступлениям. Переодевались только Маргарет Пул, Кей Боб Бенсон и я. Остальные выступали в платьях. Я надела костюм «Сюси Свитуотер». Судьям понравился мой номер с женщиной, в которую стреляли, но они рассудили, что фигурирующий в тексте развод не подходит для «Мисс Миссисипи».

Маргарет Пул курила в туалете, и тут дверь распахнула миссис Макклей, чтобы нас позвать. Не успела я понять, что случилось, Маргарет Пул сунула мне в руку сигарету и сказала:

— Я готова, миссис Макклей.

Миссис Макклей огляделась, увидела меня и подняла скандал. Она сказала:

— Фрэнсис Харпер, что ты делаешь с сигаретой? Ты в публичном месте. — Потом вырвала у меня сигарету, подбежала и бросила в унитаз, не успела я и рта открыть. И говорит: — Как ты посмела позорить конкурс «Мисс Миссисипи»! Сегодня ты отсюда не выйдешь. Я с тобой позже разберусь, мисс!

От удивления я так и осталась стоять где стояла. Когда они выходили, я услышала, что Маргарет Пул говорит:

— Я предупредила ее, что не надо курить, миссис Макклей.

Кей Боб Бенсон, которая все видела, заржала как ненормальная и вышла из туалета со своим жезлом. Не зная, что делать, я тоже вышла и стала смотреть, как народ выступает. Когда до меня дошла очередь, миссис Макклей пропустила мое имя и назвала следующее.

Когда все отвыступались, миссис Макклей сказала в микрофон:

— Леди и джентльмены, должна с сожалением сообщить, что в этом году мы последний раз смотрим выступление четырех наших любимых конкурсанток, и нам будет не хватать этих юных леди, которые так долго украшали нашу сцену своей красотой и талантами. Однако девушки сказали, что хотели бы на прощанье подарить нам небольшой специальный номер. Уверена, он нам понравится. — Она прочитала карточку, которую

дала ей Дарси, и произнесла: — Итак, леди и джентльмены, с большим удовольствием представляю вам «Квартет Простушек».

Мэри вышла с гавайской гитарой, и Дарси с барабаном. Мэри сказала: «Раз, два, раз-два-три», и вот какую песню они исполнили на мотив «Индюшки в соломе»:[\[112\]](#)

Она прегромко пукнула и на пол насрала,
О ручку двери вытерлась, такие, брат, дела.
Она валандалась без сна в тоске, в одном носке,
И полуголая луна сверкала на соске.
И в скважину замочную смотрела — вот ништяк! —
Коленкой забинтованной опершись о косяк.
Задранная юбочка и спущены трусы,
А задница — прекрасная, как попка колбасы!
Достойна песня ваших ушек!
Квартет простушек-потаскушек.

Мэри и Пенни потратили два дня на создание самой грязной песни, какую только можно придумать. Они допели, согнулись в глубоком поклоне и убежали. Зрители онемели.

Хохоча и взвизгивая, Дарси и Мэри схватили меня за руки и крикнули: — Бежим, девчонка!

Мы выскочили из дверей, прыгнули в мое такси и помчались к ним в отель выпить. Они сказали, что ждали этого три года.

9 августа 1959

Нынче утром весь персонал и конкурсантки были созваны на незапланированное собрание. У миссис Макклей был вид восставшей из гроба. Наверное, она не ложилась, потому что на ее вчерашнем платье болтался все тот же, но мертвецки обмякший букет, а на голове у нее черт-те что творилось, какое-то воронье гнездо. Она сообщила, что, к сожалению, в связи со сложившимися обстоятельствами мисс Дарси Льюис, мисс Джо Эллен Фили, мисс Мэри Кадсворт и мисс Пенни Рэймонд не будут выступать в театре «Стейт». Они останутся за кулисами и выйдут только для получения стипендии.

Потом сказала со слезой:

— Я хочу пожелать вам всем сегодня удачи. — И высморкалась. — И еще одно напутственное слово будущей победительнице — кто бы ею ни стал. Не помните розы, они бархатные.

После этого все поехали в театр репетировать. Меня пока не вычеркнули из списка выступающих. После того, что натворили Дарси и компания, видимо, она сообразила, что курение по сравнению с этим — мелочь.

После репетиции нам велели вернуться в шесть тридцать и быть готовыми к выходу в семь тридцать. Я раздобыла билет на шоу для своего таксиста. Заехал он за мной в костюме и галстук, и я порадовалась, что среди зрителей будет хоть одно знакомое лицо. Перед выступлением, когда мы все стояли за кулисами, ко мне подошли трое пожилых рабочих сцены и пожелали удачи.

Даже не думала, что буду так нервничать, но театр рассчитан на две тысячи зрителей, и в зале негде яблоку упасть. Заиграл орган Хаммонда стоимостью в миллион долларов, и конферансье принялся выкликать наши имена. Девушки выходили по очереди. Сердце у меня колотилось жуть как, думала, инфаркт случится. Когда назвали мое имя, девушке, стоявшей сзади, пришлось меня подтолкнуть. Я вылетела на сцену, по глазам полоснул луч прожектора, я ослепла, но сумела улыбнуться, спасибо Бетти Колдуэлл за починенные зубы. Народ громко зааплодировал, кажется, я понравилась. Я удивилась, но времени поразмышлять над этим не оставалось, нужно было спешно переодеваться для конкурса купальников. Слышали бы вы, как орал и свистел зал, когда в свете прожектора засиял мой расшитый блестками купальник. Очень им понравилось. Спасибо мистеру Сесилу и Сесилеткам.

Прожектор был такой яркий, а контактные линзы так резали глаза, что я чуть не свалилась с подиума. Народ продолжал вопить, так их поразил мой купальный костюм. Сойдя со сцены, я была слепа как крот, слава богу, Дарси отвела меня в гримерную. Коленки у меня еще дрожали.

За какие-то две минуты я переделась в костюм «Сюси Свитуотер» и сломя голову помчалась вниз, на сцену. Но, как выяснилось, времени у меня было полно. Конферансье только что объявил первый номер: Бетти Ли Хансом, которая играла «Тико, Тико» на электрооргане. Она вышла, села, широко улыбнулась зрителям и ударила по клавишам. Но орган не издал ни звука. Она снова взяла аккорд, с тем же результатом. Она обернулась и крикнула рабочему сцены: что-то не так. Тот вышел и увидел: она колотит по клавишам изо всех сил, а звука нет. Рабочий нашел вилку и воткнул в

разъем, но, по всей видимости, произошло короткое замыкание, потому что инструмент издавал совершенно не те ноты, и это было ужасно. Со сцены Бетти Ли унеслась, выкрикивая, что сейчас кого-нибудь убьет. Я и стоявший рядом рабочий сцены предусмотрительно отступили в сторонку.

Следующей выступала Тэппи Лу Норрис, у нее был танец на стихотворение «Деревья». Тэппи Лу прыгала по сцене, но осветитель не успевал за ее прыжками, так что зрители видели только случайно выхваченную из темноты руку или ногу. Я понимаю, каково было осветителю, я и сама однажды так мучилась, но кроме того, прожектор светил настолько слабо, что ее в принципе было невозможно увидеть. То ли где-то замыкание, то ли накрылась вся электрическая система. Меня прошиб холодный пот: как же я-то буду смешить народ в темноте и без звука? Тэппи Лу закончила выступление и, выскочив со сцены, вцепилась в меня и спросила:

— Ну как я, нормально?

Она хватала за руки всех, кто попадался ей на пути, и спрашивала:

— Ну как я, нормально?

Все отвечали:

— Да-да, отлично.

Ни у кого не хватило духу сказать, что зрители ее не видели.

Следующей выступала Роби Сью Спирс — со своим монологом о мертвом ребенке. Все шло хорошо, пока микрофон не начал то включаться, то выключаться. Тем временем Маргарет Пул, выступавшая следом, стояла рядом со мной и ждала, чтобы взять у Роби Сью радиомикрофон, который крепится на шею. Она выступала с отрывком из «Унесенных ветром». Услышав, как работает микрофон, она чуть не впала в истерику. Стоило бедной Роби Сью сойти со сцены, Маргарет ее едва не задушила, пытаясь содрать микрофон.

Рабочий вынес для нее на середину сцены коробку с глиной, и конференсье объявил Маргарет Пул. Она все-таки нацепила микрофон, шагнула к сцене, обернулась к рабочему и сказала:

— Лучше почини этот ебанный микрофон, а не то...

Вероятно, кто-то все-таки починил этот е...й микрофон, потому что ее слова услышал весь зал. Честно говоря, во время всего ее монолога из «Унесенных» микрофон старался изо всех сил, и скрежет сухих комьев глины, которые она перебирала в руках,^[113] просто оглушал. Когда она сказала: «Клянусь, я никогда больше не буду голодать», все аж подпрыгнули. Люди сидели заткнув уши. Я все отчаяннее нервничала. Мне сейчас на сцену, и другого микрофона нет.

К концу выступления Маргарет так расстроилась, что вышла с другой стороны и забыла отдать мне микрофон. Для меня уже вынесли стул и стол, и теперь настала моя очередь паниковать. Я побежала было вокруг к другому выходу, но, слава тебе господи, рабочий вовремя нашел другой микрофон и прицепил его мне. Кто-то починил прожектор, и, когда я вышла, он светил как надо, не сильнее, не слабее. Я отыграла номер, и он прошел на ура! После того как я произнесла последнюю фразу: «Защищайте сердце так же, как вы защищали бы другие жизненно важные органы. Пока-пока», зрители хлопали и хлопали, даже пришлось выйти на второй поклон. Я, конечно, тут ни при чем. Просто это был первый номер, который они нормально видели и слышали.

Я спустилась, и Дарси, Мэри, Джо Эллен и Пенни схватили меня и принялись обнимать так, что я едва концы не отдала. Следующей выступала Линда Хортон, ее номер прошел гладко. Наконец все починили. Она сыграла на маримбе^[114] «Любовь там, где ты ее находишь». Я не все выступление видела, потому что бегала переодеваться в платье для награждения стипендиями.

Когда вернулась, Дарси сказала, что я пропустила пока что самый смешной номер. Виллима Сью Сокуэлл, чревовещательница, начала представление, но рот у ее куклы заело, и единственное, что двигалось, это глаза. Зрителям она не понравилась. Джанис Белл, девушка, которая прыгает через скакалку и танцует степ, выступила нормально, но и вполовину столько аплодисментов не сорвала, как я. Сейчас на сцене была Джими Прайор, показывала свои картины и рассказывала о них. Единственный минус — две работы оказались вверх тормашками.

Кей Боб Бенсон стояла у занавеса, чтобы крутить жезлы под песню «Звезды и полосы навсегда», невозмутимая и бодрая как огурчик. Когда она покрутит их вокруг шеи и поймает на спину, опустится американский флаг. Зрителям понравится.

Рабочие сцены вились рядом с ней весь вечер. Они совершенно обалдели от ее короткой юбки, и двое или трое подбежали перед выходом на сцену пожелать удачи. Мужчины всегда на нее западали. Слышали бы вы, как гудел зал, когда Кей Боб вышла в своем костюме Дяди Сэма. Заиграла музыка, она одарила зрителей фальшивой улыбкой и начала крутить жезлы. И тут вдруг они начали падать у нее из рук. Казалось, она никак не может их удержать. Роняет, бежит поднять и снова крутит и роняет. Я просто глазам не верила. Наконец один жезл улетел в зал и стукнул какого-то мальчишку. Он его поднял и кинул назад. Это был кошмар. Флаг спустили, когда кончилась музыка, а она так ничего и не

смогла сделать. Дали занавес, и управляющий подбежал и велел нам строиться на сцене для вручения стипендий.

Когда занавес поднялся, мы уже выстроились в шеренгу. Представили какую-то даму, возглавляющую комитет по стипендиям, она сказала, как она рада, что ей выпала честь нас награждать. Почти все стипендии были розданы, и в конце она провозгласила победителя на стипендию в Американскую академию Изыщных искусств — Роби Сью Спирс, девушку, читавшую свой монолог о мертвом ребенке. Занавес опустился, а я ничего не получила.

Было так обидно. Казалось бы, мой номер так хорошо приняли. Дарси и остальные просто бесновались от ярости. Говорили, миссис Макклей нарочно это подстроила, зная, что я с ними дружу. Я сказала: не беспокойтесь, она и без вас имела повод на меня злиться. А сама думала обо всех, кто приложил столько усилий, чтобы я попала на этот конкурс, и мне хотелось только одного — забиться под какой-нибудь камень. Когда я уже решила не возвращаться в Хатисберг, просто исчезнуть с лица земли, нас вытолкнули на сцену слушать, как объявляют победителей. Я уже хотела только одного — очутиться подальше отсюда, но должна была достоять до конца и спеть «Вот идет Мисс Миссисипи», как мы репетировали. Надо вам сказать, у меня совершенно не было настроения петь для Маргарет Пул.

Здесь судьям было положено удалиться в кабинет директора, посидеть минут десять и сделать вид, будто они выбирают победителя. Дарси говорила, они просто сидят там и пьют. Мы ждали и ждали, и так прошло полчаса. Наконец вышел директор и сказал, что мы можем сесть. Зал загудел и затопал. Еще через двадцать минут нам подали сигнал встать и занять места на сцене, очертив воображаемый контур штата Миссисипи.

Занавес подняли, и зрители явно обрадовались нам. Конферансье вывел Мисс Миссисипи прошлого года, и она пошла заливать, какой чудесный был год ее царствования, и как она никогда не забудет это время, и что больше всего ее порадовали не деньги и не корона, а замечательные девушки, с которыми она познакомилась, и эту дружбу она вовеки не забудет. Дарси прошептала, что эта девица задирала нос и ни с кем не разговаривала. Покончив со своей тупой речью, девица повернулась к нам лицом, и мы все должны были ей поклониться. Брр! Потом она совершила «прощальный проход» по подиуму. Я кинула взгляд за кулисы. Дарси и Мэри показывали ей оттуда неприличные жесты.

Затем конферансье представил зрителям судей и миссис Макклей, но та куда-то подевалась. Вместо нее на сцену поднялся мистер Генри и сказал

несколько слов о том, как трудно оказалось в этом году судить, потому что все девушки были уж очень красивые.

Он отдал конферансье конверт с именами пяти финалисток, конферансье попросил барабанную дробь и сказал:

— Леди и джентльмены, настал момент, которого вы все так ждали... (Барабанная дробь.) Имена пяти финалисток конкурса «Мисс Миссисипи» такие... (Дробь.) Мисс Кей Боб Бенсон... (Аплодисменты. Не знаю, как у нее хватило смелости показаться на глаза публике после такого позора с жезлами, но она стояла там, как царица Савская. Барабанная дробь.) Мисс Джанис Белл... (Аплодисменты. Это которая прыгала и танцевала степ. Барабанная дробь.) Мисс Линда Хортон... (Аплодисменты. Она играла на маримбе. Я удивилась, что она оказалась в финале, у нее ведь косоглазие. Барабанная дробь.) Мисс Дейзи Фэй Харпер... (Аплодисменты.)

Мисс Дейзи Фэй Харпер? Я чуть не упала. Это же мое имя. Я стояла ошалевшая, а Дарси заорала мне из-за кулис:

— Шевели задницей!

Я вышла. Зал завопил, завыл. Конферансье пришлось целую вечность ждать, пока зрители успокоятся, чтобы назвать имя пятой финалистки. Барабанная дробь...

— Мисс Маргарет Пул.

Слабые аплодисменты. Я поверить не могла, что вышла в финал. Это какая-то ошибка, не иначе. Я была в восторге, потому что за четвертое место дают 500 долларов, а этого хватит, чтобы доехать до Нью-Йорка. Йессс!

Потом конферансье сказал:

— А теперь, дамы и господа, настало время вопросов и ответов, и сейчас судьи будут оценивать характер и выдержку наших конкурсанток. Помните, одна из этих девушек поедет в Атлантик-Сити и будет представлять штат Миссисипи перед всем американским народом. Кей Боб, вопрос для тебя: если бы твоей крестной была фея и она подарила бы тебе одно желание, только одно желание, что бы ты попросила?

Кей Боб, соорудив ужасно искреннюю мину, с минуту поразмышляла, потом наклонилась к микрофону и сказала:

— Если бы у меня было одно желание, я бы пожелала, чтобы все люди во всем мире научились любить друг друга, и чтобы больше не было войны, чтобы ни одна мать больше не потеряла своего сына на поле боя, и чтобы на земле навсегда настал мир.

Я подумала — теперь она вынет американский флаг, но, надо признать,

ответ был достоин по меньшей мере второго места.

Потом конференсье обратился к Линде Хортон:

— Линда, какой женщиной ты восхищаешься больше всех на свете и почему?

Она ответила:

— Мейми Эйзенхауэр. [\[116\]](#)

— Почему?

Она крепко задумалась и сказала:

— Потому что она вышла замуж за великого человека.

Упс. Лажанулась. В зале-то полно демократов.

Джанис Белл была следующей.

— Джанис, твой вопрос: если бы ты могла осуществить свои самые заветные мечты, что бы ты пожелала?

Она сказала:

— Я бы хотела стать хорошей женой и матерью, потому что это самое главное, к чему должна стремиться женщина.

Аудитории понравилось. Должно быть, она из «Радужных девушек».

И тут назвали мое имя. Я вышла вперед.

— Дейзи, я так понимаю, ты хочешь стать актрисой. — Я кивнула, надеясь, что это и есть мой вопрос, но он продолжил: — Если бы ты могла сыграть любую роль, какую бы ты выбрала?

Ну, тут мне и размышлять было нечего, учитывая опыт в «Кошке на раскаленной крыше». Я ответила:

— Главную!

Зал взревел. Я слышала, как Дарси и девчонки хохочут за кулисами.

И наконец настала очередь Маргарет Пул.

— Маргарет, кого ты считаешь самым важным человеком в мире и почему?

Ответ она выпалила, даже не дослушав вопрос:

— Думаю, Билли Грэм на сегодня самый важный человек в мире, потому что он распространяет песнопения по всем Соединенным Штатам, в Канаде и по всему миру, а это самое важное, что человек может сделать в жизни.

Ну? И по-вашему, она не знала, о чем ее спросят? Зрители аплодировали, поскольку все всегда аплодируют, стоит им услышать имя Билли Грэма.

Конференсье сказал:

— Спасибо, Маргарет. Ну вот, леди и джентльмены, раунд вопросов-ответов кончился. Давайте поблагодарим наших пятерых прелестных

финалисток. (*Аплодисменты.*) А теперь, пока судьи выносят окончательное решение, кто станет следующей Мисс Миссисипи, мы объявим обладателя самой непредсказуемой награды конкурса... Мисс Конгениальность. Победителя девушки называют сами, выбирая, кто из конкурсанток в течение конкурсной недели был самой дружелюбной и отзывчивой. Для вручения награды Мисс Конгениальность позвольте представить мистера Фрэнка Селфа, бывшего президента молодежной секции местных торговых палат.

Фрэнк Селф вышел и закатил длинейшую речь о том, как молодежная секция торговых палат рада спонсировать столь замечательный конкурс, и так далее и тому подобное. Пока это тянулось, я смотрела вниз, в ложу, где сидели судьи. Они как сумасшедшие дрались за листок бумаги. Миссис Буканан выхватила его у мистера Суонли и порвала пополам. Другую половину схватил преподобный Диди. Слышали бы вы, как они шипели. Мистер Селф выдохся, заткнулся и объявил победительницу... Дарси. Теперь у нее в коллекции четыре статуэтки Мисс Конгениальность. А это рекорд!

Когда с этим было покончено, конферансье посмотрел на судей и спросил:

— Судьи пришли к согласию?

Но они его даже не слушали. Ему пришлось повторить вопрос. Миссис Буканан зыркнула на него и крикнула: «НЕТ!» — и все снова принялись спорить. Конферансье спел песню, чтобы как-то убить время, а мы стояли и ждали, пока судьи наругаются. Я услышала, как один из них прорычал:

— Пошла к черту, сука!

Но вот мистер Генри, у которого сорвали бутоньерку, взбежал на сцену и протянул конферансье клочок бумаги.

Конферансье сказал:

— Спасибо, господа судьи! Леди и джентльмены, судьи вынесли свое решение, и момент, которого мы все так ждали, момент, когда...

Но ему не дали договорить, какой-то человек из зала встал и крикнул:

— Кончай с этим!

И он перешел к делу:

— Леди и джентльмены, обладательницей четвертого места в конкурсе «Мисс Миссисипи», награжденной стипендией суммой в пятьсот долларов и женскими наручными часами «Элгин» в семнадцать карат, подаренными ювелирным магазином «Кауч», становится... (*Барабанная дробь.*) Становится мисс Джанис Белл.

Аплодисменты. Я знала, что она облажалась с Мейми Эйзенхауэр, и

сочувствовала ей, но вдруг сообразила, что у меня есть шанс выиграть тысячу долларов. Ого, все интересней и интересней!

— Леди и джентльмены, третье место в конкурсе «Мисс Миссисипи» и чек на тысячу долларов стипендии... плюс портрет от фотостудии Роберта Бутвелла стоимостью в пятьсот долларов... — Я перестала дышать. Целая тысяча долларов! И тут он говорит: — Мисс Кей Боб Бенсон.

Аплодисменты. Моему удивлению не было предела. И вдруг до меня дошло, что я могу выиграть еще больше.

Зал к этому моменту уже сходил с ума, и я тоже. Мне не верилось, что я до сих пор на сцене.

Потом конферансье сказал:

— Леди и джентльмены, второе место в конкурсе «Мисс Миссисипи» и самую престижную награду — стипендию, включающую оплату обучения в знаменитом драмтеатре «Пасадена» в Голливуде, штат Калифорния, а также (*барабанная дробь*) гарантию на роль в телевизионном шоу «Дни Долины смерти» получает... мисс Линда Хортон.

Аплодисменты. Поразительно. Зачем, подумала я, посылать в театр «Пасадена» девушку, играющую на маримбе? Тут я отбросила эти мысли, потому что оглянулась и увидела, что на сцене остались мы вдвоем с Мирандой, и она вцепилась мне в руку, на которой было мамино кольцо, и сжала так, что ни о чем кроме боли я уже не думала. Зал неистовствовал.

Конферансье сказал охрипшим голосом:

— Следующее, первое место, является наиболее важной наградой, оно второе по значению после Мисс Миссисипи, потому что в любое время в течение следующего года, если Мисс Миссисипи не может выполнить свой долг, победителю, занявшему первое место, передается корона и полномочия Королевы. Леди и джентльмены, первое место и чек на полторы тысячи долларов (*барабанная дробь*), плюс новый телевизор «Мисс Америка» с диагональю двадцать шесть дюймов и полный гардероб от «Бэлнона», плюс полностью оплаченное путешествие в Нью-Йорк на прослушивание в Бродвее... — Я как услышала, чуть не умерла. Все-таки я еду в Нью-Йорк. — Достается мисс Маргарет Пул.

Зал обезумел. Зрители были так за нее рады, что встали с мест, и кричали, и визжали, и даже подпрыгивали. И тут меня осенило. Они же не за Маргарет Пул радуются. Они за меня радуются.

ЧЕРТ... Я МИСС МИССИСИПИ!!!

Все походили с ума. Меня принялись обнимать, тискать, кто-то вручил мне букет роз и накинул на плечи красную накидку, и бывшая Мисс Миссисипи водрузила мне на голову корону и вытолкнула на подиум, но я

совершенно остолбенела. Не могла сделать ни шагу. Народ кричал и пел «Вот идет Мисс Миссисипи». Из-за кулис я услышала Дарси:

— Не стой столбом, шевели задницей!

Почти не помню, что было дальше. Я была в таком шоке, что забылась и смяла в лепешку эти бархатные розы. Мне пришлось стоять там часа два, пока меня фотографировали для газет и телевидения. Под конец человек из молодежной секции торговых палат сказал, что обратно в отель меня отвезет официальная машина конкурса «Мисс Миссисипи». Но помню, как я выбежала на аллею, а там стоит мистер Смит, мой водитель, и мнет в руках шляпу, дожидаясь меня. Он простоял тут два часа. И как никто другой был за меня счастлив. Я вернулась и сказала этому человеку из палат, что приехала сюда на такси, на такси и уеду.

Позвонила папе и Джимми Сноу, и они были вне себя от радости. Они уже слышали об этом в телевизионных новостях, там показали мою фотографию. Конкурс оплатил мне билет до дому на самолете. До сих пор не верится. В сентябре еду в Атлантик-Сити участвовать в конкурсе «Мисс Америка»!

11 августа 1959

Сегодня улетела домой. Вчера весь день фотографировалась, а еще договаривалась с молодежной секцией торговых палат о том, как в сентябре поеду в Атлантик-Сити. Они отвезли меня сегодня утром в аэропорт, и я как вошла, сразу увидела моего водителя, мистера Смита, он прятался в углу возле багажа. Я подошла, а он сказал, что ждет пассажира, но я-то понимала, ради чего он приехал — меня увидеть. Он стеснялся и пожелал мне удачи. Я и пяти минут не пробыла в воздухе, как до меня дошло, кого мне напоминал мистер Смит. Этого человека звали вовсе не мистер Смит. Это же мой дедушка Петтибон, которого все считали погибшим!

Сначала папа врал, что я обозналась, но потом признался: да, я права. Они думали, я не вспомню, мы же столько лет не виделись. Я хотела ему позвонить, а папа говорит: будет гораздо лучше, если я не скажу, что узнала его, а то ему очень стыдно, что он столько пьет и так вот исчез. Папа всегда знал, где он находится. И хотя дедушка ненавидел папу, он верил, что папа его не выдаст. Раз в полгода дедушка звонил и расспрашивал, как у меня дела, и хранит все мои рисунки с тех пор, как мне было шесть лет. Представляете, все эти годы он был совсем рядом, в Тупело.

17 августа 1959

Мистер Керл, директор театра «Стейт» в Тупело, где проходил конкурс, оказывается, знаком с папой. Он позвонил рассказать ему, как все было на самом деле.

Мой второй дедушка, который до сих пор не разговаривает с папой, — президент Союза рабочих сцены, и все рабочие сцены в нем души не чают. Когда они узнали, что внучка Блонди Харпера — одна из финалисток конкурса, они решили оказать ему услугу, пошли и приобрели три лишних прожектора, и каждый раз, как я выходила на сцену, они меня освещали! Репортер написал в газете: «Ее улыбка освещала зал». Ничего удивительного! Это они надругались над микрофоном, заклеили рот кукле Виллимы Сью, отсоединили орган Бетти Ли Хансом и все прочее.

А знаете, почему Кей Боб Бенсон не могла удержать жезлы? Двое рабочих сцены зачерпнули тавота и пошли пожать ей руку прямо перед ее выходом. А я-то думала, она им нравится!

В общем, отныне я никогда не скажу ничего плохого о профсоюзном движении.

Еще мы вот что узнали. Когда судьи отправились в кабинет директора якобы голосовать, владелец театра вошел и сказал, что если они не дадут мне победить, то зрители ему весь театр на кирпичи разберут. И тогда это будет последний год, когда здесь проводят конкурс. Миссис Макклей уперлась и заявила, пусть громят, ей плевать. Пока она здесь главная, «Мисс Миссисипи» не достанется белой швали, чей папаша управляет баром, и я стану Мисс Миссисипи только через ее труп. Тогда мадам Алберготти сказала:

— А я не представляю, как мы отдадим этот титул девушке, которая на всю страну произнесла слово «ебаный».

Миссис Макклей разозлилась и приказала ей заткнуться, Маргарет Пул не произносила слова «ебаный». Микрофон просто был сломан. Это только похоже было на «ебаный», вот и все. Миссис Макклей истощно орала, что это ее конкурс, и если они вздумают отдать титул мне, им сперва придется ее убить.

Наверное, она их напугала, потому что в этой части схватки она взяла верх. И тут Дарси входит в театр с бокового входа и просит передать судьям записку:

Дорогая миссис Макклей и судьи, Прошу вас не

давать мне титул Мисс Миссисипи, потому что я тайно вышла замуж за негра и беременна. Боюсь, как бы это не повредило конкурсу.

*С наилучшими пожеланиями,
Маргарет Пул.*

Говорят, миссис Макклей взвизгнула и завопила, что это ложь, чей-то подлог. Но остальные судьи сказали, что не собираются жертвовать своей репутацией. Они все имеют вес в обществе и не могут пойти на такой риск: а ну, как это окажется правдой? Миссис Буканан единственная проголосовала за Маргарет Пул. После чего они вернулись на судейские места, а миссис Макклей оставили горевать на кушетке с влажным полотенцем на лбу.

Напоследок она приподнялась и сказала миссис Буканан:

— Не позволяй им так со мной поступить, Пэгги, — и рухнула на кушетку без чувств.

Так вот из-за чего они тогда чуть не передрались. Судьи так расстроились, что все перепутали. Линда Хортон со своей маримбой вообще не должна была оказаться в пятерке финалистов, а уж тем более поехать в театр «Пасадена» и попасть в телешоу «Дни Долины смерти». В общем, миссис Макклей навсегда ушла с конкурса «Мисс Миссисипи», сказала, что ее предало гнездо гадюк и она ни за что не поедет в Атлантик-Сити с этой белой швалью, имея в виду меня, разумеется. Мне ее даже как-то жалко. Победа досталась мне нечестным путем, но Джимми Сноу сказал: забудь, просто там наверху тебе задолжали, вот и помогли удрать из Миссисипи.

Ну вот, я-то думала, что у меня нет семьи, а меня столько народу вытягивало. Мне столько надо благодарить, что я просто обязана идти дальше.

Я давала интервью на телевидении, с которого меня уволили, и получила кучу писем и телеграмм от людей со всего штата. Губернатор прислал письмо, и два сенатора. Все меня поздравляют, даже Международный ордер Радужных девушек прислал телеграмму, что гордится тем, что одна из них стала Мисс Миссисипи. Наверное, они запамятовали, что вышвырнули меня. Ладно, все равно я им ответила и поблагодарила за заботу. Написали мне Пикл и Мастард. У них родился второй ребенок. Даже Билли Банди, который сидит в какой-то тюрьме в Теннесси, черкнул пару слов.

Но важнее всех для меня письмо, которое я получила сегодня. Там сказано:

Дорогая мисс Харпер,
Рад был с Вами познакомиться. Вы хорошая
девушка.

Ваш водитель,

Такси № 22

21 августа 1959

Через пятнадцать дней еду в Атлантик-Сити!

Джимми Сноу переименовал свой самолет в «Мисс Миссисипи» и собирается целую неделю опылять урожай в мою честь. Папа повесил здоровенный плакат на двери бара: «Официальная резиденция Мисс Миссисипи». Миссис Макклей умерла бы на месте при виде такого кощунства. На днях ходила в универмаг «Гэмбл», где меня фотографировали для официального портрета «Мисс Миссисипи». Они хотели сфотографировать меня в том белом платье, но мистер Сесил сказал, что надо в чем-нибудь другом, потому что в белом все Мисс Миссисипи фотографировались. Так что на портрете я сижу в коричневом замшевом пиджаке. Вы же знаете мистера Сесила. Он едет со мной в Атлантик-Сити, и все Сесилетки едут в том же поезде. Мы устроим бал. Удивительно, как со мной теперь все носятся. Даже пригласили в загородный клуб Хатисберга: Лига юниоров двадцать шестого числа дает обед в мою честь. Возьму с собой папу и Джимми Сноу. Завтра я должна пойти в город с мистером Сесилом и помочь ему выбрать наряд для Атлантик-Сити. Он ведет себя так, будто это он Мисс Миссисипи.

25 августа 1959

В четверг звонили из больницы. Джимми Сноу умер в 5.47 утра, он сломал шею. В среду его самолет разбился в округе Мэдисон. Мы с папой привезли его домой. Сегодня днем хоронили. Никого не было на похоронах,

кроме мистера Сесила и нескольких клиентов из бара, которые пришли, чтобы нести гроб. Папа очень переживает. Когда Джимми опускали в землю, он плакал, как ребенок. Джимми был его лучшим другом. Да и мне он тоже был лучшим другом. Не знаю, как теперь без него. Я думала, он всегда будет рядом. Так горько, что никто из родственников не пришел проводить его. Я спросила папу, как он думает, почему Джимми не женился и не завел детей. Он посмотрел на меня очень странным взглядом и сказал:

— Ты единственная, кого он по-настоящему любил. Разве ты не знала? Нет, я не знала. Ни сном ни духом.

3 сентября 1959

Вещи собраны. Утром уезжаю в Атлантик-Сити. Не представляю, что меня ждет и вернусь ли когда-нибудь, но знаю, что перед многими здесь в неоплатном долгу, и обещаю: не вернусь, пока не выйду в люди.

И сдержу обещание.

Об авторе

Фэнни Флэгг родилась в 1944 году в небольшом городке близ Бирмингема на юге Америки, ее настоящее имя Патриция Нил. В детстве она мечтала стать писательницей, но уже в школе у нее возникли проблемы из-за дислексии, и девочка увлеклась театром. В четырнадцать лет она играла в бирмингемском театре, в семнадцать, вступив в актерский профсоюз, сменила имя — тогда-то и появилась на свет Фэнни Флэгг. Имя Патриция Нил, несмотря на звучность, совершенно не годилось, поскольку так звали знаменитую актрису, обладательницу «Оскара». Окончив университет и театральную школу, Фэнни Флэгг вернулась в родной Бирмингем и стала работать на телевидении. И именно с телевидения началась ее писательская карьера — в качестве сценариста. Актерский дар также не пропал втуне: Фэнни Флэгг сыграла в классических уже фильмах «Пять легких пьес» и «Оставайся голодным». Но выбор она сделала все же в пользу литературы, хотя актерство и не забросила совсем, иногда снималась в кино и играла в театре. Ее первым романом стала книга «Дейзи Фэй и чудеса», которую ждал невероятный для дебютантки успех. Роман занимал верхнюю строчку списка бестселлеров почти три месяца. А второй роман, «Жареные зеленые помидоры в кафе „Полустанок“», стал уже всемирно любимой книгой, удостоившись похвал мэтров американской литературы. Позже роман лег в основу фильма, сценарий к нему написала сама Фэнни Флэгг. Но третий роман, «Добро пожаловать в мир, малютка!», даже превзошел по популярности две первые книги писательницы, газета «Нью-Йорк таймс» назвала ее Лучшей книгой года. Читатели буквально влюбляются в душевные, теплые, полные мягкого юмора истории Фэнни Флэгг, а критики находят для них лишь слова похвалы. Фэнни Флэгг сама же и озвучивает свои книги. Прирожденная рассказчица, она буквально завораживает слушателя своим теплым глубоким голосом с мягким алабамским говором, что и было оценено премией «Грэмми». Знаменитую писательницу безоговорочно называют продолжательницей лучших традиций американской литературы, неизменно ставя ее в один ряд с Марком Твенем. Ее последний роман «Рай где-то рядом» стал еще одним подтверждением мастерства писательницы.

Примечания

1

Общество «Ветераны иностранных войн» (VFW, Veterans of Foreign Wars) — организация, поддерживающая ветеранов. — *Здесь и далее примечания переводчика и редактора.*

2

Smart and Sassy — умный и дерзкий (*англ.*).

3

Томас Дьюи в 1944 и 1948 гг. являлся официальным кандидатом от Республиканской партии на пост президента США.

4

Filet mignon — филе-миньон, малое филе, порционный кусок вырезки (фр.).

5

Daisy по-английски — маргаритка.

6

Отзвуки Гражданской войны живы и поныне: в южных штатах по-прежнему недолюбливают янки, жителей северных штатов.

7

Американская актриса Маргарет О'Брайен (р. 1937) стала звездой в очень нежном возрасте: первую роль она сыграла, когда ей было 4 года. Повзрослев, актриса стала сниматься гораздо реже, но ее детские роли входят в золотой фонд мирового кино.

8

Американский комик Ричард Скелтон (1913–1997) получил свое прозвище Ред из-за огненно-рыжих волос, снялся в немалом числе комедий, но основным его призванием стало телевидение; в 70-х годах Ред Скелтон прекратил выступать и переключился на живопись, став довольно успешным художником.

9

Американская актриса Дороти Ламур (1914–1996) прославилась ролью Улу (женщины-Тарзана); во время Второй мировой войны Дороти была одной из самых популярных актрис среди американских солдат.

10

Американская театральная, телевизионная и киноактриса Селеста Холм (р. 1917) — обладательница премий «Оскар» и «Золотой глобус» за роль второго плана.

Бомба Джанг Бой — герой популярных комиксов, воплощенный на экране актером Джонни Шеффилдом, известным по фильмам о Тарзане. Джуди Канова (1913–1983) — знаменитая «девочка с косичками и гитарой», прославилась еще в детстве благодаря семейному шоу, в котором она пела и танцевала; впоследствии Джуди стала настоящей радиозвездой, ее колыбельная «Спокойной ночи, солдат» в годы Второй мировой войны была одним из символов американской армии.

12

1 фунт = 453,6 г.

13

Терри Мур (1929) — американская актриса, снималась в фильмах категории «Б», известность к ней пришла уже в 1970-е годы, когда стало известно, что в 1949 г. она тайно вышла замуж за миллиардера Говарда Хьюза.

Англо-американская актриса Патриция Медина (р. 1920) сейчас известна прежде всего ролью в фильме классика кино Орсона Уэллса «Мистер Аркадин».

«Мистер Гудбарс» — шоколадно-ореховые батончики, выпускаются с 1925 г.; «Рейзинет» — шоколадные батончики с изюмом. И то и другое — классика буфетов в американских кинотеатрах.

Джон Питер Вейсмюллер — знаменитый американский пловец, пятикратный олимпийский чемпион, позже сменивший плавки на набедренную повязку и прославившийся в роли Тарзана.

17

Сплит — сладкое блюдо из фруктов с орехами и мороженым сверху.

Эпистола — апостольское послание.

19

«Хадакол» — патентованный витаминный напиток, содержит 12 % алкоголя, особенно популярен в южных штатах.

Дэвид Крокетт (1786–1836) — американский народный герой, «наполовину конь, наполовину крокодил», по его собственному определению, меткий стрелок, знаменитый охотник на медведей, храбрец и хвастун. Круглая шапка из пушистого меха с болтающимся сзади енотовым хвостом, какую носили охотники, известна под названием «шапка Дэви Крокетта».

21

Сеть недорогих универмагов.

Джун Эллисон (1917–2006) — голливудская звезда 1950-х, прославилась ролями скромных матерей и благородных женщин. Ван Джонсон (1916–2008) — американский актер, воплотивший образ «парня из соседнего двора», актер фактически слился с веснушчатым скромнягой, которого постоянно играл в 1940— 1950-е годы.

«Кросли» — забавные и нелепые автомобили-малютки, их производство наладили в военные годы, когда топливо отпускалось по талонам и экономичность машины стала гораздо важнее ее внешнего вида.

«Бирма-Шейв» — торговая марка, под которой выпускался крем для бритья. Рекламные щиты «Бирма-Шейв» были одно время символом американской глубинки — они стояли вдоль дорог, радуя путников юмористическими стишками.

«Белой швалью» в южных штатах называли белых бедняков.

Рыжий и веснушчатый улыбающийся мальчик-ковбой по имени Хауди Дуди из кукольного телешоу 50-х годов, ставшего одной из первых детских телепередач, был любимцем американских детей.

27

1 ярд = 3 фута = 91,44 см.

Чокто — индейское племя, жившее на территории нынешних штатов Миссисипи, Алабама и Луизиана.

Каджуны — потомки акадийцев, колонистов из поселения Акадия во французской Канаде, которые в XVIII в., в период войны с французами и индейцами и после нее, были сосланы англичанами в разные колонии Юга (Cajun — искаженное произношения слова Acadian).

30

Больше 230 кг.

Барбаба Стенвик — голливудская актриса (настоящее имя Руби Стивенс), часто играла хладнокровных, жестких, расчетливых женщин, одну из лучших своих ролей сыграла в фильме Билли Уайлдера «Двойная страховка», создав архетипный образ роковой женщины.

Имеется в виду выражение The man in the moon, дословно «Мужчина в луне», — таким американцы видят лунный лик, лицо луны.

Дженнифер Джонс — харизматичная голливудская актриса (настоящее имя Филис Флора Айли, р. 1919), лауреат премий «Оскар» и «Золотой глобус».

Американский актер Корнел Уайлд (1915–1989) снимался в ролях романтических красавцев.

Изобретатель Александр Грэм Белл (1847–1922) в 1876 г. получил патент на телефонный аппарат, в 1877-м создал компанию «Белл телефон». Клеренс Бёрдсай (1886–1956) — бизнесмен, изобретатель процесса заморозки продуктов. Его фамилия *Birdseye* звучит в точности как словосочетание *bird's eye* — «птичий глаз», который и стал его товарным знаком. Роберт Эдвард Ли (1807–1870) — знаменитый генерал, участник Гражданской войны на стороне южан. В феврале 1865 г. был назначен главнокомандующим армии Конфедерации, но через два месяца был вынужден сдаться генералу Гранту и подписать капитуляцию.

Рори Кэлхаун (1922–1999), обладавший мужественной наружностью, одно время пользовался невероятной популярностью, в двух фильмах его партнершей была Мэрилин Монро.

Детективы Микки Спиллейна про сыщика Майка Хаммера легли в основу многих классических фильмов-нуар, в том числе и «Зацелуй меня до смерти». Первый роман был опубликован в 1947 г., успех у книг Спиллейна в 1950-е годы был грандиозный.

Джоан Кроуфорд, звезда немого кино, легко вписалась в эру звукового кинематографа, поскольку обладала сильным и красивым голосом, фильм «Фламинго Роуд» Майкла Кертица развивается по большей части в сумеречное время, и изображение намеренно темное.

Джеймс Кэгни (1899–1986) — актер. Среди фильмов с его участием «Янки дудл дэнди» (1942 г., премия «Оскар»).

За роль в этом фильме Хэмфри Богарт получил премию «Оскар». Действие фильма происходит в окрестностях озера Танганьика, и Хэмфри приходится сражаться не только с Кэтрин Хепберн, играющей миссионершу, но и с разнообразной тропической живностью.

Француженка Клодетт Кольбер (1903–1996, настоящее имя Лили Шошуэн) стала одной из ярчайших звезд золотого века Голливуда, ее улыбку называли самой искренней улыбкой в Голливуде. Роль в фильме Фрэнка Капры «Это случилось однажды ночью», принесшая ей премию «Оскар», является одной из самых значительных в мировом кино. Клодетт Кольбер — единственная реальная кинозвезда, которая фигурирует у Скотта Фицджеральда в его неоконченном романе о Голливуде «Последний магнат». В 1950-е годы актриса отошла от кино, сосредоточившись на театральных ролях.

Дуайт Дэвид Эйзенхауэр (1890–1969) — 34-й президент США, республиканец, единственный лысый президент в истории США после 1880 года.

Джейн Пауэлл (р. 1929) — американская певица, танцовщица, актриса, ампула — «типичная американка».

Кларк Кент — скромный газетный репортер, превращающийся в Супермена, когда надевает синий костюм с золотой буквой «S» на груди и красный плащ.

45

Средство для полоскания рта.

Американская актриса Бетти Грейбл (1916–1973) была идиолом для американских солдат во время Второй мировой войны. Говорят, именно она первой застраховала свои ножки на 1 миллион долларов в почтенной лондонской компании «Ллойдс».

Американская актриса Энн Блайт на экране в последний раз появилась в 1957 году.

Фильм-нуар 1950 года, в котором главную роль сыграла Лизбет Скотт, актриса с ампула роковой женщины. Карьера Лизбет Скотт впоследствии, по сути, была разрушена, когда публике стало известно о ее нетрадиционной сексуальной ориентации.

Бетти Фернесс (1916–1994) — актриса и позже популярная телеведущая. В отличие от Лизбет Скотт снималась в ролях наивных улыбчивых простушек.

«Henry J» — американский автомобиль, который «Кайзер-Фрайзер Корпорейшн» начала выпускать в 1950-х. Назван в честь председателя корпорации Генри Джона Кайзера.

51

Примерно 5,5 кг.

DeSoto — марка американского автомобиля с открытым верхом, который фирма «Крайслер Корпорейшн» выпускала с 1928 по 1961 г. Назван так в честь испанского конкистадора XVI века Эрнандо де Сото, который возглавил первую завоевательную экспедицию европейцев в Северную Америку.

Американскую актрису Джин Тирни (1920–1990) в 1940-е годы называли «золотой девушкой Голливуда» и «новой Джокондой» — за неизменную задумчиво-загадочную улыбку. Драматический эпизод из жизни актрисы лег в основу знаменитого детектива Агаты Кристи «Зеркало треснуло».

Сакоташ — блюдо из зеленой кукурузы, бобов и соленой свинины.

С 1949 г. боковины автомобилей «бьюик» украшались так называемыми «мышинными норками», декоративной имитацией вентиляционных отдушин, коих серии «Супер» надлежало иметь по три с каждой стороны. «Мышинными норками» декор на передних крыльях прозвали с легкой руки знаменитого британского карикатуриста Рассела Брокбэнка: на его изощутке, опубликованной в английском журнале «Мотор», из такой круглой дырочки в борту автомобиля выпрыгивала веселая мышка.

56

Игра — ракетка с привязанным шариком.

Ханкпапа (в другом написании хункпапа) — община индейского племени тетон народности сиу. Кочевала на севере территории племени в Монтане и Северной Дакоте.

Чиппева — индейское племя, жившее на территории нынешних штатов Мичиган, Висконсин, Миннесота, Северная Дакота и Канады.

Первая и трехкратная олимпийская чемпионка по фигурному катанию, норвежка Соня Хени (1912–1969), оставив в 1936 г. любительский спорт, стала звездой голливудского балета на льду, снялась в 10 фильмах в Голливуде, в том числе в знаменитой «Серенаде солнечной долины».

Эстер Уильямс (р. 1921) — «Русалка Америки», знаменитая американская пловчиха, спортивной карьере которой помешала начавшаяся Вторая мировая война. В Голливуде специально для нее придумали жанр «водные мюзиклы», в которых Эстер танцевала — но только не на твердой почве, а в воде. По сути, именно она придумала олимпийский ныне вид спорта — синхронное плавание.

Герой комиксов Томаса Мизна «Сиротка Энни», которые легли в основу мюзикла и мультфильмов, лысый богатей, сначала выгнал маленькую сиротку Энни, а затем, раскаявшись, кинулся на ее поиски.

В 1951 г. Иоланда Бетбезе победила в конкурсе «Мисс Америка», но стала центром скандала, заявив, что станет позировать голой, то есть в купальнике. В результате фирма-спонсор (производитель отвергнутых купальников) организовала альтернативный конкурс «Мисс США», который впоследствии трансформировался в «Мисс Вселенная».

Рой Роджерс (1911–1998), известный каждому американцу как Король ковбоев, — актер и кантри-певец, звезда вестернов и популярный телеведущий. Его партнершей, музой, а впоследствии и верной женой была Дейл Эванс, первая девушка-ковбой, первая леди музыкальных вестернов 1940-х годов.

Отважный ковбой, герой романов Луиса Ламура, а затем комиксов и фильмов-вестернов, всегда готовый прийти на помощь или рискнуть ради выгодного и опасного дельца.

Джонни Яблочное семечко — герой американского фольклора, посадивший множество яблоневых садов по всему Среднему Западу, особенно в штатах Огайо и Индиана. Изображается в виде босого длинноволосого старика в рубахе из мешковины и с мешком яблочных семечек за спиной. Имел реального прототипа по имени Джон Чэпмен (1774–1845). Джонни поставлено несколько памятников, есть мемориальный парк и автострада его имени в Огайо.

66

Примерно 41,5 кг.

Вогн Монро (1911–1973) — американский певец, трубач, лидер группы, популярной в 40-50-х годах.

Ивонна де Карло (1922–2007) — американская актриса, игравшая в основном секретарш, парикмахерш и прочих девушек без особых претензий.

Грейс Келли (1929–1982) — американская киноактриса, икона стиля, с кино и сценой покончила в 1956 г., после того как вышла замуж за Ренье III, принца Монако. Жизнь Грейс Келли завершилась трагически — машина, которую она вела, сорвалась с крутого обрыва.

Кармен Миранда, урожденная Мария ду Карму Миранда да Кунья (1909–1955) — бразильская и американская певица и актриса.

Англичанин Кэри Грант (1904–1986) стал одной из самых ярких звезд в истории Голливуда и кино в целом, он до сих пор считается одним из самых неотразимых мужчин.

Немного об этой системе образования, чтобы стало понятней. В 5 лет американские дети идут в начальную школу (*elementary school*). Начальная школа продолжается до пятого или шестого класса, после чего ученик переходит в среднюю ступень средней школы (*middle school*), которая заканчивается восьмым классом. Старшая ступень средней школы (*high school*) — это классы от девятого до двенадцатого.

В средней школе есть обязательные предметы и один или два необязательных, которые детям предлагают выбрать самим, такие, как иностранные языки, искусства или технологии.

Тони Кёртис (р. 1925, настоящее имя Бернард Шварц) — американский актер венгерского происхождения, пользовался широкой популярностью в конце 1950-х и начале 1960-х годов. У нас в стране он, наверное, известен прежде всего по феерической комедии «Большие гонки».

Фрэнк Лавджой (1914–1962) — американский актер.

Стивен Фостер (1826–1864) — американский композитор, поэт, автор популярных песен.

Член Демократической партии из южных штатов.

Фэтс Домино (р. 1928) — американский певец в стиле ритм-энд-блюз, пианист, композитор-песенник, один из родоначальников рок-н-ролла.

Песню исполнял Луи Армстронг, пел ее и Фэтс Домино.

Mustard в переводе «горчица», Pickle — «рассол, маринад».

Фред Макмюррей (1908–1991) — американский актер с заурядной, даже невзрачной наружностью, блистательно сыгравший в трех десятках фильмов, в том числе и в шедевре Билли Уайлдера «Двойная страховка» (1944).

Американская актриса *Виржиния Майо* (1920–2005) много снималась в кино, но большой звездой так и не стала, часто играла замученных жизнью героинь или жертв злодеев.

Островки Лангерганса — небольшие скопления клеток, рассеянные по поджелудочной железе, которые секретируют гормоны инсулин и глюкагон.

Джейн Уаймен (1914–2007) — актриса, обладательница премии «Оскар», первая жена Рональда Рейгана. Красавчик Рок Хадсон (1925–1985) — голливудский актер, неповторимый герой-любовник с трагически неоднозначной судьбой.

Аристократичную Эстеллу, героиню романа Ч. Диккенса «Большие надежды», с раннего детства воспитывали разбивательницей мужских сердец, она должна была стать орудием мести всем мужчинам, и первой ее жертвой оказался герой романа Пип, мальчик из семьи бедняков.

«Не Бог создал ангелов хонки-тонк» — песня Долли Партон; хонки-тонк — непритязательная фортепьянное кантри, игралось в основном в барах и салунах. «Ков-лига» — песня Хэнка Уильямса про деревянную фигуру индейца возле бара, который влюбился в статую девушки-индианки из магазина напротив. «Лживое сердце твое» — песенка из репертуара Элвиса Пресли, слова и музыка Хэнка Уильямса. «Счастливого тебе пути» — песенка «ковбойской парочки» Дэйл Эванс и Роя Роджерса.

Пэтси Клайн (1932–1963) — выдающаяся кантри-певица, оказавшая огромное влияние на всю американскую эстраду 1960-х годов.

Фильм-мюзикл с Юлом Бриннером в главной роли, который был абсолютно лыс, что не помешало ему стать одной из самых ярких звезд американского кино.

И так далее и тому подобное (*лат.*).

Тэб Хантер (р. 1931) — актер, сценарист, продюсер.

Теннесси Эрни Форд (р. 1919) — американский певец, обладатель роскошного баритона, именно после его исполнения в 1955 г. стала знаменитой песня «Шестнадцать тонн» (Sixteen Tons), которая ныне — джазовая классика.

Всемирно известная песня к фильму Альфреда Хичкока «Человек, который слишком много знал», название переводится с французского как «Что будет, то будет».

Пьеса Теннесси Уильямса.

Энн Сотерн (1909–2001) — американская актриса, номинантка на премию «Оскар».

Билли Грэм (правильное произношение полного имени — Уильям Грэхам, р. 1918) — американский религиозный и общественный деятель, член самого крупного в мире баптистского объединения Южной Баптистской конвенции. На протяжении многих лет является духовным советником президентов США.

Дороти Паркер (1893–1967) — американский писатель и поэт, более известна своим едким юмором и остротами о городских слабостях XX века.

«Христианская наука» — религиозная организация и этическое учение.

Кэтрин Корнелл (1898–1974) — американская актриса. Одна из «звезд» коммерческого бродвейского театра.

«Частные жизни» — история о семейной паре, которая не может существовать вместе, но и не может жить друг без друга, — одна из наиболее популярных пьес Ноэля Коурда.

Гертруда Лоуренс (1898–1952) — англичанка, американская актриса.

Эдди Фишер (р. 1928) — американский эстрадный певец и актер, сильный и мелодичный тенор вкупе с выигрышной внешностью сделал его кумиром американских подростков первой половины 1950-х. Помимо музыки Фишер известен своими браками с голливудскими звездами Дебби Рейнольдс, Элизабет Тейлор и Конни Стивенс.

Строка из песни.

Джек-фонарь — фонарь из поллой тыквы с отверстиями для глаз, носа и рта, со свечой внутри. Ставится перед домом или на подоконнике в канун Дня всех святых.

The Four Freshmen («Четыре первокурсника») — ансамбль организовали четыре первокурсника консерватории в Индианаполисе — отсюда и название. Пик популярности пришелся на 1950-е годы.

Бродвейский мюзикл 1943 г.

Традиционная английская песенка, которая исполняется во время чествования кого-либо.

Вероятно, имеется в виду знаменитая песня Фрэнка Синатры.

Слоган, призывающий увидеть красивое место в горах — Рок-сити, штат Джорджия.

Знаменитая мелодия американских менестрелей, исполняющих шуточные песенки. Есть много песен в стиле нонсенса, написанных на эту мелодию, одна смешнее другой. Одну из самых ранних, наверное, про девушку с деревянной ногой, исполняет группа Фредди Фишера, 1942 г., они играют на умопомрачительных инструментах и даже звонко портят воздух.

Вероятно, имеется в виду сцена из романа «Унесенные ветром», где Эшли дает в руки Скарлетт комок глины.

Маримба — музыкальный инструмент народов Южной Африки и Центральной Америки.

Мейми Эйзенхауэр (1896–1979) — первая леди, жена президента Дуайта Д. Эйзенхауэра.

Table of Contents

[Фэнни Флэгг Дейзи Фэй и Чудеса](#)

[1952](#)

[1956](#)

[1958](#)

[Об авторе](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)
[68](#)

[69](#)
[70](#)
[71](#)
[72](#)
[73](#)
[74](#)
[75](#)
[76](#)
[77](#)
[78](#)
[79](#)
[80](#)
[81](#)
[82](#)
[83](#)
[84](#)
[85](#)
[88](#)
[89](#)
[90](#)
[91](#)
[92](#)
[93](#)
[94](#)
[95](#)
[96](#)
[97](#)
[98](#)
[99](#)
[100](#)
[101](#)
[102](#)
[103](#)
[104](#)
[105](#)
[106](#)
[107](#)
[108](#)
[109](#)

[110](#)

[112](#)

[113](#)

[114](#)

[116](#)